

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1863.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено
было въ Цензурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Марта 7 дня.
1863 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

**Цензоръ, экстраординарный профессоръ богословія,
священникъ *Филаретъ Серіевскій.***

27. А что присовокупляетъ Евномій къ сказанному, и каково послѣдующее за тѣмъ? «Одни и тѣже дѣйствования, говоритъ онъ, производятъ тожество дѣлъ, а различныя дѣла указываютъ на различныя дѣйствования». Прекрасно этотъ не робкій приступилъ къ непреоборимой защитѣ своего слова! «Одни и тѣже дѣйствования, говоритъ онъ, производятъ тожество дѣлъ.» Посему повѣримъ сказанное дѣлами. Дѣйствованіе огня при согрѣваніи одно; посмотримъ же, какое согласіе имѣютъ дѣла? Мѣлъ плавится, глина крѣпнетъ, воскъ выгараеть; прочія животныя, если бывають въ огнѣ, гибнуть, а саламандра плодится; хлопокъ горитъ, каменный лѣнь вымывается въ пламени, какъ въ водѣ. Таково тожество дѣлъ отъ одного дѣйствования! А солнце? Не одно ли и тоже оно, и не одною ли и тою же силою все одинаково согрѣвая, одно изъ растений возвращаетъ, а другое иссушаетъ, измѣняя конецъ дѣйствования сообразно съ подлежащею ему силою? Растущее на камнѣ сушитъ оно, а что выросло на глубокой почвѣ, то увеличиваетъ во сто кратъ. А если вникнешь въ дѣла природы, и согласишься, сколько многохудожнаго производитъ она въ тѣлахъ: то еще болѣе дознаешь осмотрительность утверждающаго, что одно и тоже дѣйствованіе производитъ тожество дѣлъ: причина зачатія есть одно дѣйствованіе; но

многообразенъ составъ устрояемаго внутри, такъ что никто не будетъ въ состояніи легко перечислить разности качествъ въ тѣлѣ. Одно опять дѣйствованіе у младенцевъ — сосаніе молока: но изобразить ли какое слово разнообразныя произведенія таковой пищи? Какъ бы по трубѣ расходится она изъ усть въ отдѣляющіе протоки; претворяющая же сила естества сообразно съ каждымъ членомъ проводить къ нему молоко, перевариваніемъ раздробляя пищу на тысячи разностей, и соразмѣрно потребности каждаго члена преобразуя се въ однородное съ нимъ. Ибо одною и тою же снѣдію питаются біющіяся и кровоносныя жилы, головной мозгъ, мозговая оболочка, костяной мозгъ, кости, чувствительныя жилы, связки, сухія жилы, плоть, наружность, хрящи, жиръ, волосы, ногти, потъ, испарина, мокрота, желчь и все прочее излишнее и негодное отъ одной же зависить причины. И если переименуешь члены, и орудныя, и чувствительныя, и все прочее, наполняющее собою тѣлесный составъ; то относительно къ пищѣ однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ измѣняется это во столько разностей. И если кто обратитъ вниманіе на искусства, то и въ нихъ найдетъ изслѣдованное о догматѣ; ибо у дѣлающихъ что-либо руками во всякомъ искусствѣ видимъ болышею частію одно и тоже дѣйствованіе, разумію же одно и тоже движеніе

рукъ. Но посмотримъ, что общаго въ произведеніяхъ? Что наиримѣрь общаго въ построеніи храма и въ приготовленіи одежды, тогда какъ въ томъ и другомъ случаѣ искусство дѣйствуетъ движеніемъ руки? Руку приводитъ въ движеніе кто и ломаетъ стѣну; се же двигаетъ, кто роетъ колодезь; и изъ земли добываетъ металлъ, и смерти предается человѣкъ, все это — дѣла движенія рукъ; и воинъ въ битвѣ совершаетъ рукою пораженіе враговъ, и земледѣлецъ рукою опять при помощи заступа размягчаетъ земную глыбу. Посему какъ же нашъ установитель догматовъ утверждаетъ, что одни и тѣже дѣйствования производятъ тожество дѣлъ? Но если допустить, что въ сказанномъ есть нѣсколько и правды; то симъ еще болѣе подтверждается сродство по сущности и Сына съ Отцемъ и Духа съ Сыномъ. Ибо если была бы какая либо разность въ дѣйствованіяхъ, такъ что иначе дѣйствовалъ бы Отецъ, и иначе по благоусмотрѣнію Сынъ: то справедливо было бы по разности дѣйствованій заключать о разности дѣйствовавшей при каждомъ дѣйствованіи сущности. Если же какимъ образомъ дѣйствуетъ Отецъ, подобно сему творить все и Сынъ, по слову Самаго Господа и по требованію разума (потому что дѣйствуетъ не безплодно одинъ, а другой съ помощію тѣла, не изъ одного вещества одинъ, а изъ другаго другой; не въ иное каждый время и не въ

нномъ мѣстѣ совершаетъ угодное ему; да и разности самыхъ орудій не производятъ различія; но достаточно одного движенія воли и устремленія произвола, которому сопутствуетъ и которое сопровождаетъ въ приведеніи въ бытіе существъ все осуществляющая сила); и во всемъ одинаково однимъ родомъ дѣйствованія дѣйствуютъ и Отецъ, *изъ Него же вся*, и Сынъ, *Изъ же вся* (1 Кор. 8, 6.); то почему же этотъ Евномій изъ различія дѣйствованія Отца и Сына, отдѣляющаго ихъ одного отъ другаго, думаетъ доказать разность Сына и Духа по сущностямъ? Ибо, какъ сказали мы, оказывается противное сему, потому что въ Отцѣ и Сынѣ не усматривается въ какомъ либо родѣ различія дѣйствованій; и что пѣтъ никакой постепенности въ сущностяхъ Сына и Духа, сіе открывается изъ тождества осуществившей силы, какъ подтверждаетъ слово наше и свидѣтельство этого писателя (з), такъ читаемое буквально: «какъ дѣйствованія, сказано у него, производятъ тождество дѣлъ.» Поэтому если тождество дѣлъ производится одинаковостію дѣйствованій, а, по ихъ же словамъ, дѣло Отца есть Сынъ, и Сына Духъ Святой: то однообразность дѣйствованія Отца и Сына, безъ со-

(з) Евномія.

миѣнія, будетъ доказывать тожество произведшей сущности.

Евномій присовокупляетъ: «различныя дѣла показываютъ и различныя дѣйствія.» Посему разсмотримъ опять и это, въ чемъ состоитъ твердость сего положенія, и, если угодно, представимъ на сіе ясныя примѣры. Не одно ли дѣйствованіе повелѣнія единымъ Своимъ хотѣніемъ Осуществившаго весь міръ и все, что въ мірѣ? *Яко Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (Пс. 148, 5.). Не во всемъ ли одинаково осуществилось повелѣніе, и не достаточно ли было одинаго изволенія къ приведенію въ бытіе не существовавшаго? Почему же, когда слѣдствіемъ одного дѣйствованія, состоявшаго въ повелѣніи, усматривается столько разности: Евномій, какъ бы не видя совершившагося, говоритъ, что различіе дѣлъ доказываетъ разность дѣйствованія? Должно было бы напротивъ того всему, что въ мірѣ, быть однообразнымъ, если, по словамъ установителя догматовъ, въ различіи дѣлъ обнаруживается и разность дѣйствованій. Или все это видитъ онъ подобнымъ, и только въ Отцѣ и Сынѣ усматриваетъ неподобіе?

Итакъ, если не обратилъ вниманія прежде, пусть посмотритъ теперь на разность стихій, и на то, какъ въ мірѣ каждая вещь, входящая въ составъ цѣлаго, по естеству направ-

лена къ противоположному. Иное легко и стремится обыкновенно вверхъ, другое тяжело и готово упасть внизъ; одно всегда неподвижно, другое непрестанно движется; и изъ движимаго иное имѣеть движеніе неизмѣнное, по одному направленію, какъ то: небо и подвижныя звѣзды, теченіе которыхъ возвращается всегда на прежній путь; а инос, будучи разлито повсюду, несется всегда, куда случится, какъ-то: воздухъ, море и всякое естество жидкой сущности. Что же скажетъ кто о противленіи теплаго холодному, или о разности влажнаго съ сухимъ, о разстояніи верхняго и нижняго? Сколько естественныхъ несходствъ у животныхъ? И какое человѣческое слово исчислить разности растений по виду и величинѣ, по плодамъ и качествамъ?

28. Но этотъ мудрецъ доказываетъ намъ, что для разныхъ дѣлъ и дѣйствованія разныя, или не дознавъ еще того образа Божественнаго дѣйствованія, о которомъ говоритъ Писаніе, что словомъ повелѣнія *вся создашася*, или оставаясь слѣпымъ къ усмотрѣнію разностей въ сотворенномъ; и говоря намъ такъ не осмотрительно, постановляетъ законъ о божественныхъ догматахъ, ни отъ кого еще, можетъ быть, не слыхавъ, что все утверждаемое рѣшительно, если не вообще, то въ разсужденіи извѣстнаго предмета, должно быть безспорнымъ и общепризнаннымъ. А кто сво-

бодно догматически утверждаетъ то, въ чемъ не согласится съ нимъ никто изъ людей осмотрительныхъ, тотъ нисколько не отличается отъ рассказывающихъ на пиру сны или басни. И поелику въ сказанномъ у Евномія такая несообразительность; то, какъ признающіе дѣйствительнымъ, что въ сонномъ мечтаніи видятъ нѣчто озабочивающее ихъ на яву, съ жаромъ привязываются къ несуществующему къ дѣйствительности, и полагаютъ, что владѣютъ желаемымъ, потому что пожеланіе видимаго удостовѣряетъ въ этомъ обманчивымъ видѣніемъ; такъ и Евномій, вслѣдствіе этого, подобнаго сну, отпечатлѣнія догматовъ, возмечтавъ, что сказанное имъ имѣетъ силу, утверждаетъ, что это дѣйствительно такъ, и этимъ самымъ старается доказать остальное. Мѣсто сіе у Евномія стѣнитъ того, чтобы привести его здѣсь; буквально же читается оно такъ: «поселику же сіе дѣйствительно такъ, и взаимнымъ отношеніемъ одного къ другому соблюдается непремѣнная связь: то производящимъ изслѣдованіе въ сродномъ вещамъ порядкѣ и не усиливающимся смѣшивать и сливать все вмѣстѣ, если возбуждено будетъ какое сомнѣніе о сущности, надлежитъ изъ первыхъ и непосредственно принадлежащихъ сущностямъ дѣйствованій производить удостовѣреніе въ доказываемомъ и разрѣшеніе сомнѣнія, сомнѣніе же о дѣйствованіяхъ разрѣшать изъ сущностей.»

29. И такъ, думаю, что для показанія нелѣпости сказаннаго достаточно самыхъ реченій нечестія. Ибо какъ изображающій въ словѣ обезображенное страданіемъ лице всего лучше покажетъ болѣзнь, снявъ покрывала, такъ что смотрящимъ на видимое ничего не будетъ должно дознавать въ словесномъ изображеніи: такъ для способныхъ прозрѣвать душою достаточно, думаю, обнаружатся безобразіе и искаженіе еретическаго ученія, будучи открыто чрезъ одно чтеніе. Но поелику, какъ бы персть какой, на гнилость ученія наведя указующее слово, подлежитъ въ большей ясности представить для многихъ заключающійся въ ученіи вредъ; то снова повторю по порядку сказанное. «Поелику, говоритъ онъ, это дѣйствительно такъ.» Что такое высказываетъ сновидецъ? Что такое «это»? и что значить: «такъ»? То, что одна собственно такъ называемая и превысшая сущность—сущность Отца; а поэтому, безъ сомнѣнія, не собственно такъ называется слѣдующая за нею, и еще менѣе собственно — третія сущность: вотъ что постановилъ онъ закономъ въ сказанномъ! Потому ли, что за первую сущностію слѣдуетъ нѣкое дѣйствованіе, произведеніемъ и дѣломъ котораго есть Единородный Сынъ, связанный мѣрою дѣйствованія Его производнаго? Или потому, что сущности представляются меньшими и большими, поелику какъ-то за-

ключены одна въ другой, и меньшая объем-
 лется болѣе обширною, что бываетъ съ сосу-
 дами, вкладываемыми другъ въ друга, въ слѣд-
 ствіе чего Евноміи усматриваетъ большими и
 меньшими тѣ сущности, которыя не имѣютъ
 ограничивающаго ихъ конца и предѣла? Или
 потому, что разности созданій показываютъ
 инаковость и создателей, такъ что невозмож-
 но отъ одинаковыхъ дѣйствованій произойти
 разнымъ созданіямъ? И такъ ужель у кого чув-
 ствилица души погружены въ столь глубокій
 сонъ, что, услышавъ подобныя ученія, немед-
 ленно согласится съ утверждающимъ: «послику
 же это таково, и по взаимному отношенію
 соблюдается въ этомъ неразрывная связь.»
 Ибо, думаю, что признакъ совершеннаго по-
 мѣшательства въ умѣ— и говорить подобное
 этому, и безъ изслѣдованія выслушивать
 утверждающихъ, будто бы по взаимному от-
 ношенію, какою-то связію поправляется разъ-
 единенное между собою несходствомъ въ
 естествѣ. Ибо, по нашему разумѣнію, соеди-
 няется оно или сущностию, и въ такомъ слу-
 чаѣ по взаимному отношенію блюдетъ нераз-
 рывную связь; или отдѣляется одно отъ дру-
 гаго по инаковости естества, какъ думаетъ
 онъ. И въ томъ, что чуждо другъ другу,
 какое найдется отношеніе по связіи, соблю-
 дающее неразрывность? Что же это за срод-
 ный вещамъ порядокъ, по которому Евноміи

узаконяетъ производить изслѣдованіе? Если бы имѣлъ онъ предъ очами у себя ученіе истины, и въ слѣдствіе того разсуждалъ о разности, касающейся одного порядка въ томъ, что составляетъ предметъ вѣрованій во святой Троицѣ; то, поелику этотъ, какъ говоритъ Евномій, сродный порядокъ различеніе ипостасей дѣлаетъ не слитнымъ, такъ что признаются онѣ и имѣющими общеніе по сущности, и раздѣленными по понятію ипостаси, и Евномій, конечно, не былъ бы причисленъ къ противникамъ, говоря то, что стали бы защищать и мы. Теперь же все его сочиненіе, клонясь къ противоположному, дѣлаетъ, что трудно уразумѣніе понимаемаго имъ здѣсь порядка. Весьма большая разность между тѣмъ, что произвольно, и тѣмъ, что невольно, по какой-то естественной необходимости, достигаетъ конца. Огню естествена теплота, лучу—свѣтлость, водѣ—теченіе, камню — паденіе внизъ, и подобныхъ примѣровъ можно указать множество. Но если кто построилъ домъ, или принялъ на себя начальство, или завелъ торговлю, или предпринялъ другое какое занятіе, и, обдумавши дѣло и приготовившись къ нему: то о немъ нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, что въ сдѣланномъ имъ есть нѣкій сродный этому порядокъ; потому что согласно съ хотѣніемъ избирающаго и съ пользою совершаемаго дѣла вводится порядокъ

производителями каждаго дѣла. И такъ, послѣдку здѣсь еретическое ученіе отдѣляетъ Сына отъ естественнаго свойствá съ Отцемъ, и той же мысли держится о Духѣ, какъ отчужденномъ отъ единенія съ Сыномъ и Отцемъ, и во всемъ сочиненіи доказывается, что Сынъ есть дѣло Отца, и Духъ—дѣло Сына, все же это дѣла произволенія, а не произведенія естества: то почему Евномій опредѣляетъ, что дѣло воли есть нѣкій сродный порядокъ дѣлъ?

Не знаю, что разумѣлъ Евномій въ сочиненіи семъ, то ли, что Богъ всяческихъ, создавъ сіе естество Сына и Духа Святаго, содѣлалъ такую постепенность сущностей, что одинъ подчиненъ другому? И если это разумѣть; то почему не объяснилъ сказаннаго, — на какомъ основаніи представляетъ себѣ, что знаетъ это о Богѣ, будтобы въ малости дѣлъ открывается большая Его сила? Но кто согласится на это, что въ малости произведеній усматривается великая причина и сила, а не скажетъ напротивъ того, что не всему отъ Него происшедшему могъ дать совершенство? И какъ засвидѣтельствуешь Евномій, что Богу принадлежитъ наивысшее и въ самомъ собственномъ смыслѣ восписуемое превосходство, если докажетъ, что сила меньше произволенія? Или скажетъ, что происхожденіемъ отъ Него не подано причины къ совершенству, чтобы, конечно, не умалились честь и слава по превосходству чтимаго? По

кто столько жалокъ, что и божественнаго и блаженнаго естества не представить себѣ чистымъ отъ страсти зависти? Посему какая благовидная причина Богу всечеловѣческихъ такой установить порядокъ для Единороднаго и Духа? Но не отъ Бога всечеловѣческихъ это, говоритъ онъ. Отъ кого же иного, если въ имѣющихъ сродство по естеству не усматривается сроднаго имъ порядка? Но, можетъ быть, ипсшую степень сущности въ Сынѣ и Духѣ называетъ сродною порядку? Впрочемъ имѣю нужду дознать причину и этому самому, почему Сынъ умаляется по сущности, тогда какъ сущность и дѣйствование познаются съ равными, даже одними и тѣми же, признаками и отличительными свойствами. Если же понятіе сущности и дѣйствования не одно и то же, по означаемое тѣмъ и другимъ словомъ различно: то почему доказательства некогого замѣтуются въ постороннемъ и чуждомъ? Если бы, когда любопытствуютъ знать о человѣческой сущности, и спрашиваютъ: не смѣшное ли, или не способное ли учиться грамматикѣ животное есть человѣкъ, въ доказательство представеннаго возметъ устройство дома или корабля, произведенное строителемъ того или другаго; потомъ подтвердить это такимъ мудрымъ словомъ: сущности познаемъ по дѣйствованиямъ; домъ же и корабль есть дѣйствование человѣка, а изъ сего заключаемъ, недогадливый, что человѣкъ есть жи-

вотное съ тупыми погтями и смѣшливое: на такой отвѣтъ скажетъ иной: не о томъ былъ вопросъ, имѣеть ли человекъ какое движеніе и дѣйствованіе, но о томъ, что такое по природѣ своей само дѣйствующее, — вотъ что особенно нужно дознать миѣ изъ отвѣта. Если бы хотѣлось миѣ узнать что нибудь о вѣтрѣ, то, указавъ на груды песка, нанесенную вѣтромъ, или на кучу соломы, или на поднятую пыль, не далъ бы ты дѣльнаго отвѣта на вопросъ; ибо иное понятіе о вѣтрѣ, а ты вмѣсто искомага указываешь на другое. Посему какъ же Евномій доказываетъ сущности дѣйствованіями, и основаніе бытія самаго существа представляетъ изъ производимаго существомъ.

Потомъ разсмотримъ и сіе: какое это дѣло у Отца, по которому, говоритъ Евномій, постигается сущность дѣйствовавшего? Конечно, наименоуетъ Сына, если поведеть обычную рѣчь. Но Сынъ, по твоему разсужденію, премудрѣйшій, будучи измѣряемъ произведшимъ Его дѣйствованіемъ, указываетъ на него одно; а искомое тѣмъ не менѣе остается въ неизвѣстности, если только дѣйствованіе, какъ и тобою засвидѣтельствовано, есть нѣчто изъ послѣдующаго за первою сущностію: потому что оно, какъ ты говоришь, простирается до той же мѣры какъ и дѣло имъ совершенное, и въ произведеніи обнаруживается дѣйствованіе не таковымъ, каково оно по природѣ, а

только въ какой мѣрѣ усматривается оно въ дѣлѣ. Ибо какъ у мѣдника не вся сила была подвигнута, чтобы сдѣлать буравъ, но въ какой соразмѣрности требовалось для сдѣланія снарада, въ такой и дѣйствовало искусство ремесленника, имѣющее возможность произвести много разнообразныхъ вещей: такъ мѣру дѣйствованія показываетъ въ себѣ кто имъ произведенъ. Но вопросъ у насъ не о количествѣ дѣйствованія, а о самой сущности дѣйствовавшаго. На томъ же основаніи, если скажетъ, что посредствомъ Духа (а Духомъ именуется онъ дѣло за Сыномъ послѣдующаго дѣйствованія) постигается естество Единороднаго, то въ словѣ Его нѣтъ никакой состоятельности; потому что и здѣсь опять дѣйствованіе простирается не далѣе произведенія, и произведеннымъ не показываетъ, каково естество и у него самаго и у дѣлающаго.

Но чтобы не спорить и въ этомъ, согласимся, что сущности познаются по дѣйстваніямъ. И такъ первая сущность познается по дѣлу ея, и вторую сущность также показываетъ дѣло, ею совершаемое. Посему, скажи мнѣ, мудрецъ, о третьей, что служитъ ея указаніемъ? Никакого подобнаго дѣла не усматривается у третьей сущности. Если сущности постигаются, какъ говоришь, по дѣйстваніямъ: то долженъ будешь признать, что естество Духа непости-

жимо, не имѣя подобнаго непосредственно за Нимъ слѣдующаго дѣйствованія, по которому бы, остановясь на этомъ, можно было заключать объ естествѣ Духа. Посему, или покажи какое либо существенное дѣло Духа, по которому, какъ говоришь, постигается сущность Духа; или вся ваша паутинная ткань распалется отъ прикосновенія слова. Ибо, если, по вашему разумѣнью, сущность познается по непосредственно слѣдующему дѣйствованію; а у Духа нѣтъ никакого существеннаго дѣйствованія, тогда какъ дѣломъ Отца называетъ Сына, и дѣломъ Сына—Духа: то снмъ самымъ признается, что естество Духа, конечно, непознаваемо и непостижимо, какъ необнаруживаемое никакимъ дѣйствованіемъ, умопредставляемымъ впостасно. Если же Духъ избѣгаетъ постиженія; то какъ постигается сущность превысшая не постигнутаго? Ибо, если не познаваемо дѣло Сына, которое, какъ говорятъ они, есть Духъ: то, конечно, не можетъ быть познаваемъ и Сынъ, прикрываемый недовѣдомостію Того, Кто долженъ быть свидѣтельствомъ о Немъ. И если въ такомъ случаѣ сокрыта сущность Единороднаго; то какъ сокровенною сущностію явлена будетъ «самая высшая и собственно такъ называемая» сущность, когда недовѣдомость Духа въ обратномъ порядкѣ чрезъ Сына передается Отцу; а поэтому и по

свидѣтельству враговъ ясно открывается, что совершенно непостижима сущность Отца? Посему на какомъ же основаніи этотъ прозорливецъ, видя несуществующее, и самъ естество неявленныхъ и непостижимыхъ видитъ одно посредствомъ другаго, и намъ повелѣваетъ видѣть, утверждая, что по дѣламъ постигаются сущности, а по сущностямъ дѣла?

Но разсмотримъ и продолженіе рѣчи. «Сомнѣніе о дѣйствованіяхъ, говоритъ Евномій, разрѣшать по сущностямъ.» Возможно ли кому избавить его отъ этихъ пустыхъ предположеній? Сомнѣнія о дѣйствованіяхъ, думаетъ онъ, возможно разрѣшать постиженіемъ сущностей! Какъ сомнительное посредствомъ непостигнутаго приводитъ въ вѣру? Ибо если сущность постигнута: то какая потребность любопытствовать о дѣйствованіи, будто бы имъ будемъ приведены къ постиженію искомаго? Если же изслѣдованіе дѣйствованія необходимо потому, что путеводемся имъ къ познанію производящей его сущности: то какъ не познание еще нами естество возможетъ разрѣшить сомнѣніе о дѣйствованіяхъ? Доказательства всякой сомнительной вещи заимствуются въ томъ, что признано всѣми. А когда то и другое въ искомомъ одинаково неизвѣстно: какъ, по словамъ Евномія, вещи сами по себѣ неизвѣстныя постигаются одна посредствомъ другой? При не-

доумѣніи о сущности Отца, утверждаетъ онъ, искомое дѣлается явнымъ изъ слѣдующаго за Отцемъ дѣйствованія и совершаемаго имъ дѣла. И опять при вопросѣ, что такое есть сущность Единороднаго, Котораго Евномій называетъ то дѣйствованіемъ, то произведеніемъ дѣйствованія (пбо пользуется тѣмъ и другимъ реченіемъ),—по сущности производшаго, говоритъ онъ, не трудно разрѣшить недоумѣніе объ Единородномъ.

30. Желалъ бы я дознать отъ Евномія и слѣдующее: о Божіемъ ли одномъ естествѣ утверждаетъ онъ, что недоумѣніе о дѣйствованіяхъ разрѣшается по дѣйствующей сущности; или касательно всякой вещи, для которой есть нѣкая творящая сила, по сущности творящаго познаетъ онъ естество сотвореннаго? Если такое ученіе преподается объ единой Божіей силѣ: то пусть покажетъ Евномій, какъ недоумѣніе о дѣлахъ Божіихъ разрѣшаетъ онъ естествомъ Совершившаго. Ибо вотъ несомнѣнное Божіе дѣло—небо, земля, море, цѣлый міръ. Пусть же предположительно спрашивается о сущности чего-либо одного изъ исчисленнаго; и пусть возрѣнію разума предложено будетъ небо. Итакъ, поелику сущность неба сомнительна, по причинѣ разнообразныхъ о немъ мнѣній различно разсуждавшихъ о томъ естествослововъ, какъ представлялось каждому:

то какъ умозрѣніе о Сотворшемъ небо доставитъ намъ разрѣшеніе недоумѣнія объ искомомъ? Создатель невестественъ, невидимъ, не имѣетъ видимаго образа, не рожденъ, вѣчно пребываетъ, остается недоступнымъ тлѣнію, превращенію, измѣненію и всему, что подобно тому. Посему какъ же пріобрѣтшій такое понятіе о Содѣлавшемъ приведенъ симъ будетъ къ познанію естества неба? Какъ по невидимому уразумѣетъ видимое, по нетлѣнному — подлежащее тлѣнію, по существу нерожденно—состоявшееся во времени, по пребывающему вѣчно—получившее себѣ бытіе временное, и по всему противоположному составить себѣ представленіе объ искомомъ? Пусть скажетъ сіе съ точностію вникающій въ существа, — пусть скажетъ, какъ несходное по естеству можетъ быть познаваемо одно посредствомъ другаго. Но тѣмъ самымъ, что говоритъ Евномій, если бы умѣлъ онъ оставаться вѣрнымъ собственному слову своему, былъ бы онъ приведенъ къ согласію съ церковнымъ догматомъ. Ибо если естество Сотворшаго показываетъ сотворенное Имъ, какъ онъ говоритъ; а Сынъ, по ихъ же словамъ, есть произведеніе Отца: то, конечно, уразумѣвшій естество Отца позналъ чрезъ Него и естество Единороднаго, если только естество дѣйствовавшаго служило указаніемъ и произведеннаго.

31. Какъ и чрезъ это по самому неравенству Единородный устраняется отъ дѣль промысла; то рожденіе да не будетъ предметомъ пытливаго изысканія, и тѣмъ да не обличается съ усиленіемъ неравенство Единороднаго. Ибо и разности произволеній достаточно къ тому, чтобы обнаружить инаковость естества. Поелику первая сущность, по согласному съ нами признанію даже и противниковъ, проста: то необходимо представлять себѣ сопутственное естеству произволеніе. А какъ доброе произволеніе доказывается промысломъ; то имъ же доказывается и благодать естества, у котораго произволеніе; а какъ одинъ Отецъ творитъ благое, Сынъ же не имѣетъ на сіе произволенія (говорю предположительно ради противниковъ): то очевидна будетъ разность въ сущности, свидѣтельствуемая различіемъ произволеній. Если же Отецъ промышляетъ о всемъ, а также промышляетъ и Сынъ; ибо что видитъ творящаго Отца, *сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19.); то сіе тожество произволеній, конечно, указываетъ на общность естества въ имѣющихъ одно и то же произволеніе. Почему же не цѣнится понятіе о промыслѣ, какъ бы ни мало не содѣйствующее къ рѣшенію вопроса, хотя наше слово подтверждаютъ многіе примѣры, встрѣчающіеся въ жизни. — разумѣю же примѣры извѣстнаго всѣмъ? Кто видѣлъ свѣтъ огня, и испыталъ

его теплотворную силу, тотъ, если приблизится къ другому такому свѣту и къ другой такой же теплотѣ, очевидно, приведенъ будетъ къ понятію объ огнѣ, сходствомъ явленій возводимый къ мысли о сродствѣ естества, произведшаго сіи явленія: ибо, что не огонь, то не производитъ всего свойственнаго огню. Такъ если усматриваемъ въ Отцѣ и въ Сынѣ подобнымъ и равнымъ однимъ и тотъ же законъ промысла; то по достигнуему до нашего вѣдѣнія гадаемъ и о превышающемъ наше разумѣніе, что не ипородно по естеству познанное по равнымъ и сходнымъ произведеніямъ. Ибо въ какомъ взаимномъ отношеніи состоятъ внѣшніе признаки каждой вещи: такъ по необходимости относятся между собою и самыя сіи подлежащія. И если внѣшніе признаки противоположны между собою; то противоположными, конечно, надлежитъ признать и вещи, по симъ признакамъ открывающіяся. И если признаки одинаковы, то не противоположны и вещи. И Господь въ притчѣ говоритъ, что плоды суть знаки естества деревъ, такъ что плоды разнятся не вопреки естеству деревъ, и дурнымъ деревьямъ не приличны плоды хорошіе, и на оборотъ хорошимъ деревьямъ дурные плоды; по плодамъ, сказано, познаются деревья (Матѣ. 7, 20.). Такъ поелику и плодъ промысла не имѣетъ никакой разности; то одно усматриваемъ естество, возрас-

тивнее сіи плоды, хотя плодъ спадаетъ съ разныхъ деревьевъ. Посему въ слѣдствіе извѣстнаго нашему разумѣнію (извѣстно же намъ разумное начало промысла, одинаково усматриваемое и въ Отцѣ и въ Сынѣ), несомнѣнными дѣлаются и сходство по естеству и общность Единороднаго съ Отцемъ, познаваемыя по тожеству плодовъ промысла.

32. Но чтобы не подумали сего; Евномій, какъ бы вынуждаемый какою необходимостію, говоритъ, что оставляетъ разсужденія о дѣлахъ промысла, а обращается къ образу рожденія; «потому что, говоритъ онъ, образу рожденія послѣдуетъ и образъ подобія». Какая убѣдительность доводовъ! Какъ сильно это обиліе Евноміева искусства въ словѣ заставляетъ насъ согласиться съ сказаннымъ! Образу рожденія, говоритъ Евномій, послѣдуетъ и образъ подобія. Сколько искусства и осмотрительности въ этомъ положеніи! Посему, если познанъ будетъ образъ рожденія, вмѣстѣ съ этимъ откроется и образъ подобія. Посему, такъ какъ у всѣхъ, или у большей части животныхъ, раждающихся плотски, образъ рожденія одинъ и тотъ же; образу же рожденія, по ученію евноміанъ, послѣдуетъ образъ подобія: то всѣ раждаемые однимъ и тѣмъ же образомъ, конечно, будутъ въ подобномъ отношеніи къ рожденнымъ подобно. Итакъ, если образъ рожденія, какъ говоритъ еретическое

слово, себѣ уподобляетъ раждаемое; а сей образъ при многоразличныхъ разностяхъ животныхъ ничѣмъ у нихъ не разнится, но у большей части одинъ и тотъ же: то окажется, что общее, безъ всякаго ограниченія сдѣланное, положеніе, по причинѣ подобнаго рожденія, подобными другъ другу представляетъ всѣхъ, —человѣка, пса, верблюда, мышь, слона, барса, и всѣхъ другихъ животныхъ, которыя обыкновенно раждаются подобнымъ образомъ. Или Евномій подобными другъ другу называетъ не всѣхъ раждаемыхъ сходно, но разумѣетъ подобіе каждаго раждаемаго съ тѣмъ однимъ, отъ кого раждается? Но если это хотѣлъ онъ выразить; то долженъ былъ подобнымъ назвать раждаемое раждающему, а не образъ подобія—образу рожденія. Но хотя это справедливо, и усматривается въ природѣ, а именно, что раждаемое однородно съ раждающимъ,—однакоже не принимается такъ безусловно, чтобы нечего было обратить въ возраженіе положенію. Ибо если скажетъ, что раждаемое подобно раждающему; то напраснымъ и несостоятельнымъ обличится все, что съ такою тщательностію сочинено Евноміемъ о неподобіи сущностей.

Теперь же говоритъ онъ, что образу рожденія послѣдуетъ образъ подобія. А это для умѣющихъ съ точностію разбирать основаніе мысли не окажется ли совершенно невразу-

нительнымъ? Ибо услышавшій выраженіе: образъ рожденія, придетъ въ великое затрудненіе, что должно разумѣть ему. О наружномъ ли видѣ раждающаго, говоритъ Евномій? Или о направленіи, или о расположеніи, или о мѣстѣ, или о времени? Или о томъ, что зародышъ зачатіемъ приводится въ усовершеніе? Или упоминается о самыхъ мѣстахъ зарожденія? Или говоритъ не объ этомъ, а о чемъ-то иномъ, касающемся до рожденія? И какъ дознаемъ значеніе сказаннаго? Ибо неточность и неясность реченія: образъ, приводитъ насъ къ сомнѣнію въ означаемомъ, потому что всѣ значенія равно приходятъ на мысль, и каждое въ равной мѣрѣ не имѣетъ связи съ подлежащимъ. А также, что называется образомъ подобія, представляемъ себѣ чуждымъ всякаго смысла, имѣя въ виду примѣры извѣстные всякому изъ обычая. Ибо не виду или образу рожденія уподобляется раждаемое; порожденіе, въ рожденіи плотскомъ, есть отдѣленіе тѣла, изводящее наружу образованіемъ въ утробѣ доведенное до совершенства живое существо; а раждаемое есть или человекъ, или конь, или волъ, или, что бы то ни было, приведенное въ бытіе рожденіемъ. Какъ же поэтому образъ подобія раждаемаго послѣдуетъ образу рожденія, пусть скажетъ сіе самъ Евномій, или если кто другой научился у него повивальному искусству. Ибо иное есть порожденіе, и иное

происходящее отъ порожденія, и понятія того и другаго разны. А посему, что сказанное Евноміемъ и въ разсужденіи раждаемыхъ по плоти ложно, не будетъ этому противорѣчить никто изъ имѣющихъ умъ.

Если же сдѣлать и приготовить вещь Евномій называетъ образомъ ея рожденія, которому, по словамъ его, слѣдуетъ образъ подобія раждаемаго; то и въ такомъ случаѣ слово его далеко отъ справедливости. Посмотримъ же на это въ слѣдующихъ примѣрахъ. Подъ ударами преобразуется желѣзо, отъ обдѣлывающаго принимая видъ чего либо полезнаго для жизни. Итакъ, если взять рѣзецъ, то въ чемъ его наружный видъ уподобляется рукъ ремесленника, или образу приготовленія, напримѣръ молотамъ, углямъ, мѣхамъ, наковальнѣ, съ помощію которыхъ обдѣлывающій привелъ его въ данный видъ,—этого никто не въ состояніи сказать. Но сказанное въ разсужденіи одного примѣра имѣетъ приложеніе ко всему, что выдѣлывается посредствомъ какаго либо производства,—именно же, произведенное нимало не уподобляется образу произведенія. Ибо что общаго у склада одежды съ веретенемъ, или прялкой, или челнокомъ, или вообще съ образомъ приготовленія ткани? или у скамьи—съ обдѣлкой дерева, или у другаго какаго произведенія—съ наружнымъ видомъ работавшаго? Но, что положеніе это не имѣетъ силы

въ чувственномъ и тѣлесномъ, согласятся, думаю, и сами противники.

Остается посмотрѣть, не прилагается ли чего этимъ къ составу хулы. Посему что же требовалось узнать? Какъ должно исповѣдывать о Сынѣ, подобенъ, или не подобенъ Онъ по сущности Отцу? Поелику, говоритъ Евномій, не возможно дознать сего изъ понятій о промыслѣ; то обратился онъ къ образу рожденія, чтобы изъ сего познать не то, что рожденный подобенъ родившему, но что есть у него нѣкоторый образъ подобія. И какъ многимъ сіе недовѣдомо, то Евномій вдается въ толкованія о родней сущности. Посему забываетъ уже о собственныхъ своихъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ говоритъ, что сущности должны быть познаваемы изъ дѣлъ? И тогда какъ о рожденной сущности, которую именуешь онъ дѣломъ сущности высшей, не открыто еще, что она такое по естеству, почему онъ, миновавъ, по собственнымъ словамъ его, низшее и потому доступнѣйшее понятію ищущихъ, берется за сущность, въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемую и высочайшую? И доказывая въ словѣ своемъ, что въ точности знаетъ божественныя изреченія, теперь и имъ мало оказываетъ уваженія, какъ бы не зная, что не иначе возможно придти въ познаніе Отца, какъ только приблизившись къ оному чрезъ Сына. Ибо сказано: *ни Отца*

кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти (Матѣ. 11, 27.). Напротивъ того Евномій, когда намѣревается осмѣять благочестивыя и боголѣпныя понятія объ Единородномъ, безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ, что Онъ меньше; а въ примышленномъ ученіи о вѣдѣніи божественнаго, самъ того не примѣчая, доказываетъ, что больше; какъ скоро сущность Отца, признавъ болѣе доступною къ уразумѣнію, посредствомъ ея покушается выслѣдить и познать естество Сына.

33. Онъ восходитъ къ сущности родившей и чрезъ нее разсматриваетъ рожденную; потому что, какъ говорить, естественнымъ достоинствомъ родившаго показуется образъ рожденія. И это положеніе, бросивъ опять просто и неопредѣленно, мысль вопрошающаго ведетъ къ тому, чтобы равно распространили оное на все. Ибо таково свойство всеобщихъ опредѣленій, что смыслъ ихъ долженъ относиться ко всему, и ничто не исключается изъ подъ всеобъемлющаго приговора. Итакъ, если образъ рожденія непремѣнно дѣлается извѣстнымъ по естественному достоинству раждающаго: многочисленны же раждающихъ разности по достоинствамъ, и притомъ понимаемымъ въ многихъ смыслахъ (ибо раждается іудей, елинь, варваръ, скиѣ, рабъ, свободный); то что же симъ доказывается? То, что

сколько въ раждающихъ разности по естественнымъ достоинствамъ, столько, по всей вѣроятности, окажется и образовъ рожденія, такъ что не однимъ и тѣмъ же образомъ для всѣхъ совершается роженіе, но съ достоинствами раждающихъ измѣняются и естества, и для каждаго изъ раждающихся, по разности достоинствъ, долженъ быть изобрѣтаемъ особый нѣкій образъ рожденія. Ибо во всякомъ отдѣльно взятомъ существѣ непременно усматриваются нѣкія сродныя ему достоинства, но разнящіяся одно отъ другаго степенью совершенства, или несовершенства; такъ что у каждаго найдутся родъ, чинъ, вѣра, отечество, властвованіе, рабство, богатство, бѣдность, свобода, подчиненность, все, что производитъ житейскія разности въ достоинствахъ. Посему если естественнымъ достоинствомъ раждающаго, какъ говоритъ Евномій, указывается образъ рожденія; а разностей по достоинствамъ много: то, конечно, по мнѣнію сего учителя, найдется много и образовъ рожденія, такъ какъ разность въ достоинствахъ узаконяетъ естеству пороженіе.

Если же не приметъ Евномій, что таковыя достоинства суть естественныя, какъ усматриваемыя внѣ естества; то и мы не противорѣчимъ. Хотя, конечно, согласиться должно съ тѣмъ, что жизнь человѣческая, безъ сомнѣнія, отличается отъ безсловесной жизни естествен-

нымъ нѣкимъ достоинствомъ, однакоже образъ порожденія отъ разности по естественному достоинству не имѣеть никакого различія; потому что естество и словесныхъ и бесловесныхъ однообразно вводитъ въ жизнь рожденіемъ. Если же Евноміи сродное достоинство понимаетъ объ оной только одной, какъ онъ именуеть, собственно такъ называемой и высочайшей сущности; то посмотримъ, что разумѣя, говоритъ онъ это. Ибо, по нашему разсужденію, сродное Богу достоинство — самая божественность, премудрость, сила, также то, чтобъ быть благимъ, судіею, справедливымъ, крѣпкимъ, долготерпѣливымъ, истиннымъ, творцемъ, владыкою, невидимымъ, нескончаемымъ, и если еще что въ богодухновенномъ Писаніи изречено въ Его славословіе; и все сіе въ собственномъ смыслѣ принадлежащимъ и сроднымъ усматривается и Единородному Сыну, какъ утверждаемъ мы, признавая разность въ одномъ только понятіи о безначальности. Но и это понятіе не во всякомъ его значеніи признаемъ непринадлежащимъ Единородному. Никто да не преслѣдуетъ слова сего клеветою, будто намѣреваемся доказывать, что истинный Сынъ не рожденъ! Ибо утверждаемъ, что говорящіе подобное сему нечествуютъ ничѣмъ не меньше учащихъ о неподобіи. Но поелику слово: начало, много имѣеть значеній и ко многому при-

лагается мысленно: то утверждаемъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наименованіе безначальнымъ не неприлично и Единородному Сыну. Ибо когда подъ словомъ *безначальный* разумѣтся — имѣть устоясь не отъ какой либо причины, тогда признаемъ оное свойственнымъ только Отцу. Но когда идетъ изслѣдованіе о прочемъ, что означается словомъ: *начало*, — поелику разумѣтся начало и творенія, и времени, и порядка: то въ этихъ случаяхъ свидѣтельствуемъ и объ Единородномъ, что Онъ выше начала, такъ какъ вѣруемъ, что выше всякаго начала твари и понятія о времени и послѣдовательности порядка То, чѣмъ все приведено въ бытіе. А посему не безначальный въ разсужденіи устояси, во всемъ прочемъ исповѣдуется имѣющимъ безначальность; и потому, какъ Отець и безначаленъ и нерожденъ, такъ Сынъ, хотя безначаленъ въ сказанномъ смыслѣ, однакоже не нерожденъ.

Итакъ, какое сродное достоинство Отца имѣя въ виду, по оному заключаетъ Евномій объ образѣ рожденія? Конечно, скажетъ: нерожденность. Итакъ, если всѣ прочія имена, какія изучили мы для славословія Бога всяческихъ, назовемъ для тебя не служащими къ дѣлу и ничего не значущими; то чѣмъ-то лишнимъ и ненужнымъ будетъ перечисленіе таковыхъ реченій, предлагаемое въ пустомъ

спискѣ, какъ скоро ни одно изъ прочихъ названій не дастъ понятія объ естественномъ достоинствѣ сущаго надъ всѣми. Если же съ каждымъ изъ сказанныхъ реченій познается особая нѣкая и приличная представленію о Богѣ мысль; то, очевидно, по числу наименованій усматривается и число сродныхъ Божіихъ достоинствъ, и ими доказывается подобіе сущностей, если только сродныя сущностямъ достоинства служатъ къ познанію подлежащихъ. Поелику же въ каждомъ изъ нихъ достоинства видимы тѣже, то одними и тѣми же достоинствами подлежащихъ ясно показывается тожество ихъ по сущности. Ибо если различіе въ одномъ имени почитается достаточнымъ къ тому, чтобы показать разнородность сущности; то не гораздо ли паче тожество тысячи именъ—будетъ сильно къ показанію общности естества? Какая же это причина, по которой прочія имена оставляются безъ вниманія, и однимъ только указывается рожденіе? И почему учать объ единственномъ сродномъ достоинствѣ, о нерожденности Отца, не касаясь прочихъ достоинствъ? Чтобы противопоставленіемъ нерожденнаго рожденному извратить понятіе объ образѣ не подобія, что самое, въ приличное тому время будучи разсмотрѣно, равно сказанному прежде сего, окажется слабымъ, несостоятельнымъ и ничего не значущимъ.

34. А что къ этому клонятся всѣ приготовленія, показывають представляемое Евноміемъ, гдѣ хвалить самъ себя, какъ бы по надлежащему воспользовавшийся тѣмъ путемъ къ уготовленію хулы, не вдругъ обнаружившій предначертаніе ученія и не предлагавшій нечестія не пріобученному еще слуху до приведенія жи въ связное устройство; и не въ началѣ своихъ словъ называетъ нерожденность сущностію, и провозгласилъ инаковость сущности. Говоритъ же буквально такъ: «или, какъ узаконяетъ Василій, должно было начать тѣмъ самымъ, о чемъ идетъ вопросъ, безсвязно называя нерожденность сущностію, и провозгласившая инаковость, или тожество сущности?» И вставивъ въ средину множество насмѣшекъ, ругательствъ и оскорбительныхъ выраженій (такъ этотъ мудрецъ умѣетъ подвизаться за собственные свои догматы), — снова возвращается къ прежней рѣчи, и продолжая ее къ противнику, и на него слагая вину произносимаго, говоритъ слѣдующее: «поелику въ сихъ погрѣшностяхъ прежде другихъ виновны вы, одну и ту же сущность отдавшіе въ удѣлъ и родшему и рожденному; то поему изготовили себѣ за это укоризну, какъ бы неизбѣжную какую сѣть, по произнесеніи вами справедливаго суда, надъ вами же самими: ибо точно собственнымъ своимъ подлежите укоризнамъ, признавая, что сущности сіи безна-

чально одна отъ другой отдѣлены, одну же изъ нихъ чрезъ рожденіе вводя въ чинъ Сына, и о безначально сущемъ усиливаясь доказать, что Онъ рожденъ отъ Сущаго, ибо кого представляете нерожденнымъ, Тому присвоите рожденіе отъ другаго; или исповѣдуя, что единая и единственная сущность безначальна, потомъ рожденіемъ заключая ее въ Отца и въ Сына, утверждаете, что нерожденная сущность рождена сама отъ себя».

Посему написанное Евноміемъ прежде прочитаннаго теперь преїду молчаніемъ, какъ отличающееся чистымъ безстыдствомъ предъ нашимъ учителемъ и отцемъ, и нимало не служащее къ предположенной цѣли. Но поелику въ сказанномъ, съ двухъ сторонъ закаливъ сіи обоюду острия обличенія, ужасно нападаетъ на насъ примышленіемъ дилеммъ; то необходимо и намъ, не въ молчаніи принять нападеніе на догматъ, но, сколько есть у насъ силъ, побороться словомъ и доказать, что этотъ страшный и обоюду острый мечъ, который изострилъ онъ на истину, слабѣе видимаго на картинѣ.

Въ двойкомъ образѣ представленія осуждаетъ онъ общность сущности, и говоритъ, что или два нерожденные начала, противопоставленные одно другому, называемъ одно Отцемъ, другое Сыномъ, утверждая, что сущій рожденъ сущимъ, или одну и ту же сущность

умопредставляемъ пріемлющею на себя отчасти каждое изъ наименованій, такъ что сущность бываетъ и Отцемъ и Сыномъ, происходя сама отъ себя посредствомъ рожденія. Пишу это своими словами, не перетолковывая мысль Евномія, но исправляя напыщенность и сбивчивость въ выраженіи, чтобы, по раскрытіи мысли въ ясныхъ словахъ, намѣреніе его сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ. Ибо онъ бранитъ наше невѣжество, и отзывается о насъ, что безъ достаточнаго приготовленія приступили къ слову, и такъ прикрашиваетъ рѣчь свою блистательностью выраженій, до того ногтемъ выглаживаетъ, какъ самъ выражается, реченія, изукрашая свое писаніе этимъ излишнимъ красноглаголаніемъ, что тотчасъ увлекаетъ слушателя пріятностію рѣчи, каково, кромѣ многаго другаго, и прочитанное нами нынѣ, что, если угодно, прочту снова: «посему изготовили вы себѣ за это укоризну, какъ неизбѣжную нѣкую сѣть, по произнесеніи вами справедливаго суда надъ вами же самими».

Посмотри на эти цвѣты древней Аттики! Какъ блестятъ словосочиненіемъ эта гладкая и выложенная рѣчь! Какъ изящно и разнообразно цвѣтеть красотою слова! Но это пусть остается для каждаго, какимъ ему кажется. А наше вниманіе пусть обратится снова къ смыслу сказаннаго, и, если угодно, начнемъ соб-

ственными словами писателя: «ибо точно признавая, что сущности сіи безначально одна отъ другой отдѣлены, одну же изъ нихъ чрезъ роженіе вводя въ чинъ Сына, и о безначально Сущемъ усиливаясь доказать, что Онъ рожденъ отъ сущаго».... Довольно этого. Евномій говоритъ, что признаемъ двѣ нерожденныхъ сущности. Какъ же утверждаетъ сіе жалующійся на насъ, что все смѣшиваемъ и сливаемъ, потому что исповѣдуемъ одну сущность? Если бы и наше ученіе, наравнѣ съ учащими о неподобіи, признавало два естества, по бытію одно другому чуждыя, то справедливо было бы признать, что раздѣленіе естества на два подаетъ мысль о какихъ-то двоихъ нерожденныхъ. Если же исповѣдуемъ единое естество въ разныхъ ипостасяхъ, и въ Отца вѣруемъ, и Сына прославляемъ; то почему противники клеветуютъ, будто бы таковій догматъ признаетъ два начала? Потомъ изъ двухъ таковыхъ началъ одно, говоритъ Евноміи, возводится нами въ чинъ Сына. Пусть укажетъ, кто начальникъ сего ученія, и мы умолкнемъ, если обличить какое нибудь лице, что было сказано имъ это, если даже знаетъ, что слово сіе просто повторяется въ церкви. Ибо кто же столько безразсуденъ и малосмысленъ, чтобы именовать Отца и Сына и опять признавать двоихъ нерожденныхъ, и въ то же время почитать одного рожденнымъ отъ дру-

гаго? Да и какая необходимость вынуждает наше учение къ такимъ предположеніямъ? И какія представлены имъ доказательства, что необходимо было возникнуть этой несообразности? Ибо если бы представилъ онъ нѣчто исповѣдуемое нами, потомъ изъ этого, или посредствомъ софизмовъ, или какою либо силою доводовъ, вывелъ подобную клевету; то, можетъ быть, имѣлъ бы право въ оужденіе догмата представить что либо подобное. Если же нѣтъ, и быть не можетъ, въ церкви такого ученія, никто не обличенъ разглашавшимъ оное, никто не указанъ слышавшимъ, и не открывается никакой необходимости, въ слѣдствіе чего либо вынуждающей такую несообразность; то не вижу, чѣмъ нравится Евномію эта борьба съ тѣнью. Какъ если бы кто, сумасбродствуя въ помѣшателствѣ ума, представилъ себѣ, что сражается съ кѣмъ-то, тогда какъ никто не вступалъ съ нимъ въ сраженіе, и потомъ самъ себѣ усердно нанося удары, воображалъ, что бьетъ сражающагося съ нимъ. Подобное нѣчто потерпѣлъ и этотъ мудрый писатель, измышляя и приписывая намъ такіа мнѣнія, какихъ мы не знаемъ, и сражаясь съ тѣнями, которыя составилъ въ собственныхъ своихъ помыслахъ.

Ибо пусть скажетъ, какая нужда исповѣдующему, что Сынъ рожденъ отъ Отца, вдаваться въ предположеніе о двоихъ нерожденных?

Кому свойственнѣе признавать двоихъ нерожденныхъ, тому ли, кто доказываетъ, что Сынъ именно называется такъ, или тому, кто утверждаетъ, что наименованіе Сыномъ есть самое истинное. Кто не принялъ истиннаго рожденія Сына, вообще же исповѣдуетъ бытіе Его, о томъ справедливѣе подозрѣвать, что нерожденнымъ называетъ, хотя существующаго, но имѣющаго бытіе не чрезъ рожденіе. А кто отличительнымъ признакомъ уности Единороднаго полагаетъ то самое, что Онъ рожденіемъ исходитъ отъ Отца, тотъ чѣмъ будетъ побужденъ признавать Его нерожденнымъ? Хотя по вашему ученію, мудрецы, пока въ силѣ положеніе, что Сынъ не рожденъ отъ Отца въ одномъ нѣкоемъ значеніи слова: нерожденный, и Онъ будетъ именоваться въ собственномъ смыслѣ нерожденнымъ. Поелику иное приходитъ въ бытіе, какъ раждаемое, а иное, какъ устрояемое искусствомъ; то о происшедшемъ не посредствомъ рожденія ничто не препятствуетъ сказать, что произошло нерожденно, относительно только къ значенію слова: рожденіе. Но къ этому ведетъ ваше ученіе о Господѣ, признающее Его тварію. Итакъ по вашему, премудрые, въ слѣдствіе такого положенія, а не по нашему догмату. Единородный будетъ именоваться нерожденнымъ; и окажется, что осужденіе, какъ ты и называешь сіе осужденіемъ, произносится у

васъ надъ нами въ слѣдствіе вашихъ положеній.

Ибо время уже тиною тамошнихъ рѣчей оплевать мерзость этого ученія. И другая часть изложеннаго Евноміемъ въ дилеммѣ одержима равнымъ тупоуміемъ. «Исповѣдуя, говоритъ Евномій, что единая и единственная сущность безначальна, и потомъ рожденіемъ заключая ее въ Отца и въ Сына, утверждаете, что нерожденная сущность рождена сама отъ себя». Что это оиять за новая и за странная рѣчь? Какъ кто-то самъ отъ себя раждается, себя самаго имѣя Отцемъ, и оиять самъ себѣ будучи Сыномъ? Какое головокруженіе? Какое помѣшательство ума? Развѣ потолокъ повернулся у нихъ внизъ, и полъ сталъ надъ головою? Что представляютъ себѣ, у кого голова отяжелѣла отъ упоенія, кричатъ, всякаго увѣряютъ, что и земля нетверда у нихъ подъ ногами, и стѣны бѣгутъ, и все идетъ кругомъ, и ничто видимое не стоитъ на мѣстѣ: въ такомъ же круженіи имѣя душу, написалъ сіе, можетъ быть, и этотъ сочинитель, и надлежитъ паче жалѣть о написанномъ имъ, нежели гнушаться этимъ. Ибо кто столько несвѣдущъ въ божественныхъ догматахъ, кто столько далекъ отъ таинствъ церкви, чтобы вопреки вѣрѣ допустить такую мысль? Лучше же сказать, и мало, можетъ быть, будетъ выразиться такимъ образомъ, что никто вопреки вѣрѣ не

помыслить сей несообразности, но и о человеческомъ естествѣ, или о чемъ либо иномъ, постигаемомъ чувствами, кто, какъ скоро услышитъ объ общности сущности, или признаетъ безначальнымъ все, что въ отношеніи къ сущности одно съ другимъ сходится, или скажетъ, что оно само собою приходитъ въ бытіе, само себя раждаетъ, и само отъ себя раждается?

Первый человекъ и происшедшій отъ него получили бытіе, каждый различно,—одинъ отъ сочетавшихся родителей, другой отъ создаваемаго Христа,—и по отношенію къ сущности двоими признаемъ ихъ, и не дѣлимъ другъ отъ друга; и не говоримъ, что двѣ безначальныя сущности вводятся одна другой противоположно, и два человека не были никогда представляемы однимъ, не употреблялось такихъ странныхъ выраженій, будто бы они признаются отцемъ себѣ и оиать сыномъ своимъ. Ибо и тотъ и другой—человекъ, понятіе сущности общее для обоихъ. Каждый изъ нихъ смертенъ, одинаково разуменъ, равно способенъ владѣть мыслию и знаніемъ. Посему, если понятіе человечества въ разсужденіи Адама и Авеля отъ различія въ рожденіи не различается, такъ какъ ни порядокъ, ни образъ осуществленія не производятъ никакого различія въ естествѣ, но по общему согласію людей здравомысленныхъ признается оно оди-

наковымъ, и никто не станетъ этому противорѣчить, если только не вовсе лишенъ ума: то какая необходимость построивать такое странное понятіе о божественномъ ествѣ? Отъ самой истины слыша имена: Отецъ и Сынъ, научены мы въ двухъ сихъ лицахъ единству естества, сими именованіями естественно означаемого по взаимному ихъ отношенію одного къ другому, и опять по тому же слову Господа. Ибо изрекшій: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.) не иное что выражаетъ исповѣданіемъ Отца, какъ Свою небезначальность, а единствомъ со Отцемъ -- какъ общность естества. А посему, думаю, сказаннымъ ученіе вѣры соблюдаетъ себя чистымъ отъ со- вращения въ ту и другую ересь: ни Савеллій не имѣеть права тождество вностазей доводить до сліянія, потому что Единородный самъ явно отличаетъ себя отъ Отца, говоря: *Азъ и Отецъ*; ни Аріій не въ сплахъ доказать, что естество чуждо, такъ какъ единство не допускаетъ раздѣленія по еству. Ибо въ изреченіи семъ въ разсужденіи Отца и Сына не иное что означается единствомъ, какъ единство по самой сущности. О всѣхъ же прочихъ благахъ, какія усматриваются въ ествѣ, если кто скажетъ, что общи они всѣмъ даже приведеннымъ въ бытіе посредствомъ сотворенія, то онъ не погрѣшитъ. Напримѣръ *щедрымъ и милостивымъ* (Псал. 102, 8.) назы-

вается Господь у пророка. Угодно же еще Господу, чтобы этимъ и были и именовались мы: *будите убо милосерди* (Лук. 6, 36.), и: *блажени милостиви* (Матѣ. 5, 7.),—есть и другія подобныя мѣста. Посему, если кто, внимательностію и тщательностію сообразовавъ себя волѣ Божіей, сталъ благъ, щедръ, милостивъ, или кротокъ и смиренъ сердцемъ, какъ о многихъ святыхъ засвидѣтельствовано, что они достигли сихъ преимуществъ: то ужели поэтому онъ едино съ Богомъ, или соединенъ съ Нимъ которымъ либо изъ сихъ качествъ? Нѣтъ. Не по всему тожественное не можетъ быть едино съ различнымъ по естеству. Посему человекъ съ человекомъ дѣлается едино, когда произволеніемъ, какъ сказалъ Господь, бываютъ *совершени во едино* (Іоан. 17, 23.), между тѣмъ какъ единству по произволенію предшествуетъ естественный союзъ. И Отецъ и Сынъ *едино* суть (Іоан. 17, 22.); потому что общеніе и по естеству и по произволенію сходятся во едино. А если бы, будучи соединенъ одною волею, Сынъ былъ отдѣленъ по естеству, то какъ засвидѣтельствовалъ бы объ единствѣ Своемъ со Отцемъ, когда раздѣленъ съ Нимъ въ самомъ собственномъ смыслѣ сего слова?

35. Итакъ слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, изреченіемъ сихъ словъ научены мы и исхожденію Господа отъ Виновника и безразличію

Отца и Сына по естеству; понятія о Нихъ не сливаемъ въ одну вѣстась, но какъ свойство вѣстасей сохраняемъ раздѣльнымъ. такъ единства сущности не раздѣляемъ съ Лицами, чтобы подъ словомъ: начало, не сталъ кто разумѣть двоихъ разнородныхъ, и чрезъ это не открылъ входа ученію манихесвъ. Ибо созданное и несозданное по значенію одно другому рѣшительно противоположно. Посему если два лица возведены будутъ въ начала; то непримѣтно у насъ въ церковь Божию внесеть ядъ свой манихейство. Говорю же сіе, по ревности съ большимъ вниманіемъ изслѣдывая ученіе противниковъ. И никто, можетъ быть, не возразить, что этотъ взглядъ не близко направленъ, къ чему слѣдовало; потому что если созданное существо сильно наравнѣ съ Несозданнымъ, инородное нѣкоторымъ образомъ воспротивится тому, что по естеству съ нимъ не одинаково. И пока ни въ которомъ изъ нихъ не оскудѣетъ сила, оба въ несогласномъ какомъ-то состояніи будутъ противиться другъ другу. Ибо по всей необходимости должно признать, что они согласны между собою, что произволеніе согласно съ естествомъ и что, если не имѣютъ подобія по естеству, то не подобны и воли. А какъ силы достаточно у того и другаго, то ни одно не будетъ немошно къ исполненію собственной своей воли. И если каждое столько и воз-

можетъ, сколько хочетъ, то быть началомъ для каждаго сдѣлается предметомъ спора, при недостаткѣ силы переходящимъ къ противнику. И такимъ образомъ вторгается ученіе манихеевъ, между тѣмъ какъ подъ именемъ начала появятся ибкїя два противоположныя одно другому существа, различіемъ естества и произволенія раздѣленныя до противоположности. И у нихъ (и) доказательство меньшинства дѣлается началомъ манихейскихъ учений: ибо несогласность сущности, какъ показало слово, приводитъ ученіе къ двумъ началамъ, раздѣленнымъ на созданное и не созданное.

Но многіе, можетъ быть, станутъ жаловаться, что доказательство неібности изложено здѣсь вынужденно, и изъявятъ желаніе, чтобы вовсе не было это и писано наряду съ прочимъ. Пусть будетъ такъ; и мы сему не противорѣчимъ. Ибо, не по собственному желанію, но противниками доведены мы до того, что въ слѣдъ за ними попустили слову вринуться въ это розысканіе. Если же не надлежало говорить сего, то гораздо прежде надобно было умолкнуть слову противниковъ, служащему поводомъ къ такому опроверженію. Ибо возражающему невозможно иначе удержаться отъ худыхъ рѣчей, какъ по уничтоженіи того,

(и) Евноміанъ.

что требуетъ возраженія. По крайней мѣрѣ съ охотою посовѣтовалъ бы я имѣющимъ такія расположенія, держаться сколько нибудь подалѣе отъ любви къ спорамъ, и не слишкомъ горячо защищать свои предположенія, которыми они уже предзаняты, и не повсюду домогаться того, чтобы имѣть преимущество предъ противниками, но, такъ какъ дѣло идетъ о душѣ, прилѣпляться только къ тому, что полезно, и побѣду уступать истинѣ. Посему, если кто, оставивъ любовь къ спорамъ, разсмотритъ Евноміево слово, каково оно само по себѣ; то ему не трудно будетъ найдти открывающуюся въ ученіи несообразность.

Ибо предположимъ, что уступлено сіе нами, то есть, по ученію противниковъ, нерожденность есть сущность, и опять также роженіе принимается за сущность. Посему, если кто съ точностію будетъ слѣдить мыслию за тѣмъ, что говорится; то симъ путемъ возобновится у нихъ манихейское ученіе, если только манихеямъ нравится учить противоположности зла добру, свѣта тмѣ, и всего подобнаго противному по естеству. И что говорю это справедливо, согласится въ этомъ, думаю, кто не безъ вниманія пробѣжитъ сочиненіе. Такъ и будемъ разсматривать. Въ каждомъ предметѣ усматриваются, безъ сомнѣнія, нѣкіе сродные ему признаки, по которымъ познается особенность естества въ предметѣ, будетъ ли под-

лежать изслѣдованію ученіе о разности животныхъ, или о всемъ иномъ. Ибо не одними и тѣми же свойствами отличается дерево и животное, и у человѣка не общи съ животными признаки, отличающіе его отъ естества безсловеснаго. И опять не одно и то же показываетъ и жизнь и смерть; но однимъ словомъ, во всемъ, какъ сказано, есть нѣкое несмѣниваемое и несообщимое различіе предметовъ, нимаю не сливаемое въ видимыхъ признакахъ по какой либо общности. Посему, согласно съ этою послѣдовательностію въ мысляхъ, пусть будетъ изслѣдовано ученіе противниковъ. Нерожденность, говорятъ они, есть сущность; и рожденіе возводятъ также въ сущность. Но какъ у человѣка и у камня инаковы, а не одни и тѣже, отличительныя признаки; ибо опредѣляя, что такое одушевленное и неодушевленное, не приищешь тому и другому одного и того же понятія: такъ, конечно, евноміане согласятся, что по инымъ признакамъ познаваемо нерожденное, и по инымъ рожденное. Итакъ рассмотримъ тѣ отличительныя свойства нерожденнаго Бога, какія благочестиво о Немъ изрекать и мыслию представлять научены мы святымъ Писаніемъ.

Итакъ какія же это свойства? Ни одинъ, думаю, христіанинъ не не знаетъ что. Богъ благъ, что Онъ добръ, что Онъ святъ, пра-

веденъ, преподобенъ, невидимъ, безсмертенъ, недоступенъ тлѣннѣю, превратности и измѣненнѣю, могущъ, премудръ, благодѣтель, Господь, Судія и все тому подобное. Ибо должно ли продолжать слово, останавливаясь на исповѣдуемомъ всѣми? Посему, если представляемъ себѣ это въ естествѣ нерожденномъ, а быть рожденнымъ, по понятнѣю, противоположно тому, чтобы быть нерожденнымъ; то опредѣляющимъ, что нерожденность и рожденность есть сущность, необходимо согласиться относительно къ противоположности рожденнаго и нерожденнаго, что отличительные признаки рожденной сущности противоположны усматриваемому въ естествѣ нерожденномъ. Ибо, если скажутъ, что признаки сн одни и тѣже, то по тожеству усматриваемаго не состоится инаковость естества въ подлежащемъ; ибо въ инаковыхъ, безъ сомнѣннѣя, надобно и отличительные признаки полагать инаковыми; а то, что относительно къ сущности одинаково, очевидно, отличается одними и тѣми же признаками. Посему, если тоже приписываютъ и Единородному, то, какъ сказано, не представляютъ себѣ никакой разности относительно сущности. Если же останутся при хульныхъ своихъ реченнѣяхъ, и будутъ доказывать различнѣе естества разностию рожденнаго и нерожденнаго, то, конечно, весьма удобно увидѣть открывающееся въ слѣдствнѣе сего, а именно:

послику по противоположности именъ признаются состоящими въ противоположности и естества означаемыхъ именами; то по всей необходимости и усматриваемому въ каждомъ естествѣ должно различаться до противоположности; такъ что Единородному будетъ приличествовать противоположное сказуемому объ Отцѣ,—Его Божественности, святости, благодети, нетлѣннѣю, вѣчности, и если что иное, по благочестивымъ понятіямъ, представляется намъ о сущемъ надъ всѣми Богѣ. Посему все не приличное и противоположное каждому признаку, признаваемому въ наилучшемъ, должно будетъ почитать свойственнымъ рожденной сущности.

Но для объясненія должно остановиться на семъ мѣстѣ. Какъ въ теплѣ и холодѣ, противоположныхъ по своей природѣ (пусть въ словѣ представлены будутъ огонь и ледь), каждое изъ нихъ есть именно то, чѣмъ не есть другое, и представляющіяся въ каждомъ изъ нихъ свойства, безъ сомнѣнія, различны между собою; потому что льду свойственна прохлада, а огню теплота: такъ, если по противоположности именъ нерожденного и рожденного, и естество означаемое именами доходить до противоположности, то силамъ противоположнаго по естеству невозможно быть между собою подобными, какъ невозможно въ огнѣ произойти прохлада и во льду разгоряченію. По-

сему, если въ нерожденной сущности умопредставляется благость, а нерожденность въ отношеніи къ естеству, какъ они говорятъ, отлична отъ рожденной сущности; то, безъ сомнѣнія, и свойственное нерожденному будетъ отлично отъ служащаго свойствомъ рожденнаго. Посему, если въ первомъ умопредставляется благое, то въ послѣднемъ должно быть умопредставляемо противное благому. И такимъ образомъ при помощи премудрыхъ сихъ учителей снова оживетъ у насъ Манесъ, Благому противопологающій естество злобы, и инаковостію сущностей научающій противоположности въ ихъ силахъ.

Если же надобно, ничего не скрывая, говорить свободно; то справедливо будетъ подумать, что извинительнѣе евноміанъ Манесъ, о которомъ говорятъ, что онъ, какъ первый осмѣлившійся ввести манихейскія ученія, отъ себя далъ имя ереси. Говорю же это, какъ бы выбирая, кто челоуѣколюбивѣе, ехидна или аспидъ? Но впрочемъ, какъ и въ звѣряхъ есть различіе, такъ и разсматриваемыя ученія манихеевъ и евноміанъ не показываютъ ли, что одни сносятъ другихъ? Манесъ думалъ защитить самаго Виновника благъ, говоря, что отъ Него не ведетъ начала ни одна причина золь. И потому другому особому началу приписывалъ причину всего причисляемаго къ худшему, какъ бы оправдывая Бога всячес-

кихъ; потому что не позволительно въ Источникѣ благъ видѣть причину, что погрѣшаютъ противъ закона. По низости души не понималъ онъ, что можно и не признавать Бога создателемъ зла, и не представлять себѣ что-то иное безначальное кромѣ Бога. Объ этомъ рѣчь длинна и не ко времени была бы теперь. И почему напомянули мы сказанное? Потому что, и по мнѣнію Манеса, начало порока должно представлять далекимъ отъ Бога всяческихъ; а евноміане уготовляютъ свою болѣе тяжкую, нежели манихеи, и нелѣпую хулу противъ Бога. Ибо сходно съ манихеями учать, что естество зла опредѣляется противоположностію сущности; но при этомъ утверждаютъ еще, что Создатель таковаго произведенія есть Богъ всяческихъ, которымъ, говорятъ они, совершенное рожденіе по естеству имѣетъ сущность инаковую съ Сотворившимъ, и симъ самымъ сравнительно съ упомянутыми манихеями впадаютъ въ большее нечестіе: потому что не только приписываютъ вностась тому, что по естеству противоположно благогому, но утверждаютъ еще, что благій Богъ есть виновникъ отличнаго по естеству другаго Бога; и едва не въ явь вопіютъ въ этомъ догматѣ, что есть нѣчто сопротивное естеству Благого, имѣющее вностась отъ самаго Благого. Ибо когда, по нашему вѣрованію, сущность Отца есть благая, а сущность Сына,

какъ это угодно ереси, въ разсужденіи естества не одинакова съ сущностію Отца, и въ слѣдствіе сего оказывается ей противоположною; тогда что приуготовляется этимъ? То, что есть нѣчто противоположное благому, и что отъ самаго Благаго произошло противоположное Ему по естеству. Это же, разумѣю, ужаснѣе манихейской нелѣпости.

Если же евноміане отрицаютъ, что въ ихъ словахъ заключается хула, которая оказывается слѣдствіемъ ихъ ученія, но говорятъ, что Единородный наслѣдовалъ блага Отца, не будучи, по мнѣнію сихъ нечестивцевъ, въ дѣйствительности Сыномъ, но какъ сотворенный, имѣя сію упостась; то опять изслѣдуемъ еще и сіе, можно ли по справедливому разумѣнію допустить такое мнѣніе. Ибо если, по разсужденію еретиковъ, уступить, что Господь всѣхъ наслѣдовалъ, не будучи въ дѣйствительности Сыномъ, но какъ сотворенный и поставленный начальствовать надъ однородными съ Нимъ; то какъ принять это, и не возмутиться прочей твари, низводимой въ подчиненіе изъ единоплеменной, если она, будучи ничѣмъ не меньшею по естеству (пбо такъ же сотворена, какъ и Онъ), потомъ осуждается быть въ рабствѣ и покорности у единоплеменнаго? Ибо на самоуправство походить подобное сему дѣлу, то есть, когда не превосходству сущности удѣляется владычество,

но хотя естество твари остается равночестнымъ, однакоже она отдѣляется, одна въ рабство, а другая въ господство; такъ что въ одной и тойже твари часть начальствуетъ, а часть пребываетъ подчиненною, потому что по жребію, случайно выпавшему на достоинство, вмѣстѣ съ жребіемъ дается предпочтеніе предъ подобными. Ибо и человѣкъ, не какъ равночестный съ подчиненнымъ ему естествомъ, наслѣдовалъ начальство надъ безсловесными; но первенствуя по разуму, господствуетъ надъ другими, будучи поставленъ надъ ними, потому что естество его преимуществуетъ совершенствами. Человѣческія же власти подлежатъ быстрымъ превратностямъ по тому самому, что равночестное по естеству не соглашается имѣть неравную часть въ лучшемъ; напротивъ того во всѣхъ вложено естественное какое-то желаніе сравниться въ обладаніи съ единоплеменнымъ.

Какъ же будетъ истиннымъ, что все чрезъ Сына приведено въ бытіе, если истинно, что и самъ Сынъ есть одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе? Ибо, или будетъ Онъ сотворившимъ Себя самаго, чтобы не оказалось ложнымъ написанное: *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3.); и въ такомъ случаѣ нелѣпость, ухищренно изобрѣтенная еретиками противъ нашего ученія, возымѣетъ силу противъ нихъ; они должны будутъ сказать: Сынъ Самъ Себя привелъ въ

бытіе; или, если это странно и неестественно, то, конечно, несостоятельнымъ окажется и первое. Утверждено же будетъ, что вся тварь Имъ приведена въ бытіе. Ибо исключеніе одного ложнымъ дѣлаетъ слово о всѣхъ. Посему въ слѣдствіе опредѣленія, что Единородный есть тварь, и слово, конечно, не избѣжитъ которой либо изъ двухъ погрѣшностей и нелѣпостей; или, что Сынъ не виновникъ всѣхъ приведенныхъ въ бытіе, если изъ всѣхъ исключень будетъ самъ Онъ, по утверждаемому ими, будучи однимъ изъ произведеній; или, что Сынъ окажется Творцемъ Себя самаго, если не жетъ проповѣдавшій, что изъ получившаго бытіе ничто не приведено въ бытіе безъ Него. Посему таковы ученія евноміанъ.

36. Если же кто, винмая здравому ученію, вѣруеть, что Сынъ отъ Божественнаго и самаго чистаго естества; то съ догматомъ благочестія окажется согласнымъ все, и что Господь есть Творецъ всего, и что Онъ царствуетъ надъ существами, не по жребію, или по самоуправному какому-то владычеству, поставленный надъ соплеменными, но по превосходству Своего естества, имѣя надъ всѣми державу. И еще сверхъ этого, что ученіе о единоначаліи не допускаетъ дѣленія на разныя начальства, раздѣляемья инаковостію естества, но требуетъ вѣрованія, что одно Божество,

одно начальство, одна надъ всѣми власть. Божество созерцаемо въ согласіи подобныхъ, и отъ подобнаго къ подобному ведетъ разумѣніе, какъ начало всего (а это есть Господь), чрезъ Святаго Духа возсіяваетъ въ душахъ. Ибо дѣйствительно созерцать Господа, по слову Апостола, невозможно иначе, какъ *точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3.). А чрезъ Господа, Который есть начало всего, обрѣтается нами, что выше всякаго начала, *Сый надъ всеми Богъ* (Римл. 9, 5.); ибо первообразное благо можетъ быть познаваемо не иначе, какъ являемое въ образъ *Невидимаго* (Кол. 1, 15.). Но какъ бы идя обратнымъ какимъ поприщемъ, послѣ главнаго въ боговѣдѣніи, разумію самаго сущаго надъ всѣми Бога, посредствомъ близкаго и свойственнаго Ему востекающей мыслию, отъ Отца чрезъ Сына приступаемъ къ Духу. Ибо вступивъ въ постиженіе нерожденнаго Свѣта, отсюда уразумѣли еще, по взаимной ихъ близости, сущій отъ Него Свѣтъ, подобно нѣкому лучу соприсущему съ солнцемъ; какъ причина бытія его въ солнцѣ, такъ самое существованіе вмѣстѣ съ солнцемъ, не въ послѣдствіи со временемъ наступаетъ, но появляется вмѣстѣ съ нимъ, какъ скоро сдѣлается видимымъ солнце. Лучше же сказать (ибо нѣтъ нужды, раболѣнствуя всякому образу, давать клеветникамъ случай къ возраженію недостаткомъ силы въ примѣрѣ), пред-

ставимъ себѣ не лучь отъ солнца, но отъ нерожденнаго Солнца другое Солнце, вмѣстѣ съ представленіемъ перваго рожденно отъ него осіявающее и одинаковое съ нимъ по всему: по красотѣ, по силѣ, по свѣтлости, по величинѣ, по ясности, однимъ словомъ по всему, что усматривается въ солнцѣ, и еще другой подобный Свѣтъ, такимъ же образомъ, никакимъ временнымъ разстояніемъ не отдѣляемый отъ рожденнаго Свѣта, но чрезъ Него осіявающая, причину же вносташи имѣющей въ первообразномъ Свѣтѣ, Свѣтъ, который и самъ по подобію съ умопредставляемымъ прежде свѣтомъ, сіяетъ, просвѣщаетъ и производитъ все иное свойственное свѣту. Ибо въ этомъ самомъ у одного Свѣта нѣтъ различія съ другимъ Свѣтомъ, когда является не имѣющимъ нималаго недостатка или умаленія въ просвѣщающей благодати, но во всемъ совершенствѣ превознесенный на самую высшую степень, со Отцемъ и Сыномъ умосозерцается, но Отцѣ и Сынѣ счисляется, и Собою всеѣмъ способнымъ стать причастниками даруетъ *приведеніе* (Еф. 2, 18.) къ умопредставляемому свѣту, существу во Отцѣ и Сынѣ. Но о семъ довольно.

37. Поелику же Евномій весьма обилень въ злословіяхъ, приуготовленіемъ къ началу всякаго дѣла служитъ ему оскорбленіе, а всякое доказательство замѣняется злословіемъ; то вотъ

перескажемъ кратко, сколько оскорбительнаго, клевета на учителя нашего, по поводу реченія: **Нерожденный**, написалъ онъ и на него самаго и на его слово. Привелъ онъ изреченіе объ этомъ учителя, въ которомъ говорится такъ: «а я бы сказалъ, что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе «**Нерожденный**», которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однакоже нигдѣ въ Писаніи не употребляется, и служитъ первымъ основаніемъ ихъ хулы; потому что слово: Отецъ, равнозначительно слову: **Нерожденный**. Ибо истинный и единый Отецъ ни отъ кого инаго не происходитъ. А ни отъ кого не происшедшій тоже значить, что и **нерожденный**» (i). Итакъ выслушаемъ, какое доказательство представляетъ Евномій на то, что будто бы сказано это худо. «Посему несоотвѣтствіе словъ, не менѣе по опрометчивости, какъ и по безстыдному лукавству, примѣшиваетъ къ своимъ доводамъ, колеблясь въ ту и другую сторону при нетвердости мысли и при слабости разсудка». Посмотрите на вѣрность Евноміева отвѣта, съ какимъ искусствомъ, по этой разумной своей попечительности, какъ сокрушаетъ силу сказаннаго, такъ на мѣсто сего вводитъ въ мысль болѣе благо-

(i) См. Творенія сват. Василія Великаго, въ русскомъ переводѣ часть III. стр. 17 и 18. Противъ Евномія книга 1-я.

честивое понятіе. Называетъ Василія несоблюдающимъ соотвѣтствія въ словѣ, не менѣе опрометчивымъ, какъ и лукавымъ въ образѣ мыслей, нетвердымъ, по слабости разсудка колеблемымъ въ ту и другую сторону. Откуда это, какой возбудившись причиною, говоритъ твердый въ образѣ мыслей и здравый разсудкомъ? Что наипаче осуждаетъ въ сказанномъ у Василія? То ли, что принимаетъ понятіе, заключающееся въ словѣ «Нерожденный», самое же слово, какъ худо принятое извращающими его смыслъ, называетъ достойнымъ умолчанія? Ибо что? не отъ реченій ли и произношенія тернить опасность неколебимостьъ вѣры, а о точности въ смыслѣ нѣтъ и слова? Или не предварительною ли чистотою сердца отъ лукавыхъ мыслей приуготовляется слово истины; для обнаруженія же душевныхъ движеній употреблять должно реченія, которыми можетъ быть открыто сокровенное въ умѣ безъ мелочныхъ розысканій объ извѣстномъ звукѣ слова? Ибо сказанное такъ, или иначе, не дѣлается причиною составившейся въ насъ мысли; а напротивъ, того сокровенное помышленіе сердца подаетъ причину къ произнесенію извѣстныхъ словъ. Ибо по сказанному: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Матѣ. 12, 34.).

И истолкователемъ помышленнаго дѣлаемъ мы слово, а не наоборотъ изъ того, что го-

воримъ, собираемъ мысли, хотя сходятся между собою оба сія дѣйствія, и помыслить правильно и истолковать, человѣкъ же совершенно при томъ и другомъ. Но если недостаетъ втораго, человѣку необразованному въ словѣ не большой отъ сего вредъ, какъ скоро душевное его вѣдѣніе направлено ко благу. Сказано: *людіе сіи устнали чнутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. 15. 8.). Что же означаетъ сіе? То, что предъ Богомъ Судіею, Который слышитъ неизрекаемыя воздыханія, расположеніе души къ истинѣ предпочтительнѣе словеснаго благолѣпія въ рѣчахъ. Ибо онѣ могутъ быть употребляемы и для противоположной цѣли, такъ какъ языкъ, по власти говорящаго, удобно служить, чему угодно; а душевное расположеніе, каково оно на самомъ дѣлѣ, такимъ и видитъ его прозирающій сокровенное. Итакъ почему же несоблюдшимъ соотвѣтствія, опрометчивымъ, не меньше какъ и лукавымъ сталъ тотъ, кто, хотя благочестиво разумѣемое подъ словомъ «Нерожденный» и понимаетъ и пріемлетъ, но, поколику слово сіе подаетъ поводъ къ нечестію людямъ несправедливо толкующимъ догматы, повелѣваетъ умалчивать оное? Если бы сказалъ онъ, что Бога не должно представлять себѣ нерожденнымъ; то Евномій имѣлъ бы, можетъ быть, право обратиться къ нему съ этимъ и еще съ бѣльшимъ злорѣчіемъ.

Если же исповѣдуетъ онъ согласно съ общимъ вѣрованіемъ благочестивыхъ, но какъ бы подаетъ и свое мнѣніе приличное учительскому сану : удерживайся отъ употребленія этого слова, поколику въ немъ находятъ себѣ начало предлогъ къ превратному ученію, это же понятіе о Богѣ, что Онъ нерожденъ, повелѣваетъ соблюдать подъ другими именованіями; то за сіе нимало не заслуживаетъ этихъ укоризнъ. Не такъ ли поступать научены мы самою Истиною, то есть, не удерживать при себѣ и очень дорогаго, если что либо изъ этого ведетъ къ худшему; такъ, повелѣвая одинаково правый глазъ и ногу, и руку отсѣкать, когда что нибудь это соблазняетъ человѣка, сею притчею не иное что научаетъ дѣлать, какъ и хорошее по видимости, если это по неразумности пользующихся вовлекаетъ человѣка во что либо худое, оставлять въ пренебреженіи и не приводить въ исполненіе; потому что полезнѣе человѣку руководствующее ко грѣху отсѣчь и самому спастись, нежели удерживать это при себѣ и погибнуть.

Что же подражатель Христовъ Павелъ? И онъ во глубинѣ премудрости учитъ тому же. Сказавъ напередъ, что все *добро и ничтоже отлетно*, если съ *благодареніемъ* прие́млется (1 Тим. 4, 4.), въ иномъ случаѣ за совѣсть немощнаго отмещетъ опять нѣчто изъ дозволен-

наго, и повелѣваетъ удаляться отъ сего. Ибо говоритъ: *аще брашна ради братѣ мой скорбитѣ* (Римл. 14, 15.), *не имашѣ ясти мяса во вѣки* (1 Кор. 8, 13.). Посему это дѣлаетъ и подражатель Павловъ, который, видя, что по злоупотребленію ереси реченіемъ «Нерожденный» усиливается обманъ посредствомъ сего слова учащихъ неподобію Лицъ, совѣтовала сохранять въ дунахъ благочестивый смыслъ сего слова: Нерожденный, но не слишкомъ стоять за самое реченіе, какъ для гибнущихъ служащее нанутиемъ ко грѣху. Ибо наименованіе: Отецъ, своимъ значеніемъ даетъ намъ достаточное понятіе и слова «Нерожденный». Слышна слово: Отецъ, немедленно представляемъ себѣ виновника бытію всего, который если бы имѣлъ другую какую высшую Себя причину, не назывался бы Отцемъ въ собственномъ смыслѣ: потому что названіе Отца въ собственномъ смыслѣ принадлежало бы представленной выше причинѣ. Если же Онъ—виновникъ всего, и *изъ Него вся*, какъ говоритъ апостоль (1 Кор. 8, 6.), то очевидно, ничто не можетъ быть представляемо предшествующимъ Его бытію, а это и значитъ вѣровать, что Онъ нерожденъ.

38. Но что справедливо это, не уступаетъ не соглашающійся даже признать, что истина достовѣрнѣе его самаго; напротивъ того спорить, возражаетъ и осмѣиваетъ (Василіево)

слово. Если угодно, рассмотрим эти неисходныя умозаключенія и разнообразныя извороты лжеумствованій, которыми думаетъ онъ опровергнуть сіе слово. Но боюсь, чтобы неприличіе и гнусность сказаннаго Евноміемъ не послужили нѣкоторымъ образомъ къ осужденію въ этомъ и сказаннаго напротивъ. Ибо взрослымъ людямъ, если связываются съ дѣтьми, вызывающими на борьбу съ ними, въ укоръ болѣе обращается усердіе въ такомъ дѣлѣ, нежели въ похвалу самая побѣда. Но по крайней мѣрѣ таково, что говоритъ Евномій. Сказанное имъ для нашего оскорбленія съ тѣмъ обычнымъ благозвучіемъ, съ какимъ свойственно ему выражаться, и намъ для показанія опытовъ нашего великодушія предлагаемое, признаемъ достойнымъ умолчанія и забвенія. Ибо не почитаю благоприличнымъ, смѣшными его изреченіями испещряя нешуточное свое разсужденіе, заботливость объ истинѣ оканчивать безобразнымъ и грубымъ смѣхомъ. А при чтеніи этого не возможно остаться не смѣющимся, если послушаемъ, съ какимъ высокимъ и величественнымъ красноречіемъ говоритъ Евномій. Когда прибавленіе словъ производитъ приращеніе хулы; тогда умалчивать слова сіи въ половину легче, нежели выговаривать. Но надъ этимъ пусть смѣются знающіе, что стоитъ одобренія и что достойно смѣха. Мы же рассмотримъ силу

умозаключеній, которыми онъ поражаетъ наше ученіе.

Евномій говоритъ: «если имя Отець равносильно съ именемъ: Нерожденный, а имена, имѣющія ту же силу, безъ сомнѣнія, и означаютъ одно и тоже: имя же «Нерожденный» значитъ у нихъ, что Богъ не отъ инаго кого имѣетъ бытіе: то и имя: Отець, по необходимости, значитъ то, что Богъ не отъ инаго кого имѣетъ бытіе; а не то, что Богъ родилъ Сына». Ужели не означается сіе словомъ: Отець, если это же наименованіе выражаетъ намъ собою и безначальность Отца? Если однимъ исключается другое, по свойству противоположностей, то положеніе одного необходимо ведетъ къ исключенію прочаго. Если же ничто не препятствуетъ одному и тому же быть и Отцемъ и Нерожденнымъ, если подъ именованіемъ Отца, по какому либо разумѣнію представляемъ себѣ и нерожденность; то какая необходимость тому, чтобы отношеніе къ Сыну уже не было познаваемо изъ слова: Отець? Ибо и всѣ прочія имена, которыя имѣютъ между собою нѣчто общее, не по всему сходны въ понятіяхъ. Царя называемъ, какъ самодержцемъ и никому неподвластнымъ, такъ его же самаго властителемъ подданныхъ; и не будетъ лжи сказать о немъ, что слово: царь означаетъ и неподвластность. И утверждаемъ, что, если самодержавіе и безначаліе

означаются однимъ и тѣмъ же словомъ, то нѣтъ уже необходимости заключать, что владычество надъ покорными не означается уже словомъ : царская власть. Ибо слово : царская власть, означая нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ понятіемъ, указываетъ частію на неподвластность, а частію на начальствованіе надъ подвластными. Посему и въ семъ случаѣ, если у Отца Господа нашего есть другой прежде него представляемый мысленно Отецъ, то пусть покажутъ то хвалящіяся сокровенною мудростію, и тогда согласимся, что понятіе о нерожденномъ не можетъ заключаться въ именованіи Отца. Если же первый Отецъ не имѣетъ высшей причины Своего происхожденія, а вмѣстѣ съ именованіемъ Отца подразумевается, конечно, и Упостась Единороднаго; то для чего устрашаютъ насъ намѣревающіяся искусственными сими сплетеніями лжеумствованій убѣдить, лучше же сказать, ввести въ заблужденіе, что, если съ наименованіемъ «Отецъ» исповѣдуется нами нерожденность сущаго надъ всѣми Бога, то симъ отъемлетя понятіе объ отношеніи Отца къ Сыну.

Но презрѣвъ это дѣтское и легкомысленное предпріятіе еретиковъ, мужественно исповѣдуемъ оглашаемое ими нелѣпымъ, а именно, что имя Отца означаетъ одно и то же, какъ и слово: Нерожденный, и слово: нерожденность, показываетъ, что Отецъ не отъ инаго кого

имѣть бытіе, и имя: Отець, указаніемъ отношенія къ нему совокупно съ Собою привноситъ понятіе объ Единородномъ. Ибо изреченіе, предложенное въ словѣ учителя (к), страшный и непреоборимый сей борець (л) выкралъ изъ написаннаго, исключеніемъ неопровержимо сказаннаго дѣлая нетруднымъ для себя возраженіе. Ибо сказанное учителемъ слово въ слово читается такъ: «а я бы сказалъ, что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе: нерожденный, которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однакоже нигдѣ въ Писаніи не употребляется, и служитъ первымъ основаніемъ ихъ хулы; потому что слово «Отець» равнозначительно слову «Нерожденный», и сверхъ того, чрезъ указаніе отношенія, совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ». Этотъ же неустрашимый поборникъ истины, въ предосторожность присовокупленное къ слову, разумѣю изреченіе: «и чрезъ указаніе отношенія совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ», по сродной себѣ смѣлости, исключилъ. И вникнувъ въ основаніе написаннаго, вступаетъ въ состязаніе съ остальнымъ; и расторгнувъ связь цѣлаго, содѣлавъ, какъ полагалъ, болѣе уступчивымъ ему и удобнѣйшимъ къ

(к) Василія.

(л) Евномій.

опроверженію, неосновательнымъ и слабымъ лжеумствованіемъ обольщаетъ своихъ послѣдователей, утверждая, что почему нибудь общее, и во всемъ по значенію имѣетъ общность, и склоняя на свою сторону неразборчивый слухъ ихъ. Поелику сказали мы, что слово: Отець, по нѣкоему значенію удерживаетъ и значеніе нерожденнаго; то Евномій, изъ обыкновеннаго значенія имени сдѣлавъ полный объемъ означаемаго, уличаетъ слово въ немѣпости, какъ будто наименованіе сіе не показываетъ уже отношенія къ Сыну въ томъ случаѣ, если имъ же означалась и мысль о Нерожденномъ. Такъ, если кто, пріобрѣтя два понятія о хлѣбѣ, что онъ составленъ изъ пшеницы, и что употребляющему служить пищею, станетъ оспаривать говорящаго это, пользуясь противъ него подобнымъ способомъ лжеумствованій, а именно, что иное дѣло составъ изъ пшеницы, и оная иное пища; почему, если будетъ уступлено, что хлѣбъ изъ пшеницы, то сіе же самое не назовется еще въ собственномъ смыслѣ пищею, — таковъ смыслъ и Евноміева умозаключенія. Ибо, «если нерожденность, говоритъ онъ, означается наименованіемъ Отца, то слово сіе не показываетъ еще, что отъ Отца рожденъ Сынъ». Но благовременно, можетъ быть, намъ этотъ достойный уваженія раздѣлительный періодъ обратить противъ говорящаго. Ибо подобное,

конечно, прилично подобнымъ; и Евномій имѣлъ бы болѣе права казаться цѣломудреннымъ, если бы въ совершенномъ молчаніи поставлялъ безопасность. Ибо кому присовокупленіе словъ служить приращеніемъ хулы, лучше же сказать, крайняго безумія, тому молчать, не въ половину, но въ полной мѣрѣ легче, нежели говорить.

Можетъ быть, инаго сказанное о самомъ Евноміи скорѣе приведетъ къ истинѣ того, о чемъ у насъ рѣчь. И подлинно, оставивъ извѣстность сплетенія лжеумствованій, побесѣдуемъ о своемъ предметѣ, держась понятій болѣе простыхъ и общихъ. Твой отецъ, Евномій, конечно, былъ человѣкъ, но онъ самый сталъ виновникомъ и твоего бытія. Ужели и въ разсужденіи его пользовался ты этою мудростію, а именно, что отецъ твой, если взять опредѣленіе его природы, тѣмъ, что онъ человѣкъ, не можетъ еще означать отношенія его къ тебѣ? Ибо, конечно, надобно быть одному изъ двухъ: или что онъ человѣкъ, или что отецъ Евноміевъ. Послѣ сего и тебѣ непозволительно не по свойству значенія произносить имена свойственниковъ; но хотя, какъ на оскорбленіе, будешь жаловаться на инаго, кто, смѣясь надъ тобою, въ шутку измѣняетъ имена; самъ ты не содрогнешься, и смѣясь надъ таинственными догматами, смѣешься ненаказанно? Ибо названіе: твой отецъ, показываетъ

и свойство́ его съ тобою, и это нимало ему не препятствуетъ быть человѣкомъ. И никто изъ здравомыслящихъ вмѣсто того, чтобы родившаго тебя назвать отцемъ твоимъ, не станетъ составлять опредѣленія, что такое человѣкъ, и опять, будучи спрошенъ о родѣ, и признавшись, что онъ человѣкъ, не скажетъ, что сіе самое признаніе возбраняетъ ему быть и отцемъ твоимъ. Такъ и о Богѣ всяческихъ благочестивый не будетъ отрицать, что наименованіе Отцемъ означаетъ и нерожденное Его бытіе, свойство же съ Сыномъ показывается другимъ значеніемъ. А кто смѣется надъ истиною, тотъ говоритъ, что наименованіе Отцемъ не значить еще, что рожденъ Сынъ, хотя и научаемся симъ словомъ бытію нерожденнаго.

Въ обличеніе немѣпости сказаннаго возьмемъ еще и то, что знаетъ, какъ утверждаю, даже малый ребенокъ, который у грамматика и приставника начинаетъ только обучаться именовательному искусству. Ибо кому неизвѣстно, что изъ именъ одни отрѣшенны и неотносительны, другія же даются въ какомъ либо отношеніи? Опять изъ сихъ именъ иныя, по изволенію пользующихся ими, способны къ тому и къ другому, и произносимыя сами по себѣ показываютъ въ себѣ простую силу, а въ приложеніи къ чему либо не рѣдко заимствуютъ силу отъ того, къ чему прилагаются.

И чтобы не продлить слова, приводя примѣры изъ чего либо далекаго отъ предмета нашихъ разсужденій, изъ самыхъ догматовъ объяснитъ ся утверждаемое мною.

Богъ называется и Отцемъ, и Царемъ, и въ святомъ Писаніи именуется тысячами иныхъ именъ. Поэтому изъ именъ сихъ иное, упоминаемое такъ просто само по себѣ, можно употреблять отрѣшенно, таковы на примѣръ: *нетланный* (1 Тим. 1, 17.), *вѣчный* (Римл. 14, 25.), *безсмертный* (1 Тим. 6, 16.), и всякое другое симъ подобное имя. Они, хотя и не подразумѣвается никакого другаго понятія, заключаютъ въ себѣ совершенную нѣкую мысль о Богѣ. Другія же имена означаютъ только полезное для чего нибудь, какъ то: *помощникъ*, *защититель*, и *заступникъ* (Пса. 17, 3.), и всѣ прочія, сколько ихъ найдется подобнаго значенія, которыя таковы, что, если не будетъ имѣющаго нужду въ помощи, въ бездѣйствіи останется выражаемая именемъ сила. Но есть и такія, какъ сказано прежде, имена, которыя и сами по себѣ, и въ отношеніи къ чему либо употребляются, на примѣръ: Богъ, благій и всѣ сему подобныя. Ибо мысль не всегда остается при отрѣшенномъ ихъ значеніи. И Богъ всяческихъ не рѣдко дѣлается собственнымъ Богомъ призывающаго, какъ можно слышать отъ святыхъ, что себѣ собственно присвояютъ Естество неподвластное.

Святъ Господь Богъ, доселѣ сказанное не относительно, но присовокупившій къ сказанному: *нашъ* (Пса. 38. 9.), даетъ уже разумѣть имя не въ немъ самомъ по себѣ, но относительно къ себѣ, своею собственностію признавъ означаемое. И еще *Авва Отче* (Рим. 8, 15.) вызываетъ Духъ; вотъ изреченіе отрѣшенное отъ частнаго отношенія. Но и нашимъ Отцемъ повелѣно намъ называть Отца сущаго на небесахъ (Матѹ. 6, 9.); вотъ опять значеніе относительное. Посему, какъ Бога всяческихъ содѣлавшій своимъ Богомъ нимало не унижилъ этимъ Его надъ всѣми превысшаго достоинства; такъ нѣтъ никакого препятствія указавшему на Отца и на Сущаго изъ Него, первожденнаго всей твари (Кол. 1, 15.), наименованіемъ Отца означить вмѣстѣ, что родилъ Онъ Сына, и тѣмъ же словомъ объяснить, что Самъ Онъ не отъ высшей причины. Кто наименовалъ перваго Отца, тотъ указалъ умопредставляемаго прежде всего. Это — Тотъ, Кто за предѣлами всего, — Тотъ, для Кого нѣтъ ничего, чтó видѣлъ бы Онъ прежде Себя; Кто не имѣетъ Себѣ конца, которымъ бы прекратилось Его бытіе, но равно всегда отвсюду сый, и какъ конечный предѣлъ, такъ и понятіе начала, престоупая безпредѣльностію жизни, во всякомъ своемъ именованіи даетъ подразумѣвать вѣчность.

Но сильный въ умозрѣніяхъ непостижимаго
Гр. Иисск. Ч. V.

Евномій не припнмаеть простаго сего ученія, и не полагаеть, что означаемое словомъ: Отець, двояко: одно его значеніе, что все отъ Отца, и прежде всего едиnorodный Сынъ, Которымъ все; другое же значеніе, что нѣтъ ни одной высшей Его причины. Но хотя съ презрѣніемъ отвергаетъ наше слово Евномій, въ ничто вмѣняя исполненный презорства смѣхъ, мы смѣло отвѣчаемъ, что говорили уже, а именно: слово: Отець тѣ же, что и Нерожденный, и значить, что Онъ родилъ Сына, и подтверждаетъ, что Онъ не отъ инаго кого имѣеть бытіе.

Но Евномій вступаетъ въ споръ съ сказаннымъ, начинаетъ рѣчь, и слово снова дѣлаетъ оборотъ къ противоположному. «Если Богъ есть Отець, потому что родилъ Сына, а по тому же значенію Отець есть и Нерожденный; то Богъ, потому что родилъ Сына, есть Нерожденный». Итакъ рассмотримъ и основаніе извращенія, сдѣланнаго Евноміемъ, почему составъ перваго лжеумствованія разлагая въ противоположное, и этимъ ставить насъ опять въ неизбѣжныя затрудненія. Первое умозаключеніе представляло сію несообразность: «если слово: Отець означаетъ, что Богъ не отъ инаго кого имѣеть бытіе, то симъ не показывается еще, что необходимо родилъ Онъ Сына». Это же умозаключеніе, извращеніемъ въ противоположное, извѣщаетъ

насъ о другой несообразности въ нашемъ ученіи. Посему какое же рѣшеніе показаннаго тамъ? «Если, говоритъ Евномій, Богъ есть Отець, потому что родилъ Сына». Этого не представляло намъ первое умозаключеніе; напротивъ того хотя слѣдствіе умозаключенія именно показало бы возможность именемъ Отца, если бы оно означало нерожденность Отца, означить и отношеніе Его къ Сыну; однакоже этимъ, что Богъ есть Отець, потому что родилъ Сына, нимало не опредѣляло построеніе перваго умствования. Посему что же значить это извращеніе съ діалектической и искусственною тонкостію, сего еще не до-разумѣваю.

Но всмотримся по крайней мѣрѣ въ смыслъ сказаннаго. «Если Богъ есть Нерожденный, потому что родилъ Сына, то до рожденія Сына не былъ нерожденнымъ». Опять на сказанное готово и при томъ простое слово истины, а именно: названіе Отцемъ показываетъ, что родилъ Онъ Сына, какъ нами показано это въ сказанномъ прежде, и что Родившій представляется непроизшедшимъ отъ какой либо причины. Ибо если обратишь вниманіе на сущее отъ Него; то съ наименованіемъ Отца познается Упостась Единороднаго. Если же изслѣдуешь, что прежде Него, то названіе Отца показываетъ безначальность Того, Кто родилъ Сына. Утверждать же, что Богъ до

рожденія Сына не былъ нерожденнымъ, — сіе-то два обвиненія готовитъ писателю въ клеветѣ на насъ и въ оскорбленіи догмата. Ибо оуждаетъ онъ, что и учителемъ нашимъ не сказано, и нами теперь не выдается за признаваемое, и говоритъ: Богъ въ послѣдствіи когда-то содѣлался Отцемъ, бывъ прежде чѣмъ-то инымъ, а не Отцемъ. Ибо чѣмъ осмѣиваетъ Евномій несообразность нашего ученія, тѣмъ самымъ провозглашаетъ свое беззаконіе въ разсужденіи догмата. Ибо полагая признаваемымъ, что Богъ, будучи прежде чѣмъ-то инымъ, послѣ того по преуспѣянію содѣлался и наименованъ Отцемъ, Евномій говоритъ слѣдующее: «пока не родилъ Сына и не названъ за то Отцемъ, не былъ нерожденнымъ, если нерожденность дѣлается познаваемою изъ понятія: «Отецъ». Сколько въ этомъ неразумія, не должно, думаю, и говорить о семъ обличающему; потому что достаточно сіе само собою представляется для имѣющихъ умъ. Ибо если Богъ, пока не содѣлался Отцемъ, былъ чѣмъ-то инымъ, то что скажутъ защитники сего ученія? Въ какомъ состояніи, по ихъ словамъ, представлялся Богъ? Какое имя дадутъ тогдашнему образу жизни? Имя ли отрока, младенца, новорожденного, или юноши? Или не скажутъ ничего такого, стыдясь, можетъ быть, явной несообразности, не будутъ же отрицать, что Онъ изъ начала совер-

шенъ? Послѣ этого какъ же совершенъ, если не могъ еще быть Отцемъ? Или не лишать Его сей возможности, но скажутъ, что не прилично Ему вмѣстѣ съ бытіемъ быть и Отцемъ? И если не хорошо и не прилично Ему изъ начала быть Отцемъ такого Сына; то почему, поступая впередъ, пріобрѣлъ, что не хорошо? Но теперь хорошо, и величію Божію прилично стать Отцемъ такого Сына. Итакъ еретики ведутъ къ той мысли, что Богъ въ началѣ не имѣлъ доли въ хорошемъ; они скажутъ, что, пока Богъ не имѣлъ Сына (да не прогнѣвается Богъ за это слово!), не было у Него ни премудрости, ни силы, ни истины, ни всего другаго, чѣмъ въ разныхъ понятіяхъ нашихъ и есть и именуется Единородный Сынъ.

Но да обратится сіе на голову виновныхъ! А намъ должно еще возвратиться къ тому, съ чего начали. «Если, говоритъ Евномій, Богъ—Отець, потому что родилъ, а Отець означаетъ нерожденность; то пока Онъ не родилъ, не былъ нерожденнымъ». Если бы говорилось это сообразно съ тѣмъ, что обыкновенно для людей, которымъ невозможно за одинъ разъ пріобрѣсти какіи либо навыкъ ко многимъ занятіямъ, не изучивъ cadaго изъ предметовъ занятія въ порядкѣ и послѣдовательности съ теченіемъ какаго либо времени; если бы такъ должно было разсуждать и о Богѣ всяческихъ,

что теперь имѣеть нерожденность, послѣ же сего воспріемлетъ силу, потомъ нетлѣніе, потомъ разумѣніе, а поступаая далѣе, дѣлается Отцемъ, и еще правдивымъ, и въ слѣдъ за симъ вѣчнымъ, и въ нѣкоторой послѣдовательности пріобрѣтеть и все то, что умопредставляется свойственнымъ Богу; то, можетъ быть, было бы не очень нелѣпо думать объ именахъ Божіихъ, что одно предшествуетъ другому, и сперва именовался Богъ нерожденнымъ, а послѣ того содѣлался Отцемъ. Теперь же кто столько бѣденъ смысломъ, такъ мало-свѣдуещъ въ величинѣ божественныхъ догматовъ, что, объявъ мыслию Причину существъ, не объемлетъ вмѣстѣ и связно совокупнымъ разумѣніемъ всего благочестиво умопредставляемаго о Богѣ, но думаетъ, что одно пришло въ Немъ въ послѣдствіи, другое въ началѣ, иное же по какому-то послѣдовательному порядку въ срединѣ? Кто постигъ помысломъ что нибудь благочестиво сказуемое о Богѣ,—тому не встрѣтитъ какой либо вещи, или какого либо понятія, которыя бы могли древностію превзойдти сказанное. Напротивъ того, всякое имя Божіе, всякая велегѣнная мысль, всякое реченіе и мнѣніе, сообразное съ понятіями о Богѣ, между собою связаны и соединены; и все представленія о Богѣ, Его отчество, нерожденность, могущество, нетлѣніе, благость, власть и все прочее постигаютъ

ся неразрывно связанными и евокупленными между собою; потому что каждое изъ нихъ, не особо въ отдѣльности отъ прочихъ само по себѣ представляется въ какомъ-то временномъ разстояніи, какъ предшествующее или послѣдующее другому; но какое бы ни нашлось велелѣнное и благочестивое именованіе, оно появляется вмѣстѣ съ вѣчностью Божіею. Посему, какъ нельзя сказать, что Богъ когда нибудь не благъ, или не могущественъ, или не вѣленъ, или не безсмертенъ: точно также нечестиво не всегда приписывать Ему отчество, но говорить, что оно привзошло въ послѣдствіи. Ибо кто дѣйствительно отецъ, тотъ отецъ всегда. Если же къ исповѣданію не будетъ присоединено это *всегда*, но какое нибудь напередъ понапрасну придуманное понятіе усѣчетъ и убавитъ сверху мысль объ Отцѣ, то не будетъ уже исповѣдуемо, что Онъ подлинно Отецъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оное, придуманное понятіе о нерожденномъ еще Сынѣ, уничтожаетъ вѣчность и непрестанное бытіе отчества. Ибо какъ возможно, чтобы то, что совершилось когда либо послѣ, было представляемо умомъ подъ тѣмъ именемъ, которымъ называется нынѣ? Посему, если, сперва будучи нерожденнымъ, послѣ того содѣлался и именованъ Отцемъ; то, конечно, не всегда былъ тѣмъ, чѣмъ именуется теперь. Но Богъ, Который и

теперь, и всегда существуетъ, не дѣлаясь ни худшимъ, ни лучшимъ отъ приращенія, не пріемлетъ отъ иного чего либо иного, не измѣняется, но всегда самъ съ Собою тождественъ. Посему, если не былъ въ началѣ Отцемъ, то не содѣлался имъ и послѣ. Если же исповѣдуемъ, что Онъ — Отецъ; то опять повторю тоже слово, — что, если Отецъ теперь, то и всегда былъ Отцемъ; и если былъ всегда, то и за всегда будетъ. Слѣдовательно Отецъ всегда Отецъ, и какъ вмѣстѣ съ Отцемъ умопредставляется, конечно, и Сынъ: потому что невозможно стать твердымъ названію Отецъ, если не оправдываетъ наименованія Сынъ; то все, умопредставляемое въ Отцѣ, усматривается и въ Сынѣ. Ибо все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну, и все принадлежащее Сыну имѣетъ Отецъ. Отецъ имѣетъ принадлежащее Сыну, сказалъ Сынъ, не для того, чтобы клеветнику пришло на мысль въ насмѣшку надъ всѣмъ совокупить во едино, что и Сынъ перожденъ, по сказанному: все, принадлежащее Отцу, имѣетъ Сынъ, или еще, что и Отецъ рожденъ, потому что все, принадлежащее Сыну, усматривается въ Отцѣ. Ибо если все, что у Отца, имѣетъ Сынъ, то не Отецъ ли Онъ? И обратно, если все, что у Сына, усматривается въ Отцѣ, то не Сынъ ли Онъ?

Итакъ, если, что принадлежитъ Отцу, все

то въ Единородномъ, а Онъ въ Отцѣ, отчество же неотдѣльно отъ нерожденности; то объ Отцѣ прежде понятія о Сынѣ можеть ли что быть представляемо отдѣльно само по себѣ въ нѣкоемъ разстояніи? Не вижу сего. Посему не боязненно должно отважиться и вступить объ этомъ въ борьбу съ возраженіями, какія намъ дѣлаеть лжеумствованіе, и нимало не пугаясь ужаснаго умозаключенія, измышленнаго для приведенія въ трепеть дѣтей, сказать, что Богъ и святъ, и безсмертенъ, и Отецъ, и нерожденъ, и вѣченъ, и все это въ совокупности; и если предположительно уступить, что нѣтъ чего либо одного изъ утверждаемаго о Немъ благочестиво, то однимъ уничтожается все. Ибо, если не безсмертенъ, то невозможно быть и прочему. Но что сказано о части, то разумѣй о цѣломъ. Посему нѣтъ въ немъ ничего ни старшаго, ни младшаго; или иначе окажется, что Онъ Самъ себя и старше и моложе. Ибо, если Богъ не всегда есть все, но въ нѣкоемъ порядкѣ и послѣдовательности однимъ Онъ есть, а другимъ дѣлается; сложности же нѣтъ въ Немъ никакой, но чѣмъ Онъ есть, тѣмъ есть весь; а по словамъ ереси, будучи прежде нерожденнымъ, послѣ сего дѣлается Отцемъ: то, поелику не представляется въ Немъ никакой множественности дѣйствованій, не иное что происходитъ, а только то, что весь Онъ дѣлается старше и

моложе всего Себя, по нерожденности предваряя Себя, а по понятію объ Отцѣ дѣлаясь вторымъ по Себѣ. Если же Богъ, какъ говорить о Немъ пророкъ, *тойжде* есть (Пса. 101, 28.), то неразумень утверждающій, что пока не родился, не былъ Онъ нерожденнымъ, потому что ни которое изъ сихъ именъ, ни имя Отца, ни имя нерожденного не встрѣчается одно безъ другаго, но два сіи понятія въ совокупности и одно съ другимъ появляются въ умахъ благочестиво разсуждающихъ; потому что Богъ отъ вѣчности Отець и вѣчный Отець, и все, что благочестиво сказуется о Богѣ, именуется вмѣстѣ; такъ какъ временная эта послѣдовательность и временный порядокъ, какъ сказали мы, въ разсужденіи превѣчнаго естества не имѣютъ мѣста.

Посмотримъ и на остатки діалектической изворотливости, которые и самъ онъ осмѣиваетъ, и вмѣстѣ называетъ жалкими. И хорошо говоритъ онъ это; потому что дѣйствительно неудержимый смѣхъ возбуждается сказаннымъ, лучше же сказать, великій плачь одержавшимъ душу оболещеніемъ. Послику слово: Отець по нѣкоторому значенію заключаетъ въ себѣ понятіе нерожденного, какъ утверждаетъ наше ученіе; то Евномій, превращая собственное значеніе слова: Отець въ понятіе нерожденности, говоритъ слѣдующее: «если одно и тоже сказать: Нерожденный или Отець, то намъ, оста-

вивъ слово Отець, и вмѣсто его взявъ названіе: Нерожденный, можно будетъ сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; ибо какъ Нерожденный есть Отець Сына, такъ наоборотъ Отець есть Нерожденный Сына». Приходится мнѣ наконецъ дивиться благоискусному мужу, его многовидной и разнообразной учености въ разсужденіи догматовъ, и почестъ его превышающимъ силою многихъ. Сказанное учителемъ нашимъ выражено кратко однимъ словомъ, а именно: и наименованіемъ Отца можно означить нерожденность; а Евноміемъ наговорено такъ много, и множество состоитъ не въ разныхъ мысляхъ, а въ оборотѣ и превращеніи подобныхъ реченій. Ибо какъ съ закрытыми глазами бѣгающіе около жернова, по совершеніи длиннаго пути, остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ: такъ и Евномій всегда обращается около того же, и стоитъ въ томъ же.

Однажды въ насмѣшку сказалъ онъ, что слово: отецъ значить не то, что раждать, но не быть отъ кого либо другаго; опять ведетъ подобную же цѣпь: если слово: Отець значить Нерожденный, то пока не родилъ, не былъ Онъ нерожденнымъ. Потомъ въ третій разъ возвращается къ тому же; ибо говорить: намъ, принимающимъ слово Нерожденный въ такомъ смыслѣ, можно сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; и тотчасъ повторяетъ,

что изрыгалъ уже многократно, и говорить: какъ Нерожденный есть Отецъ Сына, такъ наоборотъ, опять Отецъ есть Нерожденный Сына. О, сколько разъ возвращается на изрыгнутое имя! Сколько разъ берется за прежнее! Сколько разъ оказывается обиліе въ томъ же! И не сдѣлаемъ ли и мы обременительными для многихъ, пустотою предлагаемаго Евноміемъ позволяя увлекаться своему слуху? Въ подобныхъ случаяхъ приличнѣе, можетъ быть, молчать. Но чтобы не подумалъ кто, будто бы по бессилію въ словѣ прекращаемъ слово, отвѣтимъ на сказанное слѣдующимъ: не можешь сказать, что Отецъ есть Нерожденный Сына, хотя бы наименованіе Отца и означало, что родившій не—отъ причины. Какъ по представленному нами примѣру, услышавъ о царскомъ санѣ, изъ имени царя уразумѣваемъ двѣ вещи, и именно, что преимуществующій властію никому не подчиненъ, и что обладаетъ онъ подчиненными: такъ и наименованіе Отцемъ относительно къ Богу представляетъ намъ двойное значеніе, одно разумѣмос о Сынѣ, и другое, что Богъ не зависитъ ни отъ какой предварительно умопредставляемой причины. Посему, какъ о царѣ невозможно сказать, что, если однимъ симъ названіемъ означается и обладаніе подданными, и неимѣніе надъ собою начальника, то можно называть его не княземъ народа, но не имѣющимъ надъ

собою царя между подданными; не согласимся также сказать о царѣ такимъ образомъ: какъ называется онъ царемъ народа, такъ можетъ быть названъ и не имѣющимъ надъ собою царя въ народѣ; такимъ же образомъ къ слову: Отецъ, которое указываетъ на Сына, и даетъ понятіе о нерожденномъ, переложивъ значеніе не по надлежащему, — невозможно къ свойству съ Сыномъ смѣшнымъ образомъ привязать понятіе о нерожденномъ, говоря: Нерожденный Сына.

Но выразившись такимъ образомъ, какъ бы достигнувъ истины, и изобличивъ нелѣпость сопротивныхъ, Евномій горделиво произносить: «кто когда изъ здравомыслящихъ признавалъ справедливымъ умолчать объ естественномъ понятіи и уважилъ неразуміе»? Пикто, о премудрый; по сему не виновно въ сѣмъ и наше слово, утверждавшее, что именованіе «Нерожденный» согласно съ понятіями, и что должно содержать его въ сердцахъ неподвижнымъ, вмѣсто же извращеннаго у насъ слова достаточно именованіе: Отецъ, и ведетъ къ оному же понятію. Ибо, помнишь, какія слова приводилъ ты самъ. А именно, Василій не признавалъ справедливымъ умалчивать естественное понятіе, а уважилъ, какъ самъ называешь, неразуміе; напротивъ того одно именованіе: Нерожденный, то есть произношеніе слоговъ, какъ дурно выбранное и притомъ

неупотребительное въ Писаніи, совѣтуетъ безопасно умалчивать, а объ означаемомъ имъ говорить, что оно всего болѣе согласно съ нашими понятіями.

Но утверждаемое нами таково; а онъ клеветущій, что мы софисты, вооружающій слово истинною, осуждающій наши прегрѣшенія, не краснѣетъ при разсужденіи о догматахъ, рядясь лжеумствованіями, и подражая тѣмъ, которые на пирахъ какими-то сладкими рѣчами извлекаютъ смѣхъ. Посмотрите на это страшное и обработанное сплетеніе умозаключенія; ибо опять припоминаю тѣже: «ежели сказать: Нерожденный и Отецъ, есть одно и то же, то намъ, оставивъ слово: Отецъ и принявъ вмѣсто него слово: Нерожденный, можно сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; потому что, какъ Нерожденный есть Отецъ Сына, такъ наоборотъ Отецъ есть Нерожденный Сына». А сіе походитъ на то, какъ если бы кто, по справедливому и здравому разумѣнію, сказалъ объ Адамѣ: нѣтъ разности, называть ли его отцемъ всѣхъ людей, или первымъ человѣкомъ, созданнымъ отъ Бога, потому что тѣмъ и другимъ означается одно и тѣже; потомъ кто либо изъ подобныхъ Евномію діалектиковъ вставъ началъ бы подражать такому ухищренію въ сказанномъ: если одно и то же сказать объ Адамѣ, или что первый созданъ онъ Богомъ, или что онъ отецъ послѣ

него происшедшихъ людей, то намъ, оставивъ слово: отецъ и замѣнивъ оное словомъ: первозданный, можно будетъ сказать: Адамъ не отецъ, но первозданный Авеля; потому что, какъ первозданный есть отецъ сына, такъ наоборотъ, отецъ есть первозданный сына. Если бы это сказано было въ корчмѣ, то сколько рукоплесканій и смѣха раздалось бы у пьющихъ, обрадованныхъ изыщствомъ находки! Въ таковыхъ разсужденіяхъ находить себѣ подкрѣпленіе противъ насъ премудрый богословъ, и нападаетъ на догматъ, подлинно имѣя нужду въ какомъ нибудь пѣстушѣ и желѣ, чтобы научиться, что не все, о чемъ нибудь сказуемое, непременно относится къ одному означаемому, какъ показываетъ это въ представленномъ нами примѣрѣ объ Авелѣ и Адамѣ; ибо объ Адамѣ справедливо сказать, что одинъ и тотъ же --и отецъ Авеля, и дѣло Божіе; но поелику онъ то и другое, то не слѣдуетъ изъ сего, что и въ разсужденіи Авеля имѣеть два значенія. Такъ и о Богѣ всяческихъ наименованіе Отцемъ даетъ видѣть и собственно означаемое таковымъ словомъ, то есть, что Онъ родилъ Сына, и показываетъ, что никакая причина не умопредставляется прежде Отца, взятаго въ истинномъ смыслѣ. Однако же когда упоминаемъ о Сынѣ, нѣтъ необходимости, Отца не Отцемъ именовать, но называть рожденнымъ Сына; и еще, если

бы въ отношеніи къ Сыну умолчано было о безначальности, нѣтъ необходимости въ нашемъ разумѣніи отрицать у Бога нерожденность. Но Евномій отвергаетъ такое употребленіе именъ, и подобно шутамъ смѣется надъ сказаннымъ нами, странностію лжеумствованія производя смѣхъ надъ догматами.

Ибо опять приведу на память сказанное имъ: «если одно и тоже сказать: Нерожденный, или Отецъ, то намъ, оставивъ слово: Отецъ, и принявъ вмѣсто него слово: Нерожденный, можно будетъ сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына, потому что какъ Нерожденный есть Отецъ Сына, такъ наоборотъ Отецъ есть Нерожденный Сына». Но если угодно, и мы отвѣтимъ ему смѣшнымъ, лжеумствованіе это обративъ ему въ противоположное. Если не одно и тоже Отецъ съ Нерожденнымъ, то Сынъ Отца не будетъ Сыномъ Нерожденнаго; потому что, къ одному Отцу имѣя сіе отношеніе, конечно, чуждымъ по естеству будетъ Тому, Кто есть нѣчто иное, и по понятію не сходствуетъ съ Отцемъ, такъ что, если Отецъ есть что либо иное съ Нерожденнымъ, и именованіе: Отецъ не объемлетъ собою и означаемаго словомъ: Нерожденный, то Сынъ, будучи единымъ, не можетъ дѣлиться на отношенія къ двоимъ, что бы одному и тому же быть Сыномъ и Отца и Нерожденнаго. И какъ признано целѣннымъ

назвать Бога Нерожденнымъ Сына, такъ, безъ сомнѣнiя, въ превращенной рѣчи окажется равною нелѣпостiю наименовать Единороднаго Сыномъ Нерожденнаго. Посему что либо одно изъ двухъ, или Отецъ есть одно и тоже съ Нерожденнымъ, чтобы Сыну Отца быть Сыномъ и Нерожденнаго, и напрасно осмѣивается наше ученiе; или, если Отецъ есть нѣчто другое съ Нерожденнымъ, то Сынъ Отца чуждъ отношенiя къ Нерожденному. И если одержить верхъ эта мысль, что Единородный не отъ Нерожденнаго, то, конечно, въ слѣдствiе сего ученiя окажется, что у Него Отецъ рожденъ; потому что сущее, но сущее не нерожденно, безъ сомнѣнiя, имѣеть рожденную впостась. Посему, если Отецъ, какъ что-то иное съ Нерожденнымъ, по мнѣнiю ихъ, рожденъ, то гдѣ же эта пресловутая нерожденность? Гдѣ основанiе и опора еретическаго столпотворенiя? Исчезли и обратились въ ничто по нетвердости лжеумствованiй; у думавшихъ, что, повидимому, держатся пока за рукоятку, ускользнула нерожденность; и доказательство неподобiя, подобно чьему-то сповидѣнiю разсѣявшись, бѣжало отъ прикосновенiя слова, улетѣвъ вмѣстѣ съ нерожденностiю. Такъ, когда какая нибудь ложь почитается за истину, хотя въ слѣдствiе обмана имѣеть она силу на малое время, но скоро сама собою падаетъ, и разоряется собственными своими построенiями.

Это предложено нами, чтобы посмѣяться только надъ тонкостями, какими награждаетъ Аномей. Но время опять привести слово въ должный порядокъ.

39. Евномій не хочетъ, чтобы въ словѣ: Отецъ заключалось и значеніе слова: Нерожденный; ему нужно приготовить ту мысль, что Единороднаго нѣкогда не было. Ибо у его учениковъ часто повторяется вопросъ: какъ рождастся сущій? Причиною же сего полагаю то, что имъ не желательно, и помышляя о Божественномъ, отступить отъ человѣческаго употребленія имени. Но мы доброхотно погрѣшительное это мнѣніе выведемъ на прямой путь, сказавъ, что знаемъ о семъ.

Иное, Евномій, означаютъ имена у насъ, другое же значеніе представляютъ о превысшей силѣ. Ибо и во всемъ прочемъ Божеское естество великимъ средостѣніемъ отдѣлено отъ человѣческаго; и опытъ не показываетъ здѣсь ничего такого изъ всего, о чемъ дѣлаются въ ономъ заключеніи по какимъ-то догадкамъ и предположеніямъ. Такимъ же образомъ и въ означаемомъ именами хотя есть нѣкая подобоименность человѣческаго съ вѣчнымъ, но по мѣрѣ разстоянія естество и означаемое именами раздѣльно. Такъ напримѣръ Господь въ притчѣ именуется Богомъ *человѣкомъ изъ доловитымъ* (Матѳ. 20, 1.); но это именованіе часто употребляется и въ жизни. Посему одинаково ли

достоинство человѣка, подобнаго намъ, и человѣка разумѣемаго въ притчѣ, и таковъ ли нашъ домъ, каковъ оный великій домъ, въ которомъ, какъ говоритъ Апостолъ, *сосуди злати и сребряни*, и какія еще перечисляются изъ прочихъ веществъ (2 Тим. 2, 20.)? Или инаковы тѣ, которые иному не легко и познать, умопредставляемые въ нетлѣннѣи и блаженствѣ, и инаковы тѣ, которые у насъ сдѣланы изъ земли, и въ землю разлагаются? Точно такъ же и во всѣхъ почти прочихъ вещахъ есть нѣкая подобоименность Божественнаго съ нашимъ, при тожествѣ именъ показывающая большую разность означаемаго. Почему и именованія членовъ и чувствилищъ можно находить сходно распределенными, какъ у насъ, такъ и для Божественной жизни, которую всѣ люди признаютъ сверхчувственною. Персты, мышца, рука, око, вѣжди, слухъ, сердце, ноги, сапоги, кони, *яждене* (Авв. 3. 8.), колесницы, и тысячи подобныхъ словъ изъ человѣческой жизни внесены Писаніемъ къ гадательному выраженію Божественнаго. Посему, какъ изъ сихъ именъ каждое говорится по человѣчески, но не человѣческое имъ означается: такъ и имя отецъ, хотя одинаково говорится и о нашемъ и о Божіемъ естествѣ, но по мѣрѣ разности именуемыхъ предметовъ и означаемое словами различно: потому что иначе представляемъ себѣ рожденіе у людей, и иначе

гадаемъ о рожденіи Божественномъ. Человѣкъ рождается во времени, и, конечно, какое либо мѣсто принимаетъ въ себя жизнь его, а безъ этого и естество его состоять не можетъ. Поэтому въ жизни человѣческой необходимо находятся временные отдѣлы, разумѣю, что прежде него, что вмѣстѣ съ нимъ, и что послѣ сего. Ибо о комъ бы то ни было изъ рожденныхъ вѣрно можно сказать, что, не бывъ нѣкогда, теперь онъ существуетъ, и также опять нѣкогда перестанетъ существовать; а о предвѣчномъ рожденіи эти временныя понятія, какъ съ онымъ естествомъ не имѣющія никакого сродства, разсуждающимъ трезвенно не приходятъ и на мысль. Ибо разсуждающій о Божественной жизни, ставъ выше реченій: нѣкогда, въ послѣдствіи, прежде, и всѣхъ другихъ, которыми означается временное это протяженіе, съ высоты обозрѣвать будетъ превыспреннее, и что видитъ въ рожденіи человѣческомъ, тому не почтитъ порабощеннымъ и рожденіе неподвластное.

Въ здѣшнемъ естествѣ происхожденію человека предшествуетъ страданіе, для устройства живаго существа полагаются тѣлесныя нѣкія основы, и по изволенію Божию держится это на совершающемъ таковыя чудеса естествѣ, которое отсюда собираетъ свойственное и приличное усовершенію раждаемаго, изъ стихій міра, изъ каждой сколько достаточно, изъ

содѣйствія времени свою мѣру, и изъ питанія образующихъ раждаемое, сколько сіе бываетъ свойственно образуемому: кратко сказать, естество, которое, проходя все, что служитъ къ устройству человѣческой жизни, такимъ образомъ несуществующее приводитъ къ рожденію, почему говоримъ, что несуществующее приходитъ въ бытіе, такъ какъ, чего въ нѣкоторое время не было, то въ другое время начинается бытіе. Понятіе же о Божественномъ рожденіи не допускаетъ ни услужливости естества, ни совершенія времени для сбора приношеній, нужныхъ приводимому въ бытіе, ни всего того, что разумъ усматриваетъ въ дольнемъ рожденіи, и ни въ одно изъ низкихъ помышленій не впадаетъ приступающій къ Божественному не съ плотскими понятіями. Напротивъ того ищетъ онъ какого либо понятія приличнаго величію означаемого; потому что не представитъ себѣ страданія въ безстрастномъ, не помыслитъ, что Создатель всякаго естества имѣетъ нужду въ естественномъ содѣйствіи, и не допуститъ временнаго протяженія въ жизни вѣчной; напротивъ того, представивъ себѣ Божественное рожденіе чистымъ отъ всего этого, согласится только, что изъ значенія имени: Отецъ открывается не безначальное бытіе Единороднаго, такъ что, хотя въ Отцѣ имѣетъ Онъ причину бытія, однакоже не умопредставляемо въ Немъ

начало вности, по невозможности представить себя какой либо признакъ искомага. Ибо въ представленіи давно бывшаго и новѣйшаго, и во всѣхъ таковыхъ представленіяхъ, имѣющихъ мѣсто во временныхъ разстояніяхъ, если отъймешь мысленно время, вмѣстѣ съ тѣмъ отъемлются всѣ таковыя признаки, и похищаются съ временемъ.

Итакъ, послѣку неизреченно прежде вѣковъ Сущій со Отцемъ не допускаетъ сего представленія: «нѣкогда»; то Онъ, хотя существуетъ рожденно, однакоже не начинаетъ когда либо бытія, потому что и не во времени, и не въ пространствѣ имѣетъ жизнь, а по отъятіи и пространства и времени, и всякаго подобнаго представленія объ вности Единороднаго, умопредставляемое прежде Него есть единый Отець. Но въ Немъ сущій и Единородный, какъ самъ Онъ говоритъ (Іоан. 10, 38.), невозможнымъ дѣлаетъ допустить предположеніе о небытіи Его когда либо. Ибо, если бы не было нѣкогда и Отца, то небытіемъ Отца необходимо усѣкалась бы свѣрху и вѣчность Сына. Если же всегда есть Отець, то какъ не быть когда либо Сыну, Который не можетъ быть умопредставляемъ самъ по Себѣ безъ Отца, но даже и умалчиваемый всегда именуется съ Отцемъ? Ибо названіе Отца равно имѣетъ значеніе двухъ лицъ, такъ какъ мысль о Сынѣ при этомъ словѣ привхо-

дять сама собою. Когда не было Сына? Въ чемъ заключено было Его небытіе? Въ пространствѣ ли? Но пространства не было. Во времени ли? Но Господь прежде времени. Посему, если былъ прежде времени и пространства, то когда же не былъ? И если былъ во Отцѣ, то въ чемъ же не былъ, скажите вы, видящіе невидимое, какую среду вообразилъ вашъ помыслъ? Что представляете себѣ лишеннымъ Единороднаго? Вещь ли какую, или понятія, которыя, будучи сиротяженны съ Отцемъ, показываютъ, что жизнь ихъ долговѣчнѣе Единороднаго? И къ чему говорю это? Ибо и о человѣкѣ нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, что рожденъ кто либо несуществующій. Левій за много родовъ до своего рожденія по плоти далъ десятину Мельхиседеку; ибо такъ говоритъ Апостоль: *Левій, пріемлющій десятины, десятины далъ есть* (Евр. 7, 9), и въ доказательство сказаннаго присовокупляетъ, что онъ былъ въ чреслахъ отца своего, когда Авраамъ встрѣтился съ священникомъ Вышняго. Посему, если человѣкъ раждается нѣкоторымъ образомъ существующій, по апостольскому свидѣтельству, по общей сущности предсуществовавъ въ родившемъ его; то какъ осмѣливаются о Божіемъ естествѣ произносить это слово, что не существуя Сущій во Отцѣ родился, какъ говоритъ Господь: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*

(Иоан. 14, 11.), именно сказуя симъ, что каждый изъ Нихъ въ другомъ, одинъ по одному, а другой по другому понятію; Сынъ въ Отцѣ, какъ лѣпота изображенія въ первообразномъ зракѣ, а Отецъ въ Сынѣ, какъ первообразная лѣпота въ Своемъ изображеніи. По въ рукотворенныхъ изображеніяхъ промежуточное время, безъ сомнѣнія, принятый образъ отдѣляетъ отъ первообраза: а тамъ невозможно отдѣлить одно отъ другаго, ни образъ отъ ипостаси, ни сіяніе отъ Божественной славы, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 1, 3.), ни изображеніе отъ благодати; но помывшись о чемъ либо изъ сего пріемлетъ мыслію умопредставляемое совокупно съ этимъ. Ибо сказано: *Сый сіяніе славы, Сый*, а не содѣлавшись, такъ что Апостолъ ясно отстраняетъ этимъ все, что есть нечестиваго въ томъ и другомъ предположеніи, и не признаетъ какъ того, что Единородный нерожденъ, сказавъ: *сіяніе славы*, потому что сіяніе отъ славы, а не наоборотъ отъ сіянія слава, такъ и того, что нѣкогда началъ Онъ бытіе, потому что свидѣтельство слова: *сый* даетъ разумѣть всегдашнее существованіе Сына, Его вѣчность и превосходство надъ всякимъ временнымъ значеніемъ.

Посему благовременно нѣсколько представить этотъ неудачный вопросъ противниковъ, составленный ими во вредъ благочестію, и который, какъ непреоборимый, предлагаютъ.

они намъ въ доказательство собственнаго своего ученія, спрашивая: раждается ли Сущій? Имъ отвѣчать можно смѣло, что Сущій въ Нерожденномъ отъ Него рожденъ, въ немъ имѣя причину бытія; ибо говоритъ: *Азъ живу Отца ради* (Іоан. 6, 57.). О началъ же говорить нельзя, когда нѣтъ ничего посредствующаго, ни представленія, ни временнаго разстоянія, ничего такого, чѣмъ отличается и отдѣляется бытіе Сына отъ Отца, и не представляется признака, показывающаго, что Единородный, отрѣшившись отъ жизни Отца, пріемлетъ какое-то особое начало. Посему, если нѣтъ никакого другаго начала, предводящаго жизнью Сына; напротивъ того ученіе благочестія усматриваетъ, что предъ впостацію Сына неотступно единый Отець, Отець же безначаленъ и нерожденъ, какъ исповѣдуетъ вмѣстѣ и свидѣтельство противниковъ; то какъ пріемлетъ начало бытія созерцаемый въ Безначальномъ?

Какой же вредъ ученію благочестія отъ согласія съ словами противниковъ, которыя выставляютъ они, какъ нелѣпныя, говоря: рожденъ ли Сущій? Ибо не то говоримъ, что, по грубому недоумѣнію Никодима, какое высказалъ онъ Господу, и по которому полагалъ, что существующему невозможно придти во второе рожденіе (Іоан. 3, 4.), такъ и Сущій пріемлетъ рожденіе; напротивъ того говоримъ,

что имѣющій свое бытіе соединеннымъ съ всегда и безначально Сущимъ, неотступающій отъ любовѣдѣнія о старѣйшемъ, и предваряющій въ превышающемъ любовѣдѣніе ума, и не отдѣлимый отъ всякой мысли объ Отцѣ, и бытія не начинается, и не рожденъ, но и родился, и всегда былъ, относительно къ причинѣ признавая рожденіе отъ Отца, а по вѣчности жизни не допуская, чтобы когда либо не имѣть бытія.

40. Но сказанному противится до излишества умудряющійся, и сущность Единороднаго отдѣляетъ отъ естества Отца, потому что одинъ родился, а другій нерожденъ; и, когда столько есть именъ, показывающихъ благочестивый взглядъ на естество Божіе, и въ которыхъ не усматривается никакого видоизмѣненія относительно къ Сыну, но все равно приличествуютъ и Сыну и Отцу, Евномій, не упомянувъ ни объ одномъ изъ другихъ именъ, которыми обозначается общность, привязывается къ одному имени: нерожденность, да и то принимаетъ не въ обыкновенномъ и признанномъ значеніи, но вводитъ новое понятіе нерожденнаго, отвергая общія предположенія о семъ словѣ. Какая же причина этому? Ибо не безъ важнаго какого нибудь побужденія отступаетъ въ рѣчи отъ обыкновеннаго смысла именъ, и странничаетъ измѣненіемъ значенія словъ. Въ точности зналъ онъ, что,

если употребленіе именъ будетъ сохранено по обычаю, то не найдетъ онъ никакого подкрѣпленія къ извращенію здраваго ученія; если же реченія не удержатъ при себѣ общихъ и признанныхъ за ними понятій, то симъ извращеніемъ словъ легко будетъ можно извращать и догматы. Напримѣръ (перейдемъ къ самымъ реченіямъ, съ которыми поступлено такъ худо), если бы, по общему разумѣнію догматовъ, Евномій согласился, что Богъ называется нерожденнымъ, потому что не родился, то рушилось бы у нихъ цѣлое зданіе ереси, съ лжеумствованіемъ о нерожденности лишенное своей опоры. Ибо, если бы въ слѣдствіе этого, по сходству почти всего введеннаго въ употребленіе въ церкви Божіей, убѣдился, что сущій надъ всѣми Богъ умопредставляется, какъ невидимымъ, безстрастнымъ и безтѣлеснымъ, такъ и нерожденнымъ, соглашаясь, что каждымъ изъ сихъ именъ означается, чего вовсе нѣтъ у Бога,—какъ-то: тѣла, страсти, цвѣта, и того, чтобы имѣть бытіе отъ причины; если бы призналъ, что это дѣйствительно такъ; то не имѣло бы никакой силы ихъ ученіе о неподобіи; такъ какъ во всемъ прочемъ, что умопредставляется о Богѣ всяческихъ, и противники уступаютъ Единородному равенство съ Отцемъ.

Но чтобы не пронзошло сего, изъ всѣхъ Божіихъ именъ, разумѣю имена, указующія на

верховное могущество, Евномій предпочитаетъ имя нерожденности, и его дѣлаетъ убѣжищемъ для произведенія нападеній на наше ученіе, противорѣчіе рожденнаго нерожденному въ выговорѣ слова переноса на лица, которымъ приданы имена, и посредствомъ сихъ именъ изъ различія ихъ ухищряется познавать инаковость сущностей, соглашаясь, что рожденнымъ называется кто-либо не потому, что родился, и нерожденнымъ не потому, что не раждался, напротивъ того, потому что рожденный, такъ сказать, осуществленъ рожденіемъ; не знаю, какою мудростію руководимъ былъ онъ къ такому разумѣнію. Ибо, если кто дознаетъ значеніе именъ, каковы они сами по себѣ, въ отвлеченіи отъ Лиць, отъ которыхъ, по видимому, имѣютъ свой вѣсь, то найдетъ пустоту мысли въ сказанномъ Евноміемъ. Не потому, что Отецъ, по истинному ученію вѣры, умопредставляется прежде Сына, и порядкомъ именъ да признаетъ всякій согласующимся съ достоинствомъ и порядкомъ Лиць, означаемыхъ сими именами; но пусть смотритъ на имена, какое изъ нихъ, взятое само по себѣ, предполагается другому относительно къ его составленію (опять разумѣю имя, а не вещь, означаемую именемъ), какое изъ сказанныхъ именъ показываетъ положительную мысль о чемъ-нибудь, и какое—отрицаніе положительной мысли. Напримѣръ (для

ясности, думаю, надобно представить въ словѣ примѣры подобныя), возьмемъ образованность и необразованность, страсть и безстрастіе и прочія такого же рода имена, какія изъ нихъ могутъ быть умопредставляемы прежде другихъ? Тѣ ли, которыя представляютъ отрицаніе положенія, или тѣ, которыя выражаютъ положеніе подлежащаго? Я утверждаю послѣднее: ибо прежде умопредставляется образованность, гнѣвъ и страсть, а потомъ отрицаніе умопредставленнаго; тоже сказать должно о рожденіи и о нерожденности. И никто по самочинному благочестію да не оуждастъ слова сего, будто бы Сынъ предпочитается имъ Родшему; ибо не утверждаемъ, что Сынъ поставляется выше и умопредставляется прежде Отца, если въ словѣ разбирается значеніе имени: рожденный и Нерожденный. Посему рожденіе означаетъ положеніе какой-либо вещи, или мысли, а нерожденность, какъ сказалъ я, отрицаніе положеннаго; такъ что во всякомъ случаѣ имя: рожденіе представляется уму прежде имени: нерожденность. Почему же, что въ числѣ имени по порядку есть второе, то усиливаются, какъ свойственное изъ этихъ понятій, приспособить къ Отцу, а представленіе отрицающее, что бы то ни было, признаютъ указательнымъ и объемлющимъ собою сущность имени, и на обличающихъ нетвердость ихъ ученій негодуютъ и раздражаются?

41. Ибо вотъ какъ злопамятенъ онъ на обличившаго его нетвердость и беспліе злоухищренія, и какъ мститъ ему, чѣмъ можетъ; можетъ же однимъ злословіемъ и оскорбленіемъ; и богатство такой возможности у него чрезъ мѣру изобильно. Ибо, какъ у искусныхъ переписчиковъ книгъ какіе-то соединительные знаки наполняютъ собою пробѣлы въ строкахъ, общая собою благозвучіе и стройность складу рѣчи: такъ Евномій въ большей части своихъ произведеній испещряетъ сочиненіе злорѣчіемъ, какъ бы украшаясь преизбыткомъ силы оскорблять; потому что, по словамъ его, опять мы суетны, опять погрѣшаемъ противъ здраваго разсудка, безъ достаточнаго въ нуждѣ приготовленія приступаемъ къ словопрѣнію, и не постигаемъ смысла въ словахъ говорящаго. Ибо все это и еще большее сего учителю нашему восписуютъ невозмутимыя сіи уста, и можетъ быть, не неразумна причина гнѣва, но справедливо раздражается борзописецъ. Ибо сколько долженъ былъ огорчить его обличающій недуги слова сего, обнажить и сдѣлать явною и для простыхъ хулу, прикрытую вѣроятностію лжеумствованій? Почему же не прикрываетъ онъ молчаніемъ того, что не твердо въ догматѣ, но выставляетъ на позоръ сего жалкаго, когда надлежало бы пожалѣть и прикрыть безмолвіемъ неприличіе слова? А онъ обличаетъ и выводитъ на зрѣ-

лице человека, какъ бы то ни было, уважаемаго своими учениками за мудрость и тонкость ума. Евномій гдѣ-то въ словахъ своихъ сказалъ, что за Богомъ слѣдуетъ нерожденность. О семъ изреченіи учитель нашъ замѣтилъ, что слѣдующее есть нѣчто усматриваемое со внѣ, а слово: сущность показываетъ значеніе не чего нибудь внѣшняго, но самаго бытія, поколику вещь существуетъ. Негодуетъ на это благодушный и неодолимый Евномій, и обильно источаетъ укоризны; потому что, услышавъ сказанное, ощутилъ и смыслъ. Чѣмъ же погрѣшилъ Василій, если внимательно слѣдовалъ за смысломъ написаннаго? Если неправильно понималъ онъ сказанное, то упреки твои справедливы, и мы забудемъ ихъ. Если же краснѣешь отъ обличенія, то почему не изгладишь въ написанномъ, но злословишь обличающаго?—«Да, говоритъ, но онъ не постигъ цѣли слова». Въ чемъ же наша неправда, если, какъ люди, по сказанному догадываемся о смыслѣ, не имѣя никакого понятія о сокровенномъ въ сердцѣ? Богу принадлежитъ и незримое видѣть, и черты никоимъ образомъ непостижимаго разсматривать, и познавать несходство въ невидимомъ: а мы судимъ единственно по тому, что слышимъ.

Поэтому сказано: «слѣдуютъ за Богомъ», и въ числѣ слѣдующихъ, по гаданію нашему, Евномій разумѣетъ нерожденность; еще ска-

зано: «лучше же сказать, самая нерожденность и есть сущность». Связи этого не въ силахъ мы были уже уразумѣть, представивъ себѣ большую, по видимому, разность и странность въ означаемомъ. Ибо, если слѣдуетъ за Богомъ нерожденность, нерожденность же есть сущность, то, конечно, слово сіе приводитъ къ понятію о двухъ сущностяхъ въ одномъ и томъ же, такъ что Богъ и существуетъ вмѣстѣ, какимъ существовалъ нѣкогда, и какимъ, по вѣрованію нашему, донинѣ существуетъ, но имѣетъ и слѣдующую за Нимъ иную сущность, которую называютъ нерожденностію, и которая есть нѣчто другое съ Тѣмъ, Кому служить сопровожденіемъ, какъ говоритъ наставникъ. И если такъ повелѣваетъ разумѣть это, то да проститъ намъ, невѣждамъ, неспособнымъ дойти до этой тонкости взглядовъ.

Если же Евномій отвергаетъ это ученіе, и не соглашается, что говорить о двоякой сущности въ Богѣ, изъ которыхъ одна познается въ самомъ Божествѣ, а другая—по нерожденности, то пусть посовѣтуетъ самъ себѣ этотъ неопрометчивый, и не лукавый мужъ, немного вдаваться въ злорѣчіе въ состязаніи за истину, но объяснить намъ неученымъ, почему не иное что есть послѣдующее, а иное предыдущее, но то и другое дѣлается однимъ. Ибо и въ томъ, что говорить теперь въ за-

щиту своего ученія, остается, какъ и прежде, несообразнымъ и, какъ самъ говоритъ, при-
 совокупленіе оныхъ строго высчитанныхъ реченій не поправляетъ разногласія въ сказан-
 номъ; потому что, какое можно найдти въ нихъ наставленіе, не могъ я доискаться сего. Но скажемъ отъ слова до слова, что именно написано имъ. «Сказали мы, говоритъ Евномій: лучше же сказать, само нерожденное есть то, что, по доказанному, послѣдуетъ. Сказали, не въ бытіе включая это, но прилагая, что послѣдуетъ, къ наименованію, а что есть само въ себѣ, — къ сущности». Если сложить это во едино, то полная рѣчь будетъ такова: послѣдуетъ имя нерожденность, потому что само именуемое есть Нерожденный. Посему кого представимъ истолкователемъ сказаннаго? «Не въ бытіе включая, что, по доказанному, послѣдуетъ», говоритъ Евномій. Но слово: включая, скажутъ, можетъ быть, иные изъ любителей выражаться загадочно, употреблено Евноміемъ въ смыслѣ слова: соединяя. А кто дознается смысла и послѣдовательности прочаго? Открывшееся послѣдовательно, говоритъ Евномій, состоитъ въ связи не съ сущностію, но съ наименованіемъ. А что такое наименованіе, премудрый? Разногласитъ ли съ сущностью, или сходится съ нею по понятію? Если имя не въ связи съ сущностью, то какія отличительныя черты сущности означаются наиме-

нованіемъ: Нерожденный? Если же, какъ самъ именуешь, сущность естественно соединена съ нерожденностію, то почему отдѣляется здѣсь? «И имя сущности слѣдуетъ за однимъ, а самая сущность за другимъ». Какъ же слагается вся рѣчь? За Богомъ, говорить, слѣдуетъ имя нерожденность, потому что Самъ Онъ нерожденъ. Утверждаетъ ли, что за Богомъ, такъ какъ Онъ нѣчто иное съ нерожденностію, слѣдуетъ это имя? И какъ Божество опредѣляетъ нерожденностію, но говорить, что за Богомъ, существующимъ нерожденно, слѣдуетъ опять нерожденность? И кто разрѣшитъ намъ сѣтъ этихъ загадокъ? Нерожденность предшествующую и нерожденность послѣдующую, и наименованіе сущности, то естественно приспособленное, то опять послѣдующее, какъ чуждое? А что же это у него за великое изумленіе при имени нерожденность, такъ что ей приписываетъ все естество Божества; и если такъ будетъ оно наименовано, то не окажется никакого недостатка въ благочестіи; если же нѣтъ, то подвергнется опасности все ученіе вѣры. Если не почтеть кто излишнимъ и непринадлежащимъ къ дѣлу краткаго о семъ разсужденія, то разсудимъ такъ.

42. Вѣчность Божественной жизни, если кто станетъ описывать, заключивъ ее въ нѣкое опредѣленіе, такова: всегда объемлетъ бытіемъ, не допускаетъ и мысли, что нѣкогда ея

не было, и нѣкогда ея не будетъ. Какъ объ очертаніи круга, поелику черта въ равномъ разстояніи отъ средоточія сама по себѣ изгибается, измѣряющіе земныя плоскости говорятъ, что начало чертежа неопредѣленно; потому что черта не тянется ни къ примѣтному концу, ни къ явному началу, но вездѣ въ равныхъ разстояніяхъ отъ средоточія соединена сама съ собою, избѣгаетъ того, чтобы показать какое либо начало и окончаніе: такъ (и никто да не клевететь, будто бы въ словѣ семь ограниченному очертанію уподобляемъ безпредѣльное естество), не на окружность круга смотря, но взирая на сходство жизни, повсюду необъятной, говоримъ, что это есть понятіе вѣчнаго. Ибо отъ настоящаго мгновенія, какъ отъ средоточія и какого-то знака, простираясь и пробѣгая повсюду мыслию въ безпредѣльность жизни, и какъ въ кругѣ, равно и одинаково увлекаемся необъятностью, вездѣ встрѣчаясь съ Божественною жизнью, которая не прекращается, и сама съ собою неразрывна, и бываемъ не въ состояніи познать какой либо предѣлъ и какую либо часть. Сіе именно говоримъ о вѣчности Божіей, что слышали и въ пророчествѣ: Богъ — и Царь предвѣчный (Иса. 73, 12.), и царствуетъ *всѣ вѣки и на вѣки*, и еще (Исх. 15, 18.); потому опредѣляемъ Его древнѣйшимъ всякаго начала, и позднѣйшимъ всякаго конца. Посему, имѣя это понятіе о

Богъ всяческихъ, какъ приличное Ему, умопредставленное нами выражаемъ двумя наименованіями, безпредѣльность, непрекращаемость и вѣчность жизни Божіей изображая словами: нерожденный и безконечный: ибо если которое либо одно изъ нихъ включено въ это понятіе, а прочее умолчано, то, безъ сомнѣнія, и означаемое будетъ хромать въ недосказанномъ; такъ какъ невозможно одному которому либо изъ сихъ именованій вполнѣ представить значеніе того и другаго. Кто назоветъ безконечнымъ, тотъ покажетъ только, что чуждъ конца, а ничего не скажетъ о началѣ: и кто наменусть безначальнымъ, тотъ покажетъ, что означаемое выше начала, но вопросъ о концѣ оставитъ нерѣшеннымъ.

Итакъ, поелику имена сін, какъ сказалъ я, равно означаютъ вѣчность Божественной жизни, то кстати намъ изслѣдовать, почему еретики, разсѣкая означаемое словомъ: вѣчный, о томъ умопредставленіи, которымъ отрицается начало, говорятъ, что есть сущность, а не одно изъ свойствъ Вѣчнаго, то же, которое не допускаетъ конца, полагаютъ внѣ сущности, не знаю, по какому разумѣнію дѣлая такое распредѣленіе, по которому не имѣть начала признается сущностію, а не имѣть конца исключается изъ сущности. Поелику объ одномъ и томъ же имѣемъ два эти представленія; то надлежало, или то и другое принять

въ понятие сущности, или, если одно признали непринадлежащимъ, съ нимъ вмѣстѣ изринуть и остальное. Если же раздѣлившимъ понятие вѣчности непремѣнно угодно одно отнести къ сущности Божественнаго естества, а другое не полагать въ числѣ существеннаго (потому что о подобныхъ вещахъ хотятъ судить низкимъ разсудкомъ, подобно птицамъ, утратившимъ перья, не возносясь на высоту умопредставленій о Богѣ); то посоветовалъ бы я имъ превратить ученія свои въ противоположныя, такъ чтобы безконечность причислить къ сущности, безначальность же почитать менѣе уважительною, нежели безконечность, воснисуя первенство будущему, исполненному надеждъ, а не прошедшему и тому, чѣмъ уже воспользовались. Ибо (говорю же это для малыхъ душами, произвольно низводя слово до дѣтскаго разумѣнія) такъ какъ прошедшая часть жизни прожившими оную вмѣняется ни во что, и все попеченіе у живущихъ обращено на будущее и ожидаемое, то безконечность должна быть досточестнѣе безначальности; потому что безсмертное стремится къ будущему и ожидаемому. Поэтому или умопредставленія еретиковъ объ ествѣ Божіемъ пусть будутъ боголѣпны и возвышенны, или, если о подобномъ сему судятъ они человѣческимъ разсудкомъ, то будущее пусть будетъ для нихъ досточестнѣе прошедшаго, и имъ пусть опре-

дѣляютъ Божию сущность. Ибо все прошедшее съ истеченіемъ времени уже исчезаетъ; а ожидаемое осуществляется надеждою.

Но хотя это смѣшное и дѣтское предлагаю вамъ, какъ дѣтямъ, которыя сидятъ и забавляются на площади (ибо кто всмотрится въ низость и оземленѣлость еретическихъ ученій, тому невозможно, конечно, не перенестись мыслию въ какую нибудь дѣтскую игру), однакоже утверждаю, что хорошо будетъ присокупить къ слову и это; значеніе слова: вѣчный, по сказанному выше, воспоминается тѣмъ и другимъ, отчужденіемъ какъ начала, такъ и конца. Если сущность Божию ограничатъ однимъ; то половиннымъ и усѣченнымъ окажется у нихъ понятіе сущности, заключаемое въ одно безначальное, но не имѣющее въ себѣ безконечнаго по сущности. Если же, соединивъ то и другое, изъ того и другаго составить понятіе сущности, то увидимъ опять открывающуюся при семъ несообразность въ словѣ. Ибо найдетъся, что понятіе сіе у нихъ не согласуется не только съ понятіемъ объ Единородномъ, но и само съ собою. Рѣчь же ясна, и не имѣетъ нужды въ большой разборчивости. Ибо понятія пачала и конца одно другому противоположны, и означаемое тѣмъ и другимъ различно, какъ имѣетъ сіе мѣсто и въ прочихъ предметахъ, прямо другъ другу противоположныхъ, и между которыми нѣтъ

ничего средняго. Спрошенный о началѣ, что оно такое, не отвѣтитъ на сіе опредѣленіемъ конца, а въ противоположность тому приведетъ опредѣленное понятіе начала. Посему и противоположное каждому изъ сихъ понятій, въ равной противоположенію мѣрѣ, сдѣлается одно съ другимъ различно; и иное нѣчто будетъ признано безначальнымъ, именно же, что противопологается являющемуся съ началомъ, и иное нѣчто—безконечнымъ, именно же, что не допускаетъ конца. Потому, если сущности Божіей припишутъ, соединивъ вмѣстѣ два сіи понятія, разумѣю безконечность и безначальность, то Бога своего представятъ стеченіемъ двухъ нѣкихъ противоположныхъ и несогласныхъ качествъ. Ибо противоположность конца началу самъ собою обнаруживаетъ смыслъ противопологаемый каждому изъ нихъ. Вещи противныя противопологаемымъ, безъ сомнѣнія, и сами взаимно одна другой противны. Справедливо же положеніе, что всѣ вещи, противопоставляемыя другимъ, по естеству между собою противнымъ, и сами взаимно одна другой противны; какъ можно видѣть изъ примѣровъ. Огню противопоставлена вода. Поэтому и силы для нихъ истребительныя будутъ одна другой сопротивляться. Ибо если къ угашенію огня служитъ влажность, а къ истребленію воды — сухость; то сопротивление воды огню сохраняютъ въ себѣ и про-

тивополагаемая имъ качества, какъ влажность признается сопротивною сухости. Такъ послѣнку и начало и конецъ противоположны между собою, то и тивополагаемая имъ именования, разумѣю безначальность и безконечность, по понятію состоятъ во взаимной борьбѣ. И такъ, если по опредѣленію еретиковъ, которое либо одно изъ сихъ наименованій указываетъ на сущность (ибо возвращаюсь къ прежней рѣчи); то въ такомъ случаѣ они свидѣлствуютъ, что бытіе Богу принадлежитъ только въ половину, утверждая, что сущность Его ограничивается одною безначальностію, и не простирая оной даже до безконечности. Если же то и другое внеся въ понятіе сущности, не иное что сдѣлаютъ, какъ сложать ее изъ противоположностей; то, по сказанному выше, противоположностію конца съ началомъ покажутъ, что сущность раздѣлена безконечностію и безначальностію. И въ такомъ случаѣ Богъ у нихъ окажется чѣмъ-то разнообразнымъ, сложнымъ, составленнымъ изъ какихъ-то противоположностей.

Но нѣтъ и не будетъ такого ученія въ церкви Божіей, по которому бы утверждалось, что простой и несложный не только многовиденъ и разнообразенъ, но даже составленъ изъ противоположностей. Ибо простота догматовъ истины, уча тому, что такое Богъ, предполагаетъ, что не можетъ Онъ быть

объемлемъ ни именованіемъ, ни помышленіемъ, ни иною какою постигающею силою ума; пребываетъ выше не только человѣческаго, но и ангельскаго и всякаго премірнаго, постиженія, неизглаголанъ, неизреченъ, превъше всякаго означенія словами, имѣетъ одно имя, служащее къ познанію Его собственнаго естества, именно, что Онъ одинъ *паче всякаго имене* (Филип. 2, 9.), которое даровано и Единородному, потому что все то принадлежитъ Сыну, *елика имать Отецъ* (Іоан. 16, 15.). А что реченія сін, разумѣю нерожденность и безконечность, означаютъ вѣчность, а не сущность Божію, сіе псовѣдуетъ ученіе благочестія; и нерожденность показываетъ, что выше Бога нѣтъ ни начала какого, ни причины какой, а безконечность означаетъ, что царство Его не ограничится никакимъ предѣломъ. Ибо пророкъ говоритъ: *Ты тойжде еси, и льта Твоя не оскудѣютъ* (Иса. 101, 28.),—словомъ: *еси* означая, что не отъ причины какой произошло сіе бытіе, а слѣдующею рѣчью показывая непрекращающееся и безконечное блаженство жизни.

Но, можетъ быть, нный даже и изъ числа благоговѣйныхъ, остановившись на томъ, что изслѣдовано нами о вѣчномъ, скажетъ: въ слѣдствіе сказаннаго ученію объ Единородномъ трудно не встрѣтить себѣ преткновенія. Изъ двухъ различно представляющихся догматовъ

необходимо согласиться съ однимъ. Ибо или будемъ доказывать, что и Сынъ нерожденъ, что нелѣпо; или не уступимъ Ему и вѣчности, что свойственно богохульствующимъ. Если вѣчность познается по безначальности и безконечности; то по всей необходимости будемъ или нечестовать, не признавая вѣчности Сына, или въ мнѣніяхъ объ Единородномъ увлекаться въ предположеніе нерожденности. Посему что же сдѣлаемъ? Если призракъ какой времени предпоставитъ вностази Единороднаго, кто Отца умопредставляетъ прежде Сына только какъ причину: то понятіемъ о вѣчности Сына можетъ у насъ подвергнуто быть опасности понятіе о Сынѣ. Нынѣ сіе, что *никогда* не будетъ, равно и одинаково не признается въ предвѣчномъ ествѣ и о жизни Отца, и о жизни Единороднаго, и объ исповѣданіи Святаго Духа. Ибо гдѣ нѣтъ времени, тамъ исключается вмѣстѣ и *никогда*. Если же Сынъ, умопредставляющійся вмѣстѣ съ мыслию объ Отцѣ, всегда постигается сущимъ въ бытіи; что страшнаго свидѣтельствовать о вѣчности Единороднаго, не имѣющаго ни начала дней, ни конца жизни. Ибо какъ отъ свѣта свѣтъ, отъ жизни жизнь, отъ блага благій, премудрый, правдивый и сильный, а также и все иное, отъ подобнаго подобный, такъ и отъ вѣчнаго непремѣнно вѣчный.

Но любитель противорѣчій и споровъ хватается за это слово, и говоритъ: эта связь рѣчи заставляетъ предположить, что и отъ нерожденного нерожденный. Впрочемъ пусть отрезвится сердцемъ и твердо стоитъ въ собственномъ своемъ словѣ этотъ возражающій. Признавая, что Единородный отъ Отца, отдалилъ онъ и мысль о нерожденности. И никакого нѣтъ страха, будто бы одного и того же называетъ и вѣчнымъ и не нерожденнымъ; потому что никакимъ промежуткомъ времени не ограничивается бытіе Сына, напротивъ того и прежде вѣковъ и послѣ нихъ безпредѣльность Его жизни лѣтся всюду, и въ собственномъ смыслѣ Сынъ именуется вѣчнымъ. И потому что опять, будучи и называясь Сыномъ, совокупно съ Собою даетъ умопредставлять и Отца, симъ самымъ избѣгаетъ возможности подать о Себѣ мысль, будто бы существуетъ нерожденно, всегда существуя вмѣстѣ съ сущимъ всегда Отцемъ, какъ изрекло и богодухновенное слово нашего учителя: «рожденно будучи соединенъ съ нерожденностію Отца» (м). Тоже у насъ ученіе и о Святомъ Духѣ, имѣющее разность въ одномъ только порядкѣ. Ибо какъ Сынъ соединяется съ Отцемъ, и отъ Него имѣя бытіе, не позднѣе Его по началу бытія, такъ опять и Духъ

(м) Твореній св. отцевъ Т. 7. стр. 89.

Святый относится къ Единородному, Который только мысленно, относительно къ причинѣ (и), умопредставляется прежде въпостаси Духа. Временнымъ же продолженіямъ нѣтъ мѣста въ предвѣчной жизни, такъ что, за исключеніемъ понятія причины, ничего несогласнаго съ собою не имѣетъ Святая Троица; Ей подобаеть слава!

(и) То есть, къ Отцу.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

1.) Вторая книга излагаетъ ученіе о воплощеніи Бога Слова и о вѣрѣ, преданной Господомъ ученикамъ, и сказуетъ, что еретики, извращающіе сію вѣру и измыслившіе иныя имена, ведутъ начало отъ отца своего діавола.

2.) Потомъ пространно изъясняетъ ученіе о вѣчномъ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ.

3.) Послѣ сего объясняетъ не поименованное имя Святыя Троицы, взаимное между собою отношеніе Лицъ, а также недовѣдомость сущности, снисхожденіе къ намъ Бога-Слова, Его рожденіе отъ Дѣвы, второе пришествіе, воскресеніе изъ мертвыхъ, и воздаяніе.

4.) Послѣ этого весьма разумно обличаетъ пустое и хульное изложеніе Евноміева мнѣнія о сущемъ.

5.) Потомъ чуднымъ образомъ низлагаетъ неудобовразумительность Евноміевыхъ разсужденій о томъ, что сущность Отца неможетъ ни отдѣляться, ни дѣлиться, ни дѣлаться чѣмъ либо инымъ.

6.) Послѣ сего доказываетъ единство Сына со Отцемъ, и также Евноміево незнаніе Писаній и незнакомство съ оными.

7.) При семъ доказываетъ, что Единородный не отъ Отца только, но и отъ Дѣвы Духомъ Святымъ рожденный безстрастно, не раздѣлилъ сущности. Да и человѣческое естество раждаемое съ раждающими не дѣлится или отъ нихъ не отдѣляется; какъ весьма умно доказано сіе Адамомъ и Авраамомъ.

8.) Въ слѣдъ за симъ излагаетъ весьма приличное истолкованіе слова: единородный и слова: первородный, четырекратно употребленнаго пастолемъ (Римл. 8, 29. Кол. 1, 15. Кол. 1, 18. Евр. 1, 6.).

8.) Потомъ еще разобравъ выраженія: рожденіе Единороднаго, также иныя разныя вещественныя и невещественныя рожденія, боголѣпно доказываетъ, что Сынъ есть сіяніе славы, а не тварь.

10.) Потомъ различно изслѣдовавъ, прекрасно истолковалъ изреченіе: *Господь созда мя* (Прит. 8, 22.) и слово о началѣ Сына, также обманъ, сокрытый въ словахъ Евноміе-

выхъ, и изреченіе, въ которомъ сказано: *славы Моя иному не далъ* (Иса. 42, 8.).

11.) Потомъ, объяснивъ достоинство Вседержителя, вѣчность Единороднаго и изреченіе: *послушливъ бывъ* (Филип. 2, 8.), доказываетъ неразуміе Евномія въ сказанномъ у него, что не за послушаніе получилъ Христосъ то, чтобы Ему быть Сыномъ.

12.) Послѣ сего предлагаетъ прекрасное изъясненіе словъ: *Ходатай, подобный, нерожденный и рожденный*, также объясняетъ реченія: *образъ и печать дѣятельности и дѣлъ Вседержителя*.

13.) Послѣ сего толкуетъ евангельское изреченіе: *Отецъ не судитъ никомуже* (Іоан. 5, 22.). Еще же, сказавъ о человѣкѣ, воспріятомъ на себя Господомъ съ душою и тѣломъ, объясняетъ Адамово преступленіе, смерть и воскресеніе изъ мертвыхъ.

14.) Сверхъ сего излагаетъ мнѣнія, какія о Святомъ Духѣ имѣютъ церковь и Евномій, и доказываетъ, что не три Бога, но одинъ Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ. При семъ излагаетъ разныя степени покорности; и здѣсь показываетъ покорность всѣхъ Сыну, и покорность Сына Отцу.

15.) Потомъ показавъ во многомъ невразумительность Евномія, то утверждающаго, что Духъ Святыи есть тварь и превосходнѣйшее

произведеніе Сына, то исповѣдующаго, что Онъ по дѣйствованіямъ Своимъ есть Богъ, оканчиваетъ симъ книгу.

1.) Христіанская вѣра, всеѣмъ народамъ, по повелѣнію Господа, проповѣданная учениками, *ни отъ чловѣкъъ есть, ни чловѣки, но самимъ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Гал. 1, 1.), Который, будучи Словомъ, и жизнью, и свѣтомъ, и истиною, и Богомъ, и премудростію, и всеѣмъ, что Онъ по естеству, по сему самому наипаче *въ подобіи чловѣчествъ* былъ (Филип. 2, 7.), и причастился естества нашего *по всяческииъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); по подобію же, такъ какъ воспріялъ на Себя цѣлаго чловѣка съ душою и тѣломъ; почему тѣмъ и другимъ совершается наше спасеніе. Онъ *на земли явился, и съ чловѣки поживе* (Вар. 3, 38.), чтобы люди думали впредь о Сущемъ, не своими водясь сужденіями, и по какимъ либо догадкамъ составляющіяся у нихъ понятія обращая въ догматъ, а напротивъ того, убѣдившись, что Богъ истинно явился во плоти, увѣровали мы въ ту одну истинную тайну благочестія, которая предана намъ Самимъ Богомъ Словомъ, глаголавшимъ Своими устами апостоламъ. Ученіе же о превысшемъ Естествѣ, почерпаемое изъ ветхозавѣтныхъ писаній, изъ закона и пророчествъ,

также изъ приточныхъ наставленій, какимъ-то *зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12.), да приедемъ какъ свидѣтельство открытой намъ истины, благочестно постигая смыслъ реченій, какъ согласный съ вѣрою изложенною Владыкою всяческихъ, которую до буквы хранимъ, какъ приняли, чистою и неизмѣнною, крайнею хулою и нечестіемъ признавая даже малое извращеніе преданныхъ реченій. Посему вѣруемъ, какъ Господь изложилъ вѣру ученикамъ, сказавъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.). Вотъ ученіе таинства, которымъ естество наше въ рожденіи свыше преобразуется изъ тлѣннаго въ нетлѣнное, изъ ветхаго человѣка обновляемое во образъ Создавшаго въ началѣ боговидное подобіе. Поелику сія вѣра предана апостоламъ отъ Бога, то не дѣлаемъ въ ней ни сокращенія, ни измѣненія, ни прибавленія, ясно зная, что осмѣливающійся извращать божественное слово злонамѣренными лжеумствованіями есть отъ отца своего діавола, который, оставивъ слова истины, сталъ отцемъ лжи, и *отъ своихъ маволетъ* (Іоан. 8, 44.). Ибо все, что говорится не по истинѣ, безъ сомнѣнія, есть ложь и неправда.

Итакъ поелику ученіе сіе излагается самою Истиною, то, если изобрѣтатели лукавыхъ ересей придумываютъ что либо въ опроверженіи

Гр. Нисск. Ч. V. 18

женіе божественнаго сего слова, какъ напри-
мѣръ Отца именуютъ не Отцемъ, но Созда-
телемъ, творцемъ Сына, а Сына не Сыномъ,
но дѣломъ, тварию и произведеніемъ Отца, и
Святаго Духа не Духомъ, но дѣломъ дѣла, тво-
реніемъ твари, и всѣмъ, что угодно сказать о
Немъ богоборцамъ,—все подобное сему име-
нуемъ отрицаніемъ открытаго намъ въ уче-
ніи семъ Божества и преступленіемъ. Ибо
однажды навсегда научены мы Господомъ, на
что надлежитъ обращать вниманіе мыслію,
Кѣмъ совершается претвореніе естества на-
шего изъ смертнаго въ бессмертное; это есть
Отець и Сынъ и Святой Духъ. Посему утверж-
даемъ, что страшно и нагубно перетолковы-
вать божественныя сіи глаголы и отыскивать
придумываемыя къ ихъ опроверженію, какъ бы
въ исправленіе Бога-Слова, узаконившаго намъ
принимать глаголы сіи съ вѣрою. Ибо каждое
изъ сихъ названій, понимаемое въ свойствен-
номъ ему значеніи, для христіанъ служитъ
правиломъ истины и закономъ благочестія.
Много и другихъ именованій, которыми озна-
чается Божество въ исторіи, въ пророчествѣ
и въ законѣ; Владыка Христосъ, оставивъ
всѣ тѣ имена, какими могъ привести насъ къ
вѣрѣ въ Сущаго, предлагаетъ сіи глаголы,
давая симъ разумѣть, что намъ достаточно
остаться при названіи Отца и Сына и Святаго
Духа для разумѣнія дѣйствительно сущаго,

который одинъ и не одинъ. По понятію сущности Сущій—единъ; почему и Владыка узаконилъ взирать на единое имя; а по отличительнымъ свойствамъ, служащимъ къ знанію вѣстасей, вѣра въ Него дѣлится на вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа, — неотлучно раздѣляемыхъ и неслиянно соединяемыхъ. Ибо, когда услышимъ слово: Отецъ, дадимъ въ себѣ мѣсто той мысли, что имя сіе не только само въ себѣ разумѣется, но означаетъ собою и отношеніе къ Сыну; потому что Отецъ не былъ бы умопредставляемъ отдѣльно Самъ по Себѣ, если бы съ произнесеніемъ слова: Отецъ, не соединялось съ нимъ понятіе о Сынѣ. Посему, познавъ Отца, симъ самымъ словомъ научены мы и вѣрѣ въ Сына. Посему, такъ какъ Божество по естеству, что Оно есть, и какъ Оно есть, таково же точно и всегда: не когда либо стало тѣмъ, что Оно теперь, и не будетъ когда либо чѣмъ-то такимъ, чѣмъ не есть теперь; Отцемъ же наименованъ въ Писаніи истинный Отецъ, а вмѣстѣ съ Отцемъ является и Сынъ; то необходимо вѣруемъ, что, не допуская никакого превращенія или измѣненія въ естествѣ, чѣмъ Онъ теперь, тѣмъ непремѣнно былъ и всегда, или если когда не былъ чѣмъ, то непремѣнно не есть тѣмъ и теперь. Посему, такъ какъ истинное Слово именуется Отцемъ, то всегда непремѣнно и былъ Отцемъ, и есть, и будетъ,

какъ былъ. О Божіемъ и пречистомъ естествѣ не позволительно сказать, что Оно не всегда прекрасно. Ибо если не всегда было тѣмъ, что Оно теперь; то, конечно, превратилось или изъ лучшаго въ худшее, или изъ худшаго въ лучшее. Но равно нечестиво въ этомъ то и другое, что ни будетъ сказано о Божіемъ естествѣ. Божество не допускаетъ превращенія и измѣненія. Все, что есть прекраснаго и добраго, всегда умопредставляется въ источникѣ прекраснаго. Прекраснѣе же и выше всего прекраснаго *Единородный Богъ, сый въ лоно Отчи* (Іоан. 1, 18.). А *Сый въ лоно*—не рожденный ли?

2.) Итакъ доказано этимъ, что Сынъ во Отцѣ, въ Которомъ Онъ отъ вѣчности умопредставляется жизнію, свѣтомъ, истиною, всякимъ добрымъ наименованіемъ, и всякою доброю мыслію; а все сіе таково, что утверждать, будто бы Отецъ существуетъ иногда безъ этого Самъ по Себѣ, есть признакъ крайняго нечестія и вмѣстѣ безумія. Ибо если Сынъ, какъ говоритъ Писаніе, есть сила Божія, премудрость, истина, свѣтъ, святость, миръ, жизнь, и подобное сему; то прежде бытія Сына, которое отрицать угодно еретикамъ, конечно, и сего не было у Отца. А если сего не было, то, безъ сомнѣнія, не имѣющимъ таковыхъ благъ признають Отчее лоно. Посему, чтобы и Отецъ не былъ представляемъ ли-

шеннымъ своихъ благъ, и ученіе не впало въ сію несообразность, по слову Владыки, съ вѣчностію Отца необходимо умопредставляется и вѣра въ Сына. Почему всѣ именованія, употребляемыя для показанія превысшаго естества, отлагаются въ сторону, предлагается же нашей вѣрѣ, какъ всего яснѣе показующее истину, названіе Отца, которое, по сказанному, въ относительномъ смыслѣ показываетъ вмѣстѣ съ собою и Сына. А какъ Сынъ, Который — во Отцѣ, по сказанному въ предыдущихъ словахъ, всегда есть тó, что Онъ есть, потому что Божество по естеству не допускаетъ приращенія до бóльшаго, и внѣ себя не усматриваетъ какого либо инаго блага, по причастіи котораго пріобрѣло бы большее; но всегда одинаковый не отмещетъ того, что имѣетъ, и не пріемлетъ, чего не имѣетъ,—да и не имѣетъ ничего отметнаго, и если что блаженно, пречисто и истинно благо, то непременно уже и окрестъ Его и въ Немъ; необходимо посему видимъ, что не въ слѣдствіе пріобрѣтенія прісущъ Ему Духъ благій и Святой, Духъ правый, владычній, животворящій, содержащій и освящающій всю тварь, Который *вся и во всѣхъ дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.), такъ что невозможно и представить какого либо промежутка между помазанникомъ и помазаніемъ, или между царемъ и царствомъ, или между премудростію и духомъ премудро-

сти, или между истиною и духомъ истины, или между силою и духомъ силы; но какъ во Отцѣ отъ вѣчности умопредставляется Сынъ, Который есть премудрость, и истина, и совѣтъ, и крѣпость, и вѣдѣніе, и разумъ, такъ и въ Сынѣ отъ вѣчности умопредставляется Духъ Святый, Который есть Духъ премудрости, и истины, и совѣта, и разума, и все прочее, чѣмъ есть и именуется Сынъ. Посемуто говоримъ, что соединенно и вмѣстѣ раздѣльно предана святымъ ученикамъ сія тайна благочестія, а именно, что должно вѣровать во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо особенность Упостасей ясною и несліянною дѣласть раздѣльность Лиць. Одно же имя, поставленное въ изложеніи вѣры, ясно объясняетъ намъ единство сущности Лиць, въ Которыя вѣруемъ, разумѣю Отца и Сына и Духа Святаго. Ибо по симъ названіямъ дознаемъ не разность естества, но одни свойства, служащія къ познанію упостасей, по которымъ знаемъ, что Отецъ—не Сынъ, и Сынъ—не Отецъ, или Отецъ или Духъ Святый—не Сынъ; но каждое Лице познается по особой отличительной чертѣ упостаси, въ неопредѣлимомъ совершенствѣ само по себѣ представляемое и не отдѣляемое отъ Лица, съ Нимъ соединеннаго.

3.) Посему что же значить не поименованное имя, о которомъ Господь, сказавъ: *кре-*

стяже ихъ во имя, не присовокупилъ того самаго слова, которымъ бы показывалось значеніе имени? Мы имѣемъ о немъ слѣдующее понятіе: все, существующее въ твари, постигается по значенію именъ. Кто скажетъ: небо, тотъ разумѣніе слышащаго приводитъ къ твари, симъ именемъ означаемой; и о человѣкѣ или какомъ либо живомъ существѣ упомянувшій по имени, немедленно въ слышащемъ отпечатлѣваетъ образъ существа; а также и все прочее приданнымъ вещи именемъ живописуется въ серцѣ того, кто посредствомъ слуха принялъ въ себя названіе, какое имѣетъ вещь. Но одно несозданное естество, въ которое вѣруемъ во Отца и Сына и Духа Святого, выше всякаго въ имени заключеннаго значенія. Посему-то Слово, когда научило вѣрѣ, изрекши имя, не присовокупило, какое это имя. Да и какъ нашлось бы имя тому, что выше всякаго имени? Но намъ предоставлена власть, сколько достанетъ силъ у нашего благочестно подвигнутаго разумѣнія найти какое-либо имя, указующее на превысшее естество, и одинаково приложить оное къ Отцу и Сыну и Святому Духу, будетъ ли симъ именемъ благій, или нетлѣнный, что только признаетъ каждый достойнымъ того, чтобы взять оное для указанія пречистаго естества. И симъ изложеніемъ, кажется мнѣ, законополагаетъ Слово, что должно намъ убѣдиться въ неизреченности и

непостижимости Божіей сущности. Ибо ясно, что названіе: Отець не сущность выражаетъ, но означаетъ отношеніе къ Сыну. Посему, если бы можно было чѣловѣческому естеству познать сущность Божію; то, *Иже всѣмъ чело-вѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4.), не умолчалъ бы о вѣдѣніи сего. Теперь же тѣмъ самымъ, что не сказалъ ничего о сущности, показываетъ, что вѣдѣніе оной невозможно; но дознавъ, что вмѣстимо для насъ, не имѣемъ нужды въ невмѣстимомъ, достаточною для спасенія своего имѣя вѣру въ преданное ученіе. Ибо совершеннѣйшее ученіе благочестія дознать, что Онъ есть дѣйствительно Сущій, — Тотъ, въ Комъ по относительному понятію открывается величіе Сына, — Сына, Который, какъ сказано, въ единеніи съ Собою показываетъ Духа жизни и истиннаго; потому что Самъ есть и жизнь и истина.

Представивъ сіе въ такой раздѣльности, и предавая анаемѣ всякое еретическое предположеніе въ божественныхъ догматахъ, вѣруемъ, какъ научены Словомъ Господнимъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, исповѣдуя съ сею вѣрою и домостройство, совершенное въ родѣ челоуѣческомъ Владыкою твари, *Иже во образъ Божіи сый, не восхитеніемъ нещеча быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 6. 7.);

и воплотившись во святой Дѣвѣ, искупилъ насъ отъ смерти, которую *держали бѣхомъ*, проданные подъ грѣхъ (Римл. 7, 6. 14.), въ замѣнъ на искупленіе душъ нашихъ давъ драгоценную кровь Свою, которую излилъ, претерпѣвъ крестъ, и самимъ Собою проложивъ намъ путь къ воскресенію изъ мертвыхъ. Ибо въ свое время во славу Отца придетъ судить всякую душу по правдѣ, когда *все сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Его, и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота: а сотворшии злая, въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 28. 29.). Почему, чтобы еретическое разногласіе, разсѣваемое нынѣ Евноміемъ, кѣмъ либо изъ людей простыхъ будучи принято безъ разслѣдованія, не повредило въ немъ чистоты вѣры, по необходимости предложивъ здѣсь распространяемое еретиками изложеніе, попытаемся обличить негодность ихъ ученія.

4.) Ученіе ихъ читается такъ: «вѣруемъ во единого и единственного истиннаго Бога, по ученію самаго Господа, не лживымъ словомъ чувствуя Его; потому что Онъ не лживъ, но какъ дѣйствительно по естеству и по славу сущаго единого Бога, безначально, вѣчно, бесконечно единственного». Кто обѣщалъ вѣровать по ученію Господа, тотъ изложенія вѣры, сдѣланнаго Владыкою всяческихъ, да не извращаетъ въ другое, ему самому угодное, но да послѣдуетъ глаголамъ истины. По-

сему, когда тамъ ученіе вѣры содержитъ въ себѣ имя Отца и Сына и Святаго Духа, какое согласіе съ глаголами Владыки имѣетъ сочиненное нынѣ, такъ чтобы съ ихъ ученіемъ сравнивать такой догматъ? Гдѣ въ Евангеліяхъ сказалъ Господь, что должно вѣровать въ одного и единственнаго истиннаго Бога? Не указать имъ сего, развѣ есть у нихъ какое либо новое Евангеліе. Ибо какія издревле и до нынѣ по преемству читаются въ церквахъ, въ тѣхъ нѣтъ сего изреченія, въ которомъ говорится, что должно вѣровать или крестить въ единого и единственнаго истиннаго Бога, какъ говорятъ еретики; а напротивъ того говорится: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Мы же, какъ научены Владычнымъ словомъ, утверждаемъ, что слово: единый не Отца только означаетъ, но вмѣстѣ съ Отцемъ показываетъ и Сына; потому что Господь сказалъ такъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.). Подобно сему и имя: Божество одинаково придается и началу, въ которомъ Слово, и Слово существу въ началѣ; ибо Господь сказалъ: *и Слово бже къ Богу, и Богъ бже Слово* (Іоан. 1. 1.); такъ что въ означаемомъ именемъ: Божество, вмѣстѣ съ Отцемъ одинаково умопредставляется и Сынъ. Сверхъ же сего и слово: истинный не можетъ быть разумѣемо о чемъ либо иномъ кромѣ истины. А что Господь—истина, никто, безъ сомнѣнія, не будетъ сему противорѣчить,

если не чуждъ онъ истины. Посему, если Слово въ единомъ: и Оно есть Богъ и истина, какъ проповѣдуется въ Евангеліяхъ; то съ какимъ ученіемъ Господа можетъ быть сравненъ догматъ употребившимъ эти отличительныя реченія? Ибо отличеніе единственнаго отъ не единственнаго есть тоже, что и отличеніе Бога отъ не Бога, и истиннаго отъ не истиннаго. Посему, если, имѣя въ виду идоловъ, въ отношеніи къ нимъ дѣлаютъ сіе раздѣленіе реченій, то съ этимъ согласны и мы; потому что имя: Божество по одноименности дается и языческимъ идоламъ. Ибо *все бози языкъ бжсове* (Иса. 95, 5.). И еще Писаніе отличаетъ единственнаго отъ множества, и истиннаго отъ ложнаго, и не сущихъ боговъ отъ сущаго Бога. Если же дѣлается отличеніе отъ Единороднаго Бога, то пусть знаютъ мудрецы, что истина имѣетъ отличіе отъ одной только лжи, и Богъ отличенъ отъ не сущаго Бога. А въ догматѣ о Господѣ, Который есть истина сущаго Бога, сущемъ во Отцѣ и сущемъ едино со Отцемъ, отличительныя сіи реченія не имѣютъ мѣста. Ибо дѣйствительно вѣрующій во Единого во Единомъ видитъ и соединеннаго съ Нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, истиною, Божествомъ, сущностію, жизнію, премудростію, однимъ словомъ, всѣмъ. Или, если не видитъ во Единомъ Того, Кто есть все сіе; то вѣра его ни во что; потому

что Отецъ безъ Сына не Отецъ, и не называется Отцемъ, какъ и безъ силы не силенъ, и безъ премудрости не премудръ; ибо Христосъ — *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Посему внѣ силы, или истины, или премудрости, или жизни, или истиннаго свѣта мечтающій видѣть или ничего не видѣть, или непременно видѣть зло. Ибо отъятіе благъ дѣлается положеніемъ и осуществленіемъ зла. «Не лживымъ словомъ чествуя Его, потому что Онъ не лживъ», говоритъ Евномій. Симъ-то словомъ умоляю его пребывать свидѣтельствующимъ объ Истинѣ, что Она не лжива.

Ибо если будетъ держаться такого образа мыслей, что все, сказуемое Господомъ, далеко отъ лжи; то убѣдится, конечно, что истинствуетъ Сказавшій: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11.), безъ сомнѣнія же, цѣлый въ цѣломъ; такъ что ни Отецъ, въ Сынѣ, не имѣетъ избытка, ни Сынъ, во Отцѣ, не умаляется; и Сыну такъ надлежитъ быть чтимымъ, *якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 23.). Истинствуетъ Сказавшій: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.), и что *никтоже видѣлъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27.). Слѣдствіе всего этого принявшими изреченія сіи, какъ истинныя, не предполагается никакого различія у Отца и Сына ни въ славѣ, ни въ сущности, ни въ чемъ либо

иномъ. «Дѣйствительно по естеству и по сла-
вѣ сущаго единачо Бога», говоритъ Евномій. Дѣйствительно сущее отличается отъ не дѣй-
ствительно сущаго. Дѣйствительно же сущимъ
есть каждое изъ существъ, поколику оно су-
ществуетъ. А чтò, хотя въ какомъ-то призракѣ
и предположеніи кажется имѣющимъ бытіе,
однакоже не имѣетъ, то не существуетъ дѣй-
ствительно, какъ напримѣръ сонная греза,
привидѣніе, или челоуѣкъ изображенный на
картинѣ. Сіи и подобныя симъ призрачныя
существа не имѣютъ дѣйствительнаго бытія.
Посему, если утверждаютъ, согласно съ іудей-
скимъ понятіемъ, что Единородный Богъ во-
все не существуетъ; то хорошо дѣлаютъ, объ
одномъ Отцѣ свидѣтельствуя, что Ему только
дѣйствительно принадлежитъ бытіе. Но если
не отрицаютъ, что существуетъ и Творецъ
вселенной, то пусть убѣдятся дѣйствительнаго
бытія не лишать сего Сущаго, Который при
богоявленіи, бывшемъ Моисею, Самъ Себя
наименовалъ сущимъ, сказавъ: *Азѣ есмь Сый*
(Исх. 3, 14.); какъ Евномій соглашается съ
симъ въ слѣдующихъ словахъ, говоря, что Онъ
есть явившійся Моисею. Потомъ называетъ
Отца «по естеству и по славѣ единымъ Бо-
гомъ». Посему, если возможно, чтобы былъ
Богъ, не будучи Богомъ по естеству; то
пусть и вѣдаетъ Его утверждающій это. А
если не—Богъ, Кто не Богъ по естеству, то

пусть дознають отъ великаго Павла, что служащіе *не по естеству сущимъ богомъ* не Богу служатъ (Гал. 4, 8.). Мы же, какъ говоритъ апостоль, *работаемъ Богу живу и истинну* (1 Сол. 1, 9.); Тотъ, Кому служимъ, есть Иисусъ Христосъ. Ибо служеніемъ Ему хвалился и апостоль Павелъ, говоря: *Павелъ рабъ Иисусъ Христовъ* (Римл. 1, 1.). Посему мы, не служащіе уже не сущимъ по естеству богамъ, познали сущаго по естеству Бога, Которому *всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10.). Но не служили бы, если бы не увѣровали, что Онъ есть живой и истинный Богъ, о Которомъ *всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ въ славу Бога Отца* (11.).

Бога единаго, говоритъ Евномій, безначально, вѣчно, бесконечно единственнаго. Еще *уразумѣйте незлобиви коварство*, говоритъ Соломонъ (Притч. 8, 5.), чтобы не обольститься вамъ нѣкогда, и не впасть въ отрицаніе Божества Единороднаго. Не допускающее до себя смерти и тлѣнія бесконечно. А также и вѣчнымъ называется не временное. Посему, что не вѣчно, и не бесконечно, то умопредставляется непременно въ естествѣ тлѣнномъ и временномъ. Поэтому кто бесконечность усвоетъ единому и единственному Богу, значенія же бесконечности и вѣчности не распространяетъ и на Сына; тотъ подобнымъ

сему оборотомъ рѣчи доказываетъ, что Сынъ, отличаемый отъ вѣчнаго и безконечнаго, тѣнень и временень. Но мы, когда услышимъ, что Богъ *единъ имѣетъ безсмертіе* (1 Тим. 6, 16.), подъ безсмертіемъ разумѣемъ Сына, потому что жизнь есть безсмертіе. И когда говорится, что Богъ *во свѣтъ живетъ неприступнѣмъ*, опять подъ истиннымъ свѣтомъ, который не доступенъ лжи, не сомнѣваемся разумѣть Единороднаго, въ Которомъ Отець, какъ дознали мы отъ самой Истины. Слушатель же пусть самъ изберетъ изъ сего, что болѣе благочестиво, — по сказанному ли теперь боголѣпно славословить Единороднаго, или утверждать, что Онъ тѣнень и временень, какъ толкуетъ ересь. «Что до сущности, по которой Богъ единъ, нераздѣляемаго на многихъ, продолжаетъ Евномій, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какій имѣетъ, и изъ одной сущности не преобразующагося въ троякую вностасть. Ибо по всему и на всегда есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Но въ сей предложенной здѣсь рѣчи разумному слушателю надлежитъ сперва пустыя реченія, внесенныя въ рѣчь безъ смысла, отличить отъ тѣхъ, которыя кажутся имѣющими смыслъ, а послѣ сего разсмотрѣть смыслъ сказаннаго, открывающійся въ остальномъ, согласенъ ли онъ съ благочестивою мыслію о Христѣ.

5.) И такъ первая часть предложеннаго вполнѣ далека отъ всякаго и хорошаго и дурнаго смысла. Ибо какой смыслъ въ этомъ: «но что до сущности, по которой Богъ единъ, не раздѣляемаго на многихъ, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какой имѣетъ»? И самъ Евномій не скажетъ, а думаю, и никто изъ поборниковъ его не будетъ въ состояніи найти въ сказанномъ хотя тѣнь какаго смысла. «Что до сущности, по которой единъ, нераздѣляемаго». Говоритъ ли, что Самъ не отдѣляется отъ своей сущности, или утверждаетъ, что сущность Имъ не дѣлится; эта не имѣющая значенія рѣчь есть какой-то шумъ и пустой напрасно поднятый звонъ. И какая надобность останавливаться на изслѣдованіи сихъ невразумительныхъ реченій? Ибо, кто бы то ни было, какъ останется въ бытіи, отдѣлившись отъ своей сущности? Или какъ чья либо сущность, раздѣлившись, показуется сама къ себѣ? Или какъ возможно исшедшему изъ того, въ чемъ существуетъ, сдѣлаться инымъ, ставъ внѣ себя самаго? Но «изъ одной сущности не преобразующагося въ три впостаси», говоритъ Евномій. «Ибо по всему и на всегда совершенно есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Невразумительное въ сказанномъ явно, думаю, всякому и прежде нашихъ замѣчаній. Но пусть

возражаетъ на нихъ, кто думаетъ, что въ предлагаемомъ есть какая нибудь мысль, или какой либо смыслъ. Ибо положившій основательно судить о силѣ рѣчи не удостоитъ и заняться тѣмъ, что несостоятельно. Да и какую силу противъ нашего догмата имѣеть сказанное: «что до сущности, по которой Онъ единъ, не раздѣляемаго, или нераздробляемаго на многихъ, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какой имѣеть, и изъ одной сущности не преобразующагося въ три ипостаси»? Такъ у христіанъ не говорятъ и не вѣруютъ, и на мысль не придетъ сего въ слѣдствіе исповѣдуемаго нами. Ибо кто когда сказалъ, или слышалъ сказавшаго, въ церкви Божіей, что Отецъ или отдѣляетъ или дѣлитъ сущность, или иначе дѣлается инымъ, выходя самъ изъ Себя, или преобразуется въ три ипостаси? Евномій говоритъ это самъ съ собою, не съ нами препираясь, но соплетая собственные свои бредни, и къ нечестію примѣшавъ въ сказанномъ великое неразуміе. Ибо равно нечестивымъ и безбожнымъ называемъ, какъ Владыку твари признавать сотвореннымъ, такъ думать, что Отецъ, поколику Онъ Отецъ, дѣлится, или разсѣкается, или Самъ изъ Себя выходитъ, или въ три ипостаси преобразуется, какъ глина какая или воскъ, принимая на Себя разные образы.

Но рассмотримъ слѣдующія за симъ слова. «Ибо по всему и навсегда есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Если говорить объ Отцѣ, то согласны съ этимъ и мы. Ибо Отецъ, какъ и дѣйствительно, единъ, единственный во всемъ и навсегда, тоже самое въ той же мѣрѣ и одинаково имѣеть; и не есть иногда то, чѣмъ дотолѣ не былъ, и впредь не будетъ. Посему, если къ Отцу относится подобная рѣчь, то Евномій пусть не препирается съ догматомъ благочестія, согласуясь съ церковію въ этой части. Ибо кто исповѣдуетъ, что Отецъ всегда одинаковъ, единъ и единственъ, тотъ подтверждаетъ ученіе благочестія, во Отцѣ видя Сына, безъ Котораго Отецъ не Отецъ, и не именуется Отцемъ. Если же творитъ инаго какого Бога, кромѣ Отца, то пусть имѣеть дѣло съ іудеями, или съ такъ называемыми уписистіанами, у которыхъ разность съ христіанами въ томъ, что исповѣдуютъ они какого-то Бога, котораго именуютъ высочайшимъ (*ὑψιστον*), или вседержителемъ, но не признаютъ Его Отцемъ. Христіанинъ же, если не вѣруетъ въ Отца, уже не христіанинъ.

6.) Но что Евномій присовокупляетъ въ слѣдъ за симъ, состоитъ въ слѣдующемъ. «Богъ, говоритъ онъ, не имѣеть сообщника въ Божествѣ, соучастника въ славѣ, сонска-теля власти, сопрестольника въ царствѣ; по-

тому что Онъ единъ и единственный Богъ Вседержитель, Богъ боговъ, Царь царствующихъ, Господь господствующихъ». Не знаю, кого имѣя въ виду, свидѣтельствуешь Евномій, что Отецъ не допускаетъ до общенія съ Собою въ Божествѣ. Если ведетъ такую рѣчь противъ суетныхъ идоловъ и противъ погрѣшительнаго мнѣнія идолослужителей, какъ и Павелъ взываетъ, что нѣтъ *согласія Христови съ Веліаромъ, ни сложенія церкви Божіей со идолы* (2 Кор. 6, 15. 16.); то согласны съ нимъ и мы. Если же въ сказанныхъ словахъ Единороднаго Бога отлучаетъ отъ Отцаго Божества, то пусть знаетъ, что дилемма ему самому готовить обвиненіе въ его нечестіи. Ибо или совершенно отрицаетъ, что Единородный Божій есть Богъ, чтобы сохранить Отцу несообщимость въ Божествѣ съ Сыномъ, и этимъ изобличаетъ себя, что онъ отступникъ, отрицающійся Бога христіанскаго; или если согласится, что Онъ есть Богъ, по естеству не сходный съ истиннымъ Богомъ, то по всей необходимости признается, что чтитъ боговъ, по разности естествъ между собою раздѣльныхъ. Пусть изберетъ изъ сего, что угодно ему, — или отрицаетъ Божество Сына, или вводитъ въ ученіе многихъ боговъ; но что ни изберетъ изъ сего, равно это нечестиво. А мы, тайноводствуемые богодухновенными словесами Писанія, въ Отцѣ и Сынѣ

видимъ не общеніе, но единство Божества; чему собственнымъ словомъ Своимъ научилъ Владыка, когда сказалъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.), и: *видѣмый Мене, видѣ Отца* (14, 9.). Ибо если бы не былъ тогоже естества, то какъ или имѣлъ бы въ Себѣ чуждое, или показывалъ бы на Себѣ не подобное, когда естество стороннее и чуждое не приѣмлетъ отличительной черты инороднаго? Но Евномій говоритъ, что Богъ «не имѣетъ соучастника въ славѣ». А то, какъ имѣетъ, сказываетъ, хотя и не знаетъ, что говоритъ. Ибо Сынъ не дѣлитъ славы съ Отцемъ, но имѣетъ всю славу Отца, какъ и Отецъ имѣетъ всю славу Сына. Онъ такъ говоритъ Отцу: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (Іоан. 17, 10.). Почему говоритъ еще, что *во славу Отца* явится и во время суда, когда *воздастъ каждому по дѣланіемъ его* (Матѣ. 16. 27.). А сими словами показывается единеніе естества. Ибо какъ *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ* (1 Кор. 15, 41), потому что нѣтъ сходства въ естественныхъ свойствахъ составныхъ частей ихъ, а если бы слава обоихъ была одна и таже; то не полагалось бы никакой разности въ ихъ природѣ: такъ предрекшій о Себѣ, что явится во славѣ Отца, тождествомъ славы показалъ общность естества.

А утверждать, что Сынъ не сопрестоленъ съ Отцемъ на царствѣ, служитъ свидѣтель-

ствомъ великой внимательности къ божественнымъ словамъ въ Евноміѣ, который, чрезъ мѣру углубившись въ богодухновенныя Писанія, не слыхалъ еще сказаннаго: *горная мудрствуйте, идльже есть Христосъ одесную Отца сядя* (Колос. 3, 1. 2.), и: *одесную престола Божія сядь* (Евр. 12, 2.), и другихъ подобныхъ симъ мѣсть, множество которыхъ не легко перечислить, и которыхъ не зная еще, Евномій воспрещаетъ Сыну быть сопрестольникомъ Отцевымъ. Выраженіе же: *соискатель власти* лучше преидти молчаніемъ, какъ неразумное, нежели изобличать, какъ нечестивое. Ибо какій смыслъ имѣеть реченіе: *соискатель* (*συχλήρος*), не возможно и найти изъ общаго словоупотребленія. Объ одеждѣ Господней мещуть *жребій* (*κλήρον*), какъ говоритъ Писаніе (Іоан. 19, 23. 24.), не захотѣвшіе раздирать хитонъ Владычній, но пожелавшіе сдѣлать оный достояніемъ одного изъ нихъ, кому подарить жребій. Посему мещущіе между собою жребій о хитонѣ всѣ равно могутъ быть названы соискателями (*συχλήροι*). Здѣсь же идетъ рѣчь объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, и власть ихъ въ естествѣ. Ибо *Духъ Святый, идльже хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.), *вся и во всѣхъ дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 6. 11.); и Сынъ, Которымъ приведены въ бытіе *всяческая, видимая и невидимая, яже на небеси, и яже на земли* (Кол. 1.

16.), *вся елика восхотѣ сотвори* (Пс. 113, 11.), *и ихже хоцетѣ живитѣ* (Іоан. 15, 21.); и Отець во Своей власти положи времена (Дѣян. 1. 7.), съ временами же и все происшедшее во времени признаемъ подвластнымъ Отцу. Итакъ если, по замѣченному, доказано, что творить, что хотять Отець и Сынъ и Святый Духъ, въ ихъ власти; то какій смыслъ имѣеть выраженіе: соискатель власти? Не возможно усмотрѣть это. Ибо *наслѣдникъ вселѣ* (Евр. 1, 2.), Создатель вѣковъ, со Отцемъ сіяющей славою Его, изображающей въ Себѣ упостась Отца, имѣеть все, что имѣеть Самъ Отець, и есть Господь всякой власти; между тѣмъ какъ достоинство не переносится съ Отца на Сына, но остается у одного, и есть у другаго. Ибо сущій во Отцѣ, безъ сомнѣнія, въ Немъ со всею Своею силою; и имѣющий въ Себѣ Отца объемлетъ въ Себѣ всю Отчую власть и силу; потому что имѣеть въ Себѣ всецѣлаго Отца, а не часть Его; а имѣя всецѣлаго Отца, безъ сомнѣнія, имѣеть и власть Его. Посему, что разумѣя Евномій утверждаетъ, что Отець не имѣеть соискателя власти? Скажутъ это, можетъ быть, ученики его суетности. Ибо умѣющий понимать слова признается, что не въ состояніи выразумѣть сказанное безъ смысла. Евномій говоритъ, что Отець не имѣеть соискателя власти. Но кто либо скажетъ, что Отець и Сынъ спорять между собою о власти,

и рѣшаютъ это жребіемъ: но вотъ священный Евномій, по дружеской снисходительности, вступая между Ними въ посредство, преимущество власти безъ жребія удѣляетъ одному Отцу!

Смотрите, сколько смѣшнаго и ребяческаго въ этомъ не поднимающемся съ земли изложеніи догматовъ. Кто *носитъ всяческая глаголомъ Силы Своея* (Евр. 1, 3.), Кто изъявить о чемъ желаніе, чтобы это произошло, и силою повелѣнія творить, что Ему угодно, у Кого сила сопутственна изволенію, и мѣрою силы служить воля Его; ибо сказано: *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пс. 148, 5.), Кто самъ Собою создалъ, и въ себѣ Самомъ осуществилъ все, безъ Кого ни одно существо не приходило въ бытіе, и не пребываетъ въ бытіи; ужели Тотъ отъ какаго либо жребія ожидаетъ, чтобы возымѣтъ Ему власть? Судите, слышащіе, состоятеленъ ли у того умъ, кто утверждаетъ это? Единый и единственный есть Богъ вседержитель, говоритъ онъ. Посему, если именованіемъ: вседержитель указываетъ на Отца, то наше, а не чужое, излагаетъ ученіе. Если же кромѣ Отца инаго какаго разумѣетъ вседержителя, то пусть, если угодно, и обрѣзаніе проповѣдуетъ этотъ поборникъ іудейскихъ догматовъ. Ибо вѣра христіанская имѣетъ предъ очами Отца. Отецъ же есть все: Всевышній, Вседержитель, Царь

царствующихъ, Господь господствующихъ, и все, что близко къ высокому значенію, принадлежитъ собственно Отцу. А что принадлежитъ Отцу, все то принадлежитъ и Сыну; такъ что, если дѣйствительно такъ разумѣетъ Евномій, то принимаемъ его слова. Но если, оставивъ Отца, инаго именуешь вседержителя, то іудейское излагаетъ ученіе, или слѣдуетъ Платоновымъ положеніямъ. Ибо и этотъ философъ, сказываютъ, утверждаетъ, что есть нѣкій верховный творецъ и содѣтель какихъ-то низшихъ боговъ. Посему, тотъ, кто, держась іудейскихъ и Платоновыхъ ученій, не приемлетъ Отца, не есть христіанинъ, хотя въ исповѣдуемомъ ученіи и чтитъ какого-то вседержителя, такъ и Евномій обманываетъ наименованіемъ, іудействуя въ своемъ мудрованіи, или чувствуя чтимое элинами, прикрываясь же именемъ христіанина. Но и объ изложенномъ по порядку въ слѣдъ за симъ будетъ тоже слово. Евномій говоритъ: «Богъ боговъ»; присокупивъ имя: Отецъ, рѣчь сію присвоаемъ себѣ, зная, что Отецъ есть Богъ боговъ. А все принадлежащее Отцу, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Сыну. «И Господь господствующихъ». Тоже и объ этомъ слово. «И всевышній надъ всею землею»; ибо кого ни представишь мысленно, Онъ всевышній надъ всею землею. Подобно надзираютъ надъ земнымъ свѣше и Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Но что и въ

слѣдъ за симъ прилагаетъ Евномій къ сказанному: «Всевышній на небесахъ, всевышній во всевышнихъ, пренебесный, истинно Сущій тѣмъ, что Онъ есть и чѣмъ пребываетъ, истинный въ словахъ, истинный въ дѣлахъ»; все это око христіанское равно усматриваетъ въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если же Евномій присвоитъ это только которому либо одному изъ Лицъ, исповѣдуемыхъ по преданію вѣры; то пусть осмѣлится назвать не истиннымъ въ словахъ Изрекшаго: *Азъ есть истина* (Іоан. 14, 6.), или Духа истины, или пусть не соглашается признать истиннымъ въ дѣлахъ Творящаго судъ и правду, или Духа, *дѣйствующаго вся во всѣхъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 6. 11.). Ибо если не припишетъ сего исповѣдуемымъ по преданію вѣры Лицамъ, то совершенно отвергается христіанская вѣра. Ибо какъ почтетъ кто достойнымъ вѣры того, кто живъ въ словахъ и не истиненъ въ дѣлахъ своихъ?

Но приступимъ къ продолженію рѣчи. Ибо говорить: «выше всякаго начала, подчиненія, власти». Наше это ученіе и собственно принадлежащее вселенской Церкви, — вѣровать, что естество Божіе выше всякаго начала, и имѣетъ въ подчиненіи у себя все умпредставляемое нами въ числѣ существъ. Но естество Божіе—Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Если же одному Отцу приписываетъ силу сію,

если Его одного признаеть свободнымъ отъ превратности и преложенія; если Его одного называетъ пречистымъ; то очевидно, что симъ уготовляется, — именно же: Кто не имѣеть сего, тотъ непременно превратенъ, тлѣненъ, прелагаемъ, скорогибнущъ. Итакъ вотъ чему учитъ Евномій о Единородномъ Богѣ и о Святомъ Духѣ! Не употребилъ бы онъ противоположенія, отличая тѣмъ Отца, если бы не имѣлъ сей мысли о Сынѣ и о Духѣ. Разсудите наконецъ, братія, не гонитель ли христіанской вѣры, кто держится сего образа мыслей? Ибо кто согласится признать для себя досточтимымъ превратное, удобопрелагаемое, скорогибнущее? Итакъ у доказывающаго подобныя мнѣнія вся цѣль—изгнать изъ Церкви вѣру въ Сына и Святаго Духа, когда доказываетъ, что не пречисты, не непревратны, не непреложны или Сама Истина, или Духъ истины.

7. Посмотримъ же, что еще присовокупляетъ Евномій къ сказанному. «Не раздѣляя въ рожденіи, говоритъ онъ, собственной своей сущности, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся Отцемъ и Сыномъ; потому что нетлѣненъ». Подобно сему, можетъ быть, что пророкъ говоритъ о нечестивыхъ: *поставъ паучинный ткуть* (Иса. 59, 5.). Какъ паутина имѣеть наружный видъ ткани, но подъ этою

наружностію нѣтъ самостоятельности ; ибо прикасающійся къ паутинѣ не касается ничего состоятельнаго , паутинныя нити отъ прикосновенія пальцевъ пропадаютъ: подобна сему и несостоятельная ткань пустыхъ реченій. «Не раздѣляя въ рожденіи, говоритъ, собственной своей сущности, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый». Словомъ ли надлежитъ назвать сказанное, или скорѣе кускомъ какой-то мокроты, выплевываемой при усилившейся водянкѣ? Ибо что значитъ дѣлать въ рожденіи свою сущность, одному и тому же быть и раждающимъ и раждаемымъ? Кто столько разстроены умомъ, чтобы выговорить слово, съ которымъ, по видимому, борется Евномій? Церковь вѣруеть, что истинный Отецъ есть истинно Отецъ Своего, а не чужаго, Сына, какъ говоритъ апостоль, ибо въ одномъ изъ посланій такъ сказалъ рѣшительно: *Иже Своего Сына не пощадь* (Рим. 8, 33.), присовокупленіемъ слова: *Своего* отличая отъ сподобившихся синоположенія по благодати, а не по естеству. Что же говоритъ оуждающій сіе наше предположеніе? «Не раздѣляя въ рожденіи сущности Своей, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся Отцемъ и Сыномъ; потому что нетлѣненъ». И тотъ, кто слышитъ о сущемъ *въ началѣ Слово*, о сущемъ *Богъ Слово*, о *Словѣ*, исходящемъ отъ Отца, такъ

оскверняетъ пречистый догматъ этими срамными и зловонными мыслями, говоря: въ рожденіи не раздѣляетъ сущности! Какая мерзость этихъ гнусныхъ и нечистыхъ понятій! Какъ же выражающійся подобно этому не разумѣетъ, что Богъ, явившійся во плоти, при составленіи Своего тѣла не допустилъ страсти въ человѣческомъ естествѣ, но *Отроча родися намъ* (Иса. 9, 6.) отъ Духа Святаго и отъ силы Вышняго (Лук. 1, 35.), и Дѣва не извѣдала страсти, и Духъ не умалился, и сила Вышняго не раздѣлилась? Ибо и Духъ всецѣлъ, и сила Вышняго пребываетъ неумаленною, и Отроча родилось всецѣлымъ, и неразрѣченность матери не повреждена; потому плоть безъ страсти рождена плотію. Но Евномію не угодно, чтобы сіяніе славы было отъ самой славы; потому что не умалется и не дѣлится слава, родившая Свѣтъ! И человѣческое слово не отдѣлимо отъ ума рождается имъ. А Божіе Слово, если не раздѣлена сущность Отца, не можетъ родиться отъ Отца! Но кто столько малоуменъ, чтобы не уразумѣть бессмысленности сего ученія? «Не раздѣляя въ рожденіи, говорить, собственной своей сущности». Но у кого собственная своя сущность раздѣляется въ рожденіи? Сущность у людей—естество человѣческое, а у безсловесныхъ въ родовомъ понятіи естество безсловесное, въ частности же у воловъ, у овецъ,

у всѣхъ безсловесныхъ — естество, представляемое по разностямъ отличительныхъ свойствъ. Посему какое изъ сихъ существъ раздѣляетъ собственную свою сущность рожденіемъ? У каждаго изъ животныхъ естество раждаемыхъ по преемству не остается ли всегда неизмѣннымъ? Потомъ человѣкъ, раждая отъ себя человѣка, не раздѣляетъ естества; напротивъ того и въ родившемъ и въ рожденномъ оно всецѣло. Не часть отдѣляется и перемѣщается отъ одного къ другому; не терпитъ утраты въ одномъ, когда совершеннымъ дѣлается въ другомъ, — но, все будучи въ одномъ, все также находится и въ другомъ. Ибо человѣкъ, прежде нежели родилъ отъ себя другаго, былъ живое существо, словесное, смертное, способное обладать разумомъ и свѣдѣніями; и когда родилъ такого человѣка, чтобы въ немъ оказались всѣ отличительныя свойства естества, и человѣкъ, родившій отъ себя человѣка, не теряетъ бытія, но чѣмъ былъ прежде, тѣмъ остается и послѣ, рожденіемъ отъ себя человѣка ни въ чемъ не умаливъ своего естества. И хотя человѣкъ раждается отъ человѣка, однакоже естество раждающаго не раздѣляется.

Объ Единородномъ же Богѣ, сущемъ *вѣ лонѣ Отци*, Евномій не соглашается, что бытіе Его дѣйствительно отъ Отца, боясь упостасію Единороднаго превратить неизмѣнное естество Отца. Но сказавъ: «не раздѣляя сущности въ

рожденіи», присовокупилъ: «не одинъ и тотъ же раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся и Отцемъ и Сыномъ». И думаетъ несвязными реченіями лишить твердости истинное слово благочестія, или доставить какую нибудь силу нечестію, не зная, что чѣмъ придумываетъ доказать нелѣпное, въ этомъ самомъ выказывается смыслящимъ истину. Ибо и мы утверждаемъ, что имѣющій все принадлежащее собственному Его Отцу, всецѣло есть это самос, кромѣ одного, что Онъ не—Отець, и имѣющій все принадлежащее Сыну, показываетъ въ Себѣ всецѣлаго Сына, кромѣ одного, что Онъ не—Сынъ, такъ что построеніе нелѣпности, каковую построиваетъ нынѣ Евномій, спобораетъ истинѣ, по мѣрѣ того, какъ при истолкованіи евангельскаго слова мысль о семъ представляется нами яснѣе. Ибо, если увидѣвшій Сына видитъ Отца, то Отець родилъ другаго Себя, не переставъ быть Собою, и всецѣлымъ являясь въ рожденномъ, такъ что въ слѣдствіе сего сказанное, по видимому, вопреки благочестію, оказалось споборствующимъ здравому догмату.

«Но не раздѣляя въ рожденіи собственной своей сущности, говоритъ Евномій, не одинъ и тотъ же есть и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся и Отцемъ и Сыномъ; потому что нетлѣненъ». Какое вынужденное заключеніе! Чтò говоришь, о муд-

рѣйшій? Поелику нетлѣнень, то не дѣлится собственной своей сущности, раждая Сына. Не Себя самого раждаетъ, и не самъ отъ Себя раждается, не дѣлается вмѣстѣ и Отцемъ и Сыномъ самаго Себя, потому что нетлѣнень. Слѣдовательно, если кто тлѣннаго естества, то онъ разсѣкаетъ сущность въ рожденіи, отъ самаго себя раждается, самъ себя раждаетъ, одинъ и тотъ же дѣлается отцемъ и сыномъ самаго себя; потому что не нетлѣнень. Но если это дѣйствительно такъ; то Авраамъ, какъ тлѣнный, не родилъ Измаила и Исаака, но отъ рабыни и отъ законной супруги имѣлъ чадомъ себя самаго, или по другому затѣйливому способу выражаться, раздѣлилъ на рожденныхъ сущность свою, — и сперва при рожденіи отъ Агари раздѣленный на двѣ части, въ одной изъ половинъ дѣлается Измаиломъ, а въ другой остается половиною Авраама, послѣ же этого остатокъ Авраамовой сущности раздѣленъ на двойное порожденіе Исаака, такъ что въ каждомъ изъ внуковъ дѣлается восьмая часть. Какъ же иной, дробя эту восьмую долю, разложить на части въ двенадцати патріархахъ или въ семидесяти пяти душахъ, въ числѣ которыхъ Іаковъ пришелъ въ Египетъ? И что говорю это? Обличеніе неразумія въ сказанномъ начать должно съ перваго человѣка. Ибо если одному нетлѣнному свойственно не раздѣлять естества въ рожде-

ніи, тлѣненъ же былъ Адамъ, которому сказано: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19.); то по Евноміеву слову, безъ сомнѣнія, раздѣлилъ онъ сущность свою, усѣкаемый на раждающихся отъ него. При множествѣ же потомковъ, поелику находимая въ каждомъ доля сущности необходимо раздѣлена по числу рожденныхъ; то сущность Адамова, раздробленная неисчетнымъ тысячамъ происшедшихъ отъ Адама въ мелкихъ и недѣлимыхъ оныхъ частицахъ, истощается прежде, нежели появился на свѣтѣ Авраамъ, и не находится уже остатка Адамовой сущности, отдѣленной Аврааму и его потомкамъ, потому что въ нечисленныхъ тысячахъ бывшихъ прежде него раздробленіемъ на мелкія части доль истрачено естество. Видите неразуміе человѣка, не знающаго *ни яже глаголетъ, ни о нижше утверждаетъ* (1 Тим. 1, 7.)! Ибо сказавъ: поелику нетлѣненъ, то не дѣлитъ сущности, не раждаетъ самъ Себя, не дѣлается Себѣ Отцемъ, въ слѣдствіе сего о всемъ подлежащемъ тлѣнію далъ разумѣть, что при роженіи происходитъ то, чего, по доказанному имъ, не бываетъ у одного нетлѣннаго. Но, когда много есть и инаго, чѣмъ можно доказать пустоту утверждаемаго Евноміемъ; думаю, и сказаннаго достаточно въ доказательство неразумія. Безъ сомнѣнія же, людьми свѣдущими напередъ признано необходимымъ обращать вниманіе на

послѣдствія. Евномій, одному Отцу приписавъ нетлѣніе, о всемъ умопредставляемомъ послѣ Отца, въ отличіе отъ нетлѣннаго, доказываетъ, что оно тлѣнно, чтобы даже и о Сынѣ доказать, что Онъ не свободенъ отъ тлѣнія. Посему если Сына отличаетъ отъ нетлѣннаго, то не только опредѣляетъ, что Онъ тлѣненъ, но доказываетъ, что принадлежитъ Ему и иное, чего, по словамъ Евномія, нѣтъ у одного нетлѣннаго. Ибо если одинъ Отецъ ни Себя Самаго не раждаетъ, ни Самъ отъ Себя не рождается, то необходимо всему, что не нетлѣнно, и самому себя родить и отъ себя самаго родиться, и одному и тому же дѣлаться и отцемъ и сыномъ самаго себя, приспособительно къ тому или другому въ сущности. Ибо, если Отцу только принадлежитъ быть нетлѣннымъ, нетлѣнному же свойственно не быть этимъ; то, по словамъ ереси, конечно, Сынъ не нетлѣненъ, и непременно есть въ Немъ все это: то есть и сущность дѣлится, и себя самаго рождаетъ, и самъ отъ себя рождается, одинъ и тотъ же дѣлается Отцемъ и Сыномъ самаго Себя.

8.) Или, можетъ быть, напрасно останавливаться долѣе надъ неразумными рѣчами. Перейдемъ къ продолженію слова; ибо Евномій присовокупляетъ къ сему: «при твореніи не нуждаясь въ веществѣ, или частяхъ, или естественныхъ орудіяхъ, потому что ни въ чемъ

не имѣть нужды». Мысль сію, хотя Евноміи буквально выражаетъ ее слабѣе, не исключаемъ однакоже изъ ученія благочестія; ибо дознавъ, что *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пса. 148, 5.), знаемъ, что Слово—творецъ веществу, вмѣстѣ съ веществомъ творящій и качества, такъ что Ему принадлежитъ все и прежде всего то, къ чему устремлена всемогущая воля, вещество, орудіе, мѣсто, время, сущность, качество, все умопредставляемое въ твари. Ибо вмѣстѣ восхотѣлъ, чтобы пришло въ бытіе, чему должно, и этой мысли сопутствовали сила, производящая существа, изволеніе обращающая въ дѣло. Такъ о божественной силѣ любомудрствуетъ въ міробытіи великій Моисей, каждому повелительному реченію приписавъ сотвореніе появляющихся въ твари существъ; ибо говоритъ: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.), а также говоря и о другихъ твореніяхъ, Моисей не упомянулъ ни о веществѣ, ни о содѣйствіи орудій. Съ этой стороны Евноміево слово не заслуживаетъ оужденія; потому что Богъ, творя все, что твореніемъ приведено въ бытіе, для устройства этого не имѣлъ нужды ни въ какомъ либо готовомъ веществѣ, ни въ орудіяхъ. Не нужна чужая помощь Божіей силѣ и Божіей премудрости; а Божія сила и премудрость есть Христосъ; Имъ *вся быша, и безъ Него нѣтъ* ни одного изъ существъ, какъ

свидѣтельствуемъ Іоаннѣ (Іоан. 1, 3.). Посему, если Имъ приведено въ бытіе все видимое и невидимое, а для сообщенія самостоятельности существамъ достаточно было одного хотѣнія, потому что хотѣніе есть сила; то Евномій, хотя въ слабыхъ выраженіяхъ, но наше высказалъ ученіе. Ибо носящій *всяческая глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3.) въ какомъ орудіи, или въ какомъ веществѣ возымѣлъ бы нужду, чтобы всемогущимъ глаголомъ носить самостоятельное бытіе существъ? Но если, чему вѣруемъ объ Единородномъ въ разсужденіи твари, то Евномій доказываетъ въ разсужденіи Сына, будто бы Его сотворилъ Отецъ, подобно тому, какъ Сыномъ приведена въ бытіе тварь; то и теперь повторяемъ опять сказанное прежде слово, а именно, что такое мнѣніе есть отрицаніе Божества Единороднаго. Ибо великимъ Павловымъ словомъ научены мы, что идолослужителямъ свойственно воздать чествованіе и *послужить твари паче Теорца* (Римл. 1, 25.), и Давидъ говорить: *не будетъ тебѣ богъ новъ, ниже поклонишися богу чуждему* (Пса. 80, 10.). Будемъ же пользоваться симъ правиломъ и указателемъ въ познаніи достопокланяемаго, и останемся убѣжденными, что дѣйствительно быть Богомъ значитъ не быть новымъ и чуждымъ. Итакъ, поелику научены мы вѣровать, что единородный Богъ есть Богъ, то вѣруя, что Онъ есть

Богъ, исповѣдуемъ вмѣстѣ, что Онъ не новый и не чуждый. Посему, если Богъ, то не новый; не новый же непремѣнно вѣченъ. Посему не новъ вѣчный, не чуждъ истиннаго Божества Сый отъ Отца, Сый въ лонѣ Отчемъ, въ Себѣ имѣющій Отца. Поэтому, кто отдѣляетъ Сына отъ естества Отца, тотъ, или вовсе отменитъ поклоненіе, чтобы не поклоняться *Богу чуждему*, или чтить идола, тварь, а не Бога, избравъ для своего поклоненія, и идолу придавъ имя Христово.

Что касается до сего разумѣнія Евноміевыхъ предположеній объ Единородномъ, то явственнѣе будетъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Евномій излагаетъ мысли свои о самомъ Единородномъ, именно же слѣдующимъ образомъ: «вѣруемъ и въ Сына Божія, единороднаго Бога, перворожденнаго *всѣя твари* (Кол. 1, 15.), Сына истиннаго, не нерожденнаго, истинно рожденнаго прежде вѣковъ, именуемаго Сыномъ не безъ рожденія предшествующаго бытію, рожденнаго прежде всякія твари, не несотвореннаго». Достаточно, думаю, прочесть только изложенное здѣсь, и безъ нашего изслѣдованія ясно увидѣтъ нечестіе ученія; ибо, назвавъ Сына перворожденнымъ, чтобы не оставить слушающихъ въ нѣкоторомъ сомнѣніи, сотворенъ ли Онъ, или нѣтъ, немедленно присоветуемъ: не несотвореннаго, чтобы иначе значеніе слова: Сынъ, понятаго въ обычномъ

ему смыслъ, не породило въ услышавшихъ какого либо благочестиваго о Немъ понятія. По этой причинѣ, признавъ сначала Сыномъ Божиимъ и едиnorodнымъ Богомъ, вскорѣ потомъ привносимыми понятіями совращаетъ разумъ слушающихъ къ еретическому пониманію благочестиваго представленія; ибо услышавшій названія: Сынъ Божій и едиnorodный Богъ, руководимый значеніемъ сихъ реченій, необходимо возводится къ высшимъ умопредставленіямъ, такъ какъ именемъ: Богъ и значеніемъ слова: Сынъ не привносится никакой мысли о разности естества. Ибо что иное кромѣ Отчаго естества можетъ быть представляемо въ Томъ, Кто дѣйствительно Божій есть Сынъ, и Самъ есть Богъ? Но чтобы именами сими въ сердцахъ слушающихъ не были предварительно напечатлѣны благочестивыя мысли, Евномій немедленно говоритъ, что Сынъ перворожденъ твари, именуется Сыномъ не до рожденія предшествующаго бытію, рожденъ прежде всея твари, не несотворенъ; а изъ сего открывается, что и первыя реченія злоухищренный предлагаетъ людямъ вмѣсто приманки, чтобы и ядъ принять былъ ими, какъ бы медомъ какимъ, подслащенный благочестивыми именованіями. Оставовимся на семъ не надолго въ словѣ. Кто не видитъ, какая разность въ значеніи словъ: едиnorodный и перворожденный? Ибо не умопредставляемъ,

ни единородный съ братьями, ни первородный безъ братьевъ; напротивъ того перворожденный не единороденъ, потому что первороденъ, конечно, въ числѣ братьевъ; а у единороднаго нѣтъ брата, ибо не будетъ единороднымъ счисляемый однимъ изъ братьевъ; и еще сверхъ сего, какой сущности брата перворожденного, такой непременно будетъ и перворожденный. И словомъ симъ означается не только это, но еще, что отъ одного и тогоже имѣютъ бытіе и самъ перворожденный и родившіеся послѣ Него, и что перворожденный ничего не привноситъ отъ Себя къ рожденію слѣдующихъ; а сіе наводитъ на мысль лживымъ признать Іоанново слово, свидѣтельствующее, что *вся Тьма быша*. Ибо если первороденъ, то, безъ сомнѣнія, съ рожденными послѣ него разнится одними только временными преимуществами: между тѣмъ какъ есть другій, къмъ и ему и прочимъ сообщена сила придти въ бытіе. Но чтобы кому изъ клеветниковъ не подать мысли, будто бы, не принимая богодухновенныхъ изреченій, настаиваемъ въ этомъ, сперва предложимъ, какое наше разумѣніе сихъ именованій, и потомъ уже присовокупимъ для слушателей сужденіе о лучшемъ пониманіи. Великій Павелъ, зная, что единородный Богъ во всемъ первенствующій есть началовождь и виновникъ всего добраго, свидѣствуетъ о Немъ, что не только Имъ совершено тво-

реніе существъ, но что, поелику древнее со-
твореніе въ человѣкѣ обветшало и дошло до
истлѣнія (Евр. 8, 13.), какъ онъ именуется сіе,
произошла же иная новая тварь о Христѣ (Гал.
6, 15.), то и въ семъ не иной кто предводи-
тельствовавъ, но во всей твари, совершенной
у людей Евангелиемъ, Онъ есть перворожден-
ный. И чтобы мысль о семъ сдѣлалась болѣе
ясною, изложимъ рѣчь въ такомъ порядкѣ. Бо-
жественный апостоль четырекратно упомина-
етъ сіе реченіе: однажды сказавъ такъ: *пер-
ворожденъ вся твари* (Кол. 1, 15.); еще: *пер-
вородный во многихъ братіяхъ* (Римл. 8, 29.);
въ третьихъ: *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол.
1, 18.), и послѣ употребляетъ слово сіе отрѣ-
шенно, не въ сопряженіи съ другими словами,
сказавъ: *егда же паки сводитъ Первороднаго
во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему
вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6.). Посему въ ка-
комъ смыслѣ разумѣть будемъ сіе имя въ дру-
гихъ его сопряженіяхъ, тотъ же самый смыслъ
по справедливости приспособимъ и къ выра-
женію: *перворожденъ твари*. Ибо, какъ слово
одно и то же, то по всей необходимости одно
и понятіе, имъ означаемое. Посему какъ дѣ-
лается первороднымъ во многихъ братіяхъ?
Почему первороденъ изъ мертвыхъ? Или это,
безъ сомнѣнія, явно? Поелику мы стали кро-
вию и плотію, какъ говоритъ Писаніе (1 Кор.
15, 50.), то ради насъ содѣлавшійся намъ по-

добнымъ, пріобщившійся плоти и крови, чтобы насъ претворить изъ тлѣнія въ нетлѣніе въ рожденіи свѣше водою и духомъ, самъ предшествовалъ въ такомъ рожденіи, собственнымъ своимъ крещеніемъ привлеки Святаго Духа на воду, такъ что Самъ содѣлался перворожденнымъ всѣхъ возраждаемыхъ духовно, и наименовалъ братьями причастниковъ одинаковаго съ Нимъ рожденія водою и Духомъ. А поелику должно ему было вложить въ естество и силу воскресенія изъ мертвыхъ, то дѣлается еще *начаткомъ умершихъ* (1 Кор. 15, 20.) и перворожденнымъ изъ мертвыхъ, первый прекратившій Собою болѣзни смертныя, чтобы и намъ проложить путь къ пакыбітію отъ смерти, по прекращеніи Господнимъ воскресеніемъ той болѣзни смертной, которою были мы одержимы. Посему, какъ участникъ въ банѣ возрожденія дѣлается первороднымъ въ братіяхъ, и еще, содѣлавъ себя *начаткомъ* воскресенія, именуется перворожденнымъ изъ мертвыхъ, и такъ *во всѣхъ первенствуя* (Кол. 1, 18.), послѣ того какъ, по словамъ апостола, *вся древняя тѣлодоша* (2 Кор. 5, 17.), дѣлается перворожденнымъ новой во Христѣ твари—человѣковъ, сугубымъ пакыбітіемъ и воскресеніемъ, какъ по святомъ крещеніи, такъ и изъ мертвыхъ, и въ томъ и другомъ ставъ для насъ начальникомъ жизни, и *начаткомъ*, и перворожденнымъ. Поэтому

первороденный сей имѣеть и братьевъ, о которыхъ говоритъ Маріи: *иду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Ибо сказаннымъ кратко, но вполне изображаетъ цѣль домостроительства о человѣческомъ родѣ. Родъ человѣскій, отступивъ отъ Бога, работалъ не сущимъ по естеству богамъ, и сущіе чадами Божіими стали своими лукавому и лжеименному отцу. Посему *Ходатай Бога и человекъ* (1 Тим. 2, 5.); воспріявъ на Себя начатокъ всего естества человѣческаго, не отъ Божія, но отъ нашего лица посылаетъ извѣщеніе братіямъ Своимъ, говоря: пойду, чтобы Мнѣ самимъ Собою содѣлать Отцемъ вашимъ истиннаго Отца, отъ Котораго вы удалились, и чтобы Мнѣ самимъ Собою содѣлать Богомъ вашимъ истиннаго Бога, отъ Котораго вы отступили; потому что начаткомъ, который воспріялъ Я на Себя, все человѣчество привожу въ Себѣ къ Богу и Отцу.

Посему, поелику Начатокъ Богомъ Своимъ содѣлалъ сущаго Бога и Отцемъ благаго Отца, то всему естеству заслужено благое, и посредствомъ начатка дѣлается Отцемъ и Богомъ всѣхъ человекъ: *аще ли начатокъ святъ*, сказано, *то и прильшеніе* (Рим. 11, 16.). Гдѣ начатокъ Христось (а Христось дѣйствительно начатокъ), тамъ и Христовы, какъ говоритъ апостоль (1 Кор. 15, 23.). Посему, гдѣ у апо-

стола сдѣлаво упоминаніе о словѣ: перворожденный, поставленномъ въ сопряженіи, при воспоминаніи о мертвыхъ, о твари, о братіяхъ, тамъ внушается разумѣть сказанное предъ симъ и подобное сему; но гдѣ говоритъ безъ такового присовокупленія: *егда же паки вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ*, то присовокупленіе слова: *паки* предвозвѣщаетъ то пришествіе Владыки всяческихъ, которое будетъ при концѣ. Ибо какъ о имени *Иисусовъ* всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 16.), и Сынъ не имѣетъ человѣческаго имени, потому что *паче всякаго имени*: такъ скажетъ апостоль, что вся премірная тварь поклонится первородному, такъ именуемому ради насъ, паки входящему во вселенную, *судити вселенный въ правду и людемъ въ правоту* (Пса. 9, 9.). Такъ въ словѣ благочестія различается означаемое словами: перворожденный и единородный, съ сохраненіемъ значенія, тому и другому изъ сихъ именъ соотвѣтствующаго. Но кто имя первороднаго возводитъ до предвѣчнаго существованія, тому какъ соблюсть понятіе единороднаго? Пусть разумный слушатель разсмотритъ самъ, возможно ли въ именахъ сихъ взаимное соглашеніе, когда ни первороднаго не возможно представить себѣ безъ братьевъ, ни единороднаго при братяхъ. Когда Евангелистъ сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово*, при семъ

представляемъ себѣ Единороднаго. А когда присовокупилъ: *Слово плоть бысть*; раждается у насъ мысль о Перворожденномъ. Такъ слово благочестія пребываетъ неслитнымъ, каждому изъ именъ сохраняя сродное ему значеніе, такъ что въ словѣ: единородный видимъ предвѣчное, а въ словѣ: перворожденъ твари, явленіе предвѣчнаго во плоти.

9.) Возвратимся опять къ буквальному чтенію Евноміева слова. «Вѣруемъ и въ Сына Божія, единороднаго Бога, перворожденнаго всея твари, Сына истиннаго, не нерожденнаго, истинно рожденнаго прежде вѣковъ». Итакъ, что Евномій понятіе рожденія распространяетъ на означаемое словомъ: твореніе, сіе явствуетъ изъ того, что Сына Божія открыто называлъ сотвореннымъ, сказавъ, что Онъ приведенъ въ бытіе и не несотворенъ. Но чтобы наиболѣе обнаружились его неосмотрительность и нескѣжество въ догматахъ, отложивъ жалобы на явную хулу, изложимъ слово о семъ съ искусственнымъ нѣкимъ разборомъ. Ибо хорошо, кажется мнѣ, будетъ съ тщательнѣйшимъ изслѣдованіемъ рассмотретьъ въ словѣ то самое, что означается реченіемъ: рожденіе. Хотя всякому явно, что имя сіе означаетъ бытіе отъ какой либо причины, и нѣтъ, думаю, надобности спорить объ этомъ; однакоже, поелику разныя бываютъ отношенія состоявшагося отъ причины, то надлежитъ, полагаю,

уяснить это въ словѣ нѣкимъ искусственнымъ разборомъ. Посему въ происшедшемъ отъ какой либо причины примѣчаемъ слѣдующія разности. Иное происходитъ отъ вещества и отъ искусства, какъ-то устройство зданій и прочихъ работъ, производимое изъ пригоднаго къ тому вещества, подъ управленіемъ нѣкоего искусства, дѣлающаго, что предложенное вещество достигаетъ особой цѣли. А иное—отъ вещества и природы, ибо рожденія живыхъ существъ одного отъ другаго устрояетъ природа, совершающая дѣло свое посредствомъ вещественной самодѣятельности въ тѣлахъ. А еще иное—отъ вещественнаго истеченія, при чемъ, и производящее остается тѣмъ, что оно есть, и истекающее отъ него само по себѣ видимо, какъ это бываетъ съ солнцемъ и лучемъ, или съ свѣтильникомъ и свѣтлостію, или съ благовонными веществами, съ мурами и издаваемымъ ими отъ себя качествомъ; ибо вещества сіи, сами въ себѣ оставаясь не умаляемыми, въ тоже время имѣютъ сопровождающую каждое изъ нихъ и имъ издаваемую естественную особенность, напримѣръ солнце—лучь, свѣтильникъ—свѣтлость, благовоныя вещества—порождаемое ими въ воздухѣ благоуханіе. Есть и другій кромѣ сихъ видъ рожденія, котораго причина невещественна и нетѣлесна, хотя самое рожденіе ощутительно и совершается съ помощію тѣла, — разумію

слово, раждающееся отъ ума; ибо умъ, будучи самъ въ себѣ нетѣлесенъ, посредствомъ чувственныхъ орудій раждаетъ слово. Столько разностей въ рожденіяхъ примѣтили мы по нѣкоей какъ бы прирожденной намъ способности воззрѣнія.

По такомъ нашемъ разборѣ образовъ рожденія, время обратить взоръ на то, какъ челоуѣколюбивое домостроительство Святаго Духа, преподавая намъ божественныя тайны, посредствомъ вмѣстимаго для насъ научаетъ превышающему всякое слово. Ибо всѣ виды рожденія, какіе знаетъ челоуѣческій разумъ, богодухновенное ученіе беретъ для изображенія неизреченной силы, не принимая съ тѣмъ вмѣстѣ тѣлеснаго значенія именъ. Когда говоритъ объ устроющей силѣ, хотя дѣйствование сіе называетъ рожденіемъ, потому что слово должно снизойти до малости нашей силы, но вмѣстѣ не показываетъ при этомъ того, что усматривается у насъ при семъ устроительномъ рожденіи, ни мѣста, ни времени, ни заготовленія вещества, ни сродства орудій, ни цѣли для раждаемаго, но оставляя сіе намъ, величественно и возвышенно приписываетъ Богу приведеніе въ бытіе существъ, когда говоритъ: *яко Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пса. 148, 5.). Опять когда изъясняетъ неизреченное и превосходящее слово исхожденіе Единороднаго отъ Отца, тогда,

поелику нищета человѣческая не вмѣщаетъ въ себѣ превосходящихъ слово и понятіе ученій, и здѣсь пользуется нашими названіями, и именуется Сыномъ (это же имя, по нашему обычаю, дается существу, раждающемуся отъ вещества и природы); но какъ о рожденіи посредствомъ творенія слово Божіе, сказавъ, что оно совершается при посредствѣ нѣкоего вещества, не указало сущности вещества, мѣста, времени, и всего тому подобнаго, опредѣливъ, что есть сила воли Божіей; такъ и здѣсь, сказавъ: Сынъ, оставило все иное, что въ дольномъ рожденіи видитъ человѣческое естество, разумію страсти и расположенія, содѣйствіе времени, потребность мѣста, а прежде всего вещество; такъ какъ безъ всего этого не совершается естествомъ рожденіе дольное. Поелику же всякая таковая вещественная и пространственная сущность не включается въ значеніе слова: Сынъ; то остается одно только естество; и поэтому словомъ Сынъ объясняется близость и вѣрность указанія въ Отцѣ на Единороднаго. И какъ такового вида рожденія не довольно къ тому, чтобы произвести въ насъ достаточное представленіе о неизреченномъ исхожденіи Единороднаго, то слово Божіе къ означенію богословія Сына и другой видъ рожденія заимствуетъ отъ вещественнаго истеченія и называетъ Сына *сіяніемъ славы* (Евр. 1, 39.), и *волею мѣра* (П. Пѣсн. 1, 3.),

и *парю* Божію (Прем. 7, 25.), чѣмъ, по изложенному нами искусственному словозначенію рожденій, укоренившійся у насъ обычай именуется вещественное истечение.

Но какъ въ сказанномъ выше и понятіе о рожденіи твари, и значеніе слова: сынъ, не заключали въ себѣ или времени, или вещества, или мѣста, или страсти; такъ и здѣсь слово Божіе, предпочтительно всякому вещественному понятію взявъ одно значеніе сіянія, или одного изъ прочихъ упомянутыхъ образовъ, боголѣпно представляющихъ подобный видъ рожденія, показываетъ, что должно, по буквальному значенію слова: сіяніе, представлять себѣ изъ Него и вмѣстѣ съ Нимъ. Ибо и *пара* представляетъ не разліяніе какое въ воздухъ предложеннаго вещества, и воня—не переходеніе въ воздухъ чего либо изъ качества мура, и сіяніе—не истечение солнечнаго тѣла, совершающееся посредствомъ лучей; но изъ всего, какъ сказано, подобнымъ образомъ рожденія объясняется одно то, что Сынъ отъ Отца и съ Нимъ умопредставляется безъ всякаго разстоянія, посредствующаго между Отцемъ и сущимъ отъ Отца. Послику же по великому человеколюбію благодать Святаго Духа домостроительствовала, чтобы многократно сообщаемы намъ были божественныя умопредставленія объ Единородномъ; то Писаніе присовокупило и остальной видъ усматриваетъ

маго въ рожденіи,—а именно въ рожденіи отъ ума и слова. И въ этомъ большую осторожность наблюдаетъ возвышенный Іоаннъ, чтобы слушатель по безсилію и малодушію не ниспалъ до обыкновеннаго понятія о словѣ, и не представилъ себѣ Сына звукомъ исшедшимъ отъ Отца. Посему приписываетъ Слову бытіе по сущности въ самомъ первомъ и блаженномъ естествѣ, такъ возгласивъ проповѣдь: *въ началѣ бѣ Слово, и бѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1.), и Богъ—свѣтъ и жизнь, и все, чѣмъ есть Начало, и Онъ былъ. Сей-то способъ рожденія всего, имѣющаго бытіе отъ причины, познаваемаго обычнымъ для насъ образомъ, и святымъ Писаніемъ представленнаго въ ученіи о превысшемъ, въ каждомъ изъ этого можетъ быть, какъ и слѣдуетъ, благочестно пріемлемъ къ изложенію божественныхъ умопредставленій.

Время вникнуть, въ какомъ значеніи принимается слово: рожденіе по Евноміеву ученію. «Сына, говоритъ онъ, истиннаго, не нерожденнаго, и истинно рожденнаго прежде вѣковъ». О семъ злоухищренномъ соотвѣтствіи именъ въ различеніи Лиць, какъ примѣтномъ всякому, надлежитъ, думаю, умолчать: ибо кому не извѣстно, что есть противоположность въ именахъ Сына съ Отцемъ и рожденнаго съ перожденнымъ, а Евномій, умолчавъ объ Отцѣ, противопоставляетъ Сыну нерожденнаго. Должно же было, если только заботился онъ

объ истинѣ, не извращать относительнаго соотвѣтствія въ рѣчи, но сказать: истиннаго Сына, а не Отца. Такимъ образомъ послѣдовательно стію рѣчи спасено было бы и благочестіе, такъ какъ раздѣленіемъ Лицъ не было бы раздѣляемо естество. Но Евномій, измѣнивъ истинное и въ Писаніи принятое въ употребленіе имя: Отецъ, преданное самимъ словомъ въ ученіи вѣры, вмѣсто Отца наименовалъ Нерожденнаго, чтобы, лишивъ Отца естественной, въ названіи Отца усматриваемой, близости къ Сыну, поставить въ общее отношеніе ко всему видимому въ твари, что равно противопоставляется Нерожденному. «Истинно, говоритъ, рожденнаго прежде вѣковъ». Пусть скажетъ: кѣмъ рожденнаго? Конечно, если не постыдится истины, отвѣтитъ: Отцемъ. Но поелику вѣчному Отцу не свойственно отнимать вѣчность у Сына, такъ какъ значеніе имени Отецъ, конечно, указываетъ вмѣстѣ и на Сына, то поэтому Евномій, отригнувъ названіе Отецъ, вводитъ въ рѣчь Нерожденнаго, потому что означаемое симъ именемъ не имѣетъ отношенія къ Сыну и общенія съ Нимъ; и чрезъ это пріучая слушателей вмѣстѣ съ Отцемъ не умопредставлять Сына, переменною имени даетъ свободный ходъ ухищренію, вставкою имени: Нерожденный, пролагая путь нечестію. Ибо, по заповѣди Владыки, имѣющіе вѣру въ Отца, какъ скоро слышатъ объ Отцѣ, воспріемлютъ умомъ и мысль о Сынѣ, потому что умъ не про-

ходить никакого промежуточного разстоянія между Отцемъ и Сыномъ; когда же отъ имени Отца переходятъ къ названію: нерожденный, получаютъ одно голое понятіе сего имени, научаемые только тому, что Онъ не рожденъ, а не тому, что Онъ и Отецъ. Отъ сего же у слушающихъ разумно и при этой мысли вѣра остается невозмущенною, потому что о несовершенномъ еществѣ говорится также быть нерожденнымъ; не сотворены же равно Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи; ибо всякая тварь, и чувственная и премірная, какъ вѣруютъ слѣдующіе божественному слову, имѣетъ самостоятельное бытіе отъ Отца и Сына и Духа Святаго. Кто слышитъ, что *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*, тотъ не разумѣетъ подъ Словомъ реченія и подъ Духомъ дыханія, но въ слѣдствіе сказаннаго опечатлѣвается въ мысли Бога Слово и Духа Божія. Но одно и то же не можетъ и творить и быть творимымъ; напротивъ того существа дѣлятся на двѣ части, на творящихъ и на произведенныхъ, и одна часть отлична отъ другой ествомъ, такъ что не произведенное не можетъ быть не сотвореннымъ, ни то, которымъ совершается ество существъ произведенныхъ, сотвореннымъ. Итакъ, по Владычному изложенію вѣры, увѣровавшіе во имя Отца и Сына и Святаго Духа равно исповѣдуютъ, что ни которое изъ сихъ Лиць не

сотворено, и означаемое словомъ: нерожденный нимало не вредить здравой ихъ вѣрѣ. Но грубымъ и необразованнымъ имя сіе служить началомъ совращенія отъ здраваго ученія; ибо, не понимая истиннаго значенія имени, именно, что слово нерожденный значитъ только не быть приведеннымъ въ бытіе, и что не быть приведеннымъ въ бытіе есть общее свойство всего, что выше твари, и оставивъ вѣру въ Отца, имя Отца замѣнили словомъ: перожденный. И какъ, по сказанному, въ семь имени не видна чюстась Единороднаго, то опредѣляютъ опредѣленное нѣкое начало бытію Сына, говоря то же, что пынѣ Евномій присовокупилъ къ сказанному: «не безъ рожденія предшсествующаго бытію именуемаго Сыномъ».

Какое это оиать новое омраченіе! Не знаетъ развѣ, что ведетъ рѣчь о Богѣ? «Въ началѣ сущаго, и въ Отцѣ сущаго, и не возможно представить, когда не сущаго». Не знаетъ, что говорить, и о комъ утверждаетъ; но, какъ бы ниша родословіе кого-либо изъ людей, что собственно говорится о дольномъ естествѣ, того покушается приложить ко Владыкѣ всякаго естества. Ибо, напрымѣрь, Измаила не было прежде рожденія въ бытіе, но, конечно, прежде рожденія ихъ было, какъ разумью, временное разстояніе. Въ разсужденіи же сіянія славы не имѣетъ мѣста ни прежде, ни послѣ.

Ибо прежде сіянія не было, конечно, и славы; но какъ скоро есть слава, вмѣстѣ съ нею озаряетъ, конечно, и сіяніе, и разлучить одно съ другимъ нѣтъ возможности. Не возможно видѣть славу отдѣльно прежде сіянія; кто говоритъ это, тотъ утверждаетъ, что слава сама по себѣ темна и слѣпа, потому что вмѣстѣ съ нею не озаряетъ сіяніе ея. Но въ этомъ и состоитъ злоухищреніе ереси, чтобы тѣмъ самымъ, что представляемъ и говоримъ о чловѣкѣ, едиnorodнаго Бога устранить отъ единенія съ Отцемъ. Поэтому Евномій говоритъ: прежде рожденія въ бытіе не былъ Сыномъ. Но и сыны оновъ, о которыхъ упоминаетъ пророкъ (Иса. 28, 1.), и тѣ не по рожденіи ли называются сынами? Посему, что разумъ усматриваетъ въ сынахъ оновъ; а именно, что прежде рожденія въ бытіе они не сыны еще оновъ, то досточтимый богословъ приписываетъ нынѣ Творцу вѣковъ и всякой твари, Тому, Кто имѣетъ въ Себѣ вѣчнаго Отца, умопредставляемъ нами въ вѣчности Отца, какъ Самъ говоритъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.). Но не способные усмотрѣть злоухищренія въ словѣ и не обученные какому либо уразумѣнію послѣдовательности мыслей соглашаются на сіи несвязныя ученія, принимая за послѣдовательное, что присовокупляется къ сему.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

стран.	стр.	
19	9	Евновія
21	14	сн. возставшимъ
23	4	— задремавъ
29	9	св. состязующими
31	1	сн. пожеленія
56	6	св. Кизисъ
71	7	— если и
74	15	сн. высказываетъ
81	2	— истиною
87	11	св. наименованіе
105	11	сн. ученія
148	8	— Онъ Бога
153	3	— бесплодно
157	10	св. къ дѣйствительности
236	10	сн. почититъ
246	9	св. сообщал
276	4	сн. Слѣдствіе
313	8	св. словомъ
315	6	сн. того
317	9	— онъ
—	3	— Владыка
325	5	св. и обвиняетъ
327	4	— которами
349	7	— приращенія
352	9	сн. Еф.
353	8	св. Лук. 3,
—	2	сн. 20
363	8	св. Херувимы, Серафимы
364	6 и 7	(17, 4. 8.)

Должно читать:

Евновія
возставшихъ
не задремавъ
состязующимися
пожеланія
Кизикъ
если бы
высказываетъ
Истиною
наименованія
ученіе
Онъ отъ Бога
бесплодно
въ дѣйствительности
почтетъ
сообщая
Въ слѣдствіе
Словомъ
то
Онъ
Владыка твари
когда обвиняетъ
которыми
приращенія славы
Евр.
Лук. 5,
27
Херувимы и Серафимы
(17, 48.)

370	14 св. первая	растѣнія
387	5 св. населенной	ненаселенной
391	12 — чрева	тѣла
402	3 св. вмѣстѣ	вмѣсто
403	12 св. Послѣнку	Посему
405	13 — признавъ	принявъ
410	11 — отступниковъ	отступника
416	1 — дознавъ	дознавъ сіе
417	14 св. дознавъ отъ	дознавъ сіе отъ
420	4 — 2, 31.	2, 3.
429	6 св. перевозести	перевознесши
433	10 — Единороднаго Сына	Единороднаго и Сына
439	6 св. понятіе	понятія
465	11 св. Цирценой	Цирценой
472	2 св. догматъ.	догматъ, излагая въ видѣ разсказа иррадикальнаго уявившемуся.
481	14 — 3, 6	3, 8.
492	3 — согласнымъ	согласное
—	4 св. о себѣ	о Немъ

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ V.)

	стран.
Посланіе св. Григорія Нисскаго къ брату его, Петру, епискоцу севастійскому	1
Посланія Петра Севастійскаго къ брату его, св. Гри- горію Нисскому	5
Опроверженіе Евномія	
книга первая	8
книга вторая	261
книга третья	381
книга четвертая	432
